Академия Наук СССР

Н. Д. Шахназаров

„Крестьянская реформа" 1861 года и крестьянство после „освобождения"

Издательство Академии Наук СССР
Ленинград

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
под редакцией
В. П. Волгина, С. Г. Томсинского и А. И. Малышева

И. Д. Шахназаров

„Крестьянская реформа“ 1861 года и крестьянство после „освобождения“

С приложением 26 иллюстраций

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД · 1934

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Непременный секретарь академик *В. П. Волгин*

Ноябрь 1934 г.

„Крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства“.

„Крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти «освободители» так повели дело, что крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам“.

„Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало... Ни в одной стране мира крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России“.

Ленин.

I. КРЕПОСТНИЧЕСТВО В РОССИИ

Основными классами во времена крепостничества были крепостники-землевладельцы (феодалы) и крепостные крестьяне.

В старину крестьяне были свободными людьми и сообща общинами владели землей. Но, уже начиная с IX—XI веков, князья и бояре древней Руси начали насильственно захватывать крестьянские земли и кабалить крестьян, вынуждая их работать на себя и нести различные повинности. Так стало зарождаться крепостничество.

До XVI века единого русского государства не было. Страна распадалась на отдельные княжества — Киевское, Черниговское, Смоленское, Тверское, Ярославское, Владимирское, Московское, Нижегородское, Рязанское и так далее. В каждом княжестве правители-князья, бояре и монастыри закрепощали все больше и больше крестьян и расхищали их земли. В XV—XVI веках московские князья с помощью духовенства, бояр и татарских ханов стали подчинять своей власти другие княжества и постепенно образовали большое государство. Государство это называлось Московским царством. С этого времени большая часть землевладельцев стала называться чаще помещиками. Помещики во главе с московскими князьями и царями, которые со времени Петра I начали именоваться

российскими императорами, распространили захват крестьянских земель на все государство и в течение XVI—XVIII веков полностью закрепостили почти все крестьянство.

Следовательно, ясно, что крепостничество в России развивалось и держалось очень долгое время. Ленин говорил, что крепостничество, или как оно иначе называется — феодализм, существовало в России с IX по XIX век.

Цари и помещики не ограничивались закрепощением русских крестьян. Они силой оружия захватывали много стран, закрепощали покоренное население, расхищали его земли. Еще при новгородских боярах, а затем при московских князьях были покорены финские племена, занимавшие весь северо-восток Европы от Волги до Белого моря и Уральских гор. В XVI веке при царе Иване Грозном были завоеваны татарские царства — Казанское и Астраханское, были покорены удмурты и чуваши, было положено начало захвату Башкирии и началось завоевание Сибири. В середине XVII века, при втором Романове, царе Алексее Михайловиче была подчинена восточная часть Украины. Затем началось покорение калмыков, казаков и киргизов. В XVIII веке при Петре I были завоеваны берега Балтийского моря и укреплялись позиции русских крепостников на востоке — на Кавказе, Средней Азии и Сибири. При Екатерине II были захвачены берега Черного моря, Крым, Белоруссия, другая часть Украины, литовские и польские земли. В XIX веке окончательно были завоеваны Кавказ, Закавказье и Средняя Азия. В покоренных странах помещики захватывали в свою собственность огромные земельные владения и закрепощали миллионные массы национального крестьянства.

Цари и помещики или, как они иначе назывались, дворяне, поддерживаемые капиталистами — купцами, образовали громадное государство с десятками колоний, с массой покоренных народов, образовали Российскую империю, которая была настоящей „тюрьмой народов".

Цари и императоры широко раздаривали помещикам тех крестьян, которые еще не были крепостными. Раздаривали и русских крестьян, и украинских, и белорусских, и татарских, и башкирских и всяких других. Раздаривали с землями, на которых спокон веку жили крестьяне и которые являлись собственностью крестьянских общин. Много земель с крестьянами роздал дворянам император Петр I (1689—1725 гг.). Дочь Петра I — Елизавета (1741 — 1761 гг.) одному только графу Разумовскому „подарила" 115 тыс. крестьян с их землями. Екатерина II (1762—1796 гг.) „подарила" графам Орловым 45 тыс. крестьян, князю Потемкину 21 тыс. крестьян, графу Румянцеву 20 тыс. крестьян, князю Зубову 13 тыс. крестьян. Всего Екатерина II за свое царствование раздарила и закрепостила 850 тыс. крестьян, преимущественно на Украине. А ее сын Павел I (1796—1801 гг.) за четыре года своего царствования роздал помещикам 600 тыс. крестьян.

Сами цари и императоры были крупнейшими помещиками государства. Они обратили в свою собственность огромное количество земель и в центре государства и в колониях.

Духовенство не отставало от царей и помещиков. Архиереи, игумены и попы захватили громадные земельные владения. Они отнимали лучшие земли у крестьянских общин. Они же получали много и свободных и населенных земель в виде „пожалования" от князей и царей московских.

Они тоже закрепощали сотни тысяч и миллионы крестьян. Именем бога и церкви они освящали крепостное право, доказывая, что крепостное право одобрено „священным писанием“ и узаконено господом богом.

Крестьяне и русские и национальные всеми мерами боролись против захвата своих земель, против закрепощения и угнетения. Помещики, чтобы сломить сопротивление крестьян, всячески помогали царю усиливать и укреплять его власть, усиливать армию, полицию, бюрократию (чиновничество). Все высшие должности в войске, полиции и в управлении занимали дворяне-помещики. Царская власть уже с XVI века начинала становиться самодержавной неограниченной властью. Цари и императоры целиком и полностью стояли на страже интересов помещиков. Они всеми силами содействовали помещикам в закрепощении, угнетении и эксплоатации крестьян. Царская монархия была помещичьей, феодальной, крепостнической монархией.

Во времена крепостничества вся земля в помещичьем хозяйстве обычно делилась на две части. Одну часть помещик сохранял в своем собственном пользовании, другую часть оставлял в пользовании крестьян. Крестьянские участки, или, как они назывались, наделы, обрабатывались крестьянами их трудом и их инвентарем. Помещик оставлял часть земли в пользование крестьян с той целью, чтобы крестьянин с этого участка сам бы себя прокормил и сохранил себя как рабочую силу для помещика. В той части имения, которую помещик оставлял целиком за собой, он устраивал барское хозяйство. Для ведения своего хозяйства помещик не затрачивал ни энергии, ни труда, ни капитала. Помещик не нанимал наемных рабочих. Он не приобретал никакого инвентаря, рабочего

скота и орудий. Всю работу в барском хозяйстве с начала до конца производили крепостные крестьяне со своим инвентарем. Они пахали барскую землю своей лошадью и своей сохой, они ее боронили своими боронами, они ее унавоживали навозом своего крестьянского скота, они жали и убирали хлеб, они на своих подводах доставляли его в барские амбары. Это и являлось той самой барщинной повинностью (отработочной рентой), которую Маркс и Ленин считали основой всего крепостного или, иначе, феодального хозяйства. Маркс считал отработочную ренту „наиболее простой и первоначальной формой ренты". Ленин отмечал, что отработочная рента, то-есть барщина, существовала в России с очень давних времен. Барщина была первичной, основной, но не единственной повинностью крестьян по отношению к крепостникам-помещикам. Крестьяне несли и натуральные оброки (натуральная рента). Они доставляли помещику мясо, масло, сыр, яйца, крупу, лен, пеньку, шерсть, холст и т. д. Наконец, крестьяне несли помещику и денежные оброки (денежная рента). Ежегодно крестьяне платили помещику определенное количество денег.

С течением времени размеры барщинной работы крестьян и размеры оброков все больше и больше увеличивались. И чем дальше развивалось крепостничество, тем все тяжелее и тяжелее становилось положение крестьян. В первое время крепостничества помещик требовал от крестьян такого количества барщины и оброка, которые должны были обеспечить самого помещика, его семью, его слуг. Но начиная примерно с XVI века в крепостной России все больше развивалась торговля и торгово-денежные отношения. Помещику стало выгодно продавать хлеб и всякие другие сельскохозяйственные и даже промышлен-

ные продукты. Но для этого надобно было иметь все эти продукты в гораздо большем количестве, чем требовалось раньше для нужд самого помещика, его семьи, его слуг и челяди. В связи с этим помещики заставляли крестьян все больше и больше времени работать на барщине.

В первое время крепостничества крестьяне должны были работать на барщине 10—15—20 дней в году. Затем из каждых шести рабочих дней недели они должны были отдавать барщинной работе сначала 2—3 дня, а потом 4—5 дней. Во второй половине XVIII и в начале XIX века барщина в ряде имений отнимала у крестьян все шесть рабочих дней недели. В общем же в страдную пору крестьянину оставалось очень мало времени для своего надельного хозяйства. Крестьянин разорялся, нищал и жил в самых невыносимых условиях.

Один из русских писателей конца XVIII века, времени Екатерины II, Александр Николаевич Радищев, который первым в литературе поднял вопрос о тяжелой жизни крепостного крестьянства, яркими словами описал жизнь крестьянина того времени. Радищев рассказывает, что он встретил в поле крестьянина, который в воскресный день пахал, и, удивленный, спросил его: „Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самый жар?“ Крестьянин ответил: „В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечерок возим оставшее в лесу сено на господский двор“.

Радищев описывает избу крестьянина. Она вся в щелях и с печью без трубы, с окнами, затянутыми пузырями, с убогой деревянной утварью, с горшками, в которых редко бывают даже и пустые щи, с хлебом, который на три четверти состоял из мякины. И в глубочайшем воз-

мущении Радищев восклицает: „Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние... Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? То, чего отнять не можем — воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не только дар земли — хлеб и воду, но и самый свет... Закон запрещает отъяти у него жизнь... Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно“. Неудивительно, что через всю книгу Радищева, которая называется „Путешествие из Петербурга в Москву“, проходит такое печальное настроение: „Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала“.

Совершенно ясно, что царь и помещики превратили крестьян в настоящих рабов. Ленин прямо так и называл крепостное право — „крепостным рабством“.

Положение крестьян ухудшалось еще и потому, что помещики, начиная с XVII века, а в особенности в XVIII веке уже не ограничивались одной сельскохозяйственной барщиной. Они стали заводить в своих имениях или вотчинах крепостные промышленные заведения — полотняные, суконные, винокуренные и т. д. Эти крепостные промышленные заведения получили неправильное наименование мануфактур. Под мануфактурами Маркс разумел крупные промышленные предприятия, в которых нет машин, но в которых применяется техническое разделение труда и вольнонаемный труд. Рабочие на мануфактурах — вольнонаемные. Крепостные промышленные заведения были нередко очень крупных размеров. В них было налицо некоторое слабо развитое разделение труда, но рабочие были крепостными людьми. Вот почему они и не являются настоящими мануфактурами. На крепостных

дворянских вотчинных мануфактурах крестьяне были вынуждены нести тяжелую барщину. В имениях, в которых были промышленные заведения, часть крестьян работала на сельскохозяйственной барщине, часть — на промышленной барщине. Или летом крестьяне работали в поле, а зимой на мануфактуре.

Помещики использовывали не только своих крепостных крестьян. Правительство передавало помещикам и купцам громадные владения с живущими на них государственными крестьянами и с правом организовывать на этих землях крепостные промышленные заведения. Крестьяне таких земель становились крепостными и должны были нести тяжелую работу на дворянских и купеческих крепостных мануфактурах. Такие промышленные заведения назывались поссессионными мануфактурами. Поссессионные мануфактуры ведут свое начало со времени Петра I. В 1721 г. Петр издал указ о разрешении купцам и дворянам для организации мануфактур покупать целые деревни с крестьянами „под такою кондицией,[1] дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно".

Поссессионные промышленные заведения были настоящими крепостными мануфактурами. От дворянско-вотчинных мануфактур они отличались тем, что крестьяне и рабочие, прикрепленные к ним, не могли отрываться от данной мануфактуры и продаваться на сторону. Хотя и это не всегда соблюдалось владельцами. Затем рабочие получали, хотя и не всегда, ничтожную заработную плату.

Само государство организовывало промышленные заведения с крепостным трудом. Это так называемые казенные мануфактуры и заводы.

---

[1] Кондиция — условие.

На крепостных вотчинных, поссессионных и казенных мануфактурах не было никаких машин и механических двигателей. Техника была очень низкая. Все работы производились вручную и при помощи самых простых инструментов. Вся тяжесть производства падала на крепостных крестьян и рабочих, на их плечи, на силу их мускулов.

Крепостные мануфактуры, как, например, уральские поссессионные горные заводы, были самой настоящей каторгой для крепостных рабочих и приписных крестьян, прикрепленных к заводам. К уральским заводам приписывалось все больше и больше крестьян как русских, так и других национальностей. Часть крестьян оставлялась при их наделах, и они должны были три раза в год являться на заводские работы, часто на расстояние в 500, 600, 700 верст. Одна дорога в оба конца нередко отнимала 190 дней в году, да работа на заводе 120 дней. На крестьянское хозяйство оставалось всего на всего 50 дней. Другая часть крестьян совсем переводилась на заводские работы. Рабочий день для них был очень велик. Работали в рудниках по пояс в воде. Пища была недостаточная и плохая. Зарплата была ничтожная. За малейшие „провинности" и за недостаточное, по мнению заводчика, прилежание следовали тяжелые наказания. Битье батогами, плетьми, кнутом, заковывание в кандалы, бритье головы, жестокие истязания были обычным явлением. Немудрено, что крестьяне на заводах часто восставали или убегали. Поэтому район завода обычно был похож на крепость, окруженную рвами, башнями и укреплениями с пушками. Даже на работу и с работы рабочих сопровождал конвой.

Не легче было и на тех мануфактурах, которые помещики устраивали у себя в имениях. Эти вотчинные, дворянские крепостные мануфактуры тоже были адом для

крестьян. Один из писателей первой половины 19 века Николай Иванович Тургенев, сам бывший помещиком, рассказывает следующее. „Помещики помещают сотни крепостных, преимущественно молодых девушек и мужчин, в жалкие лачуги и силой заставляют работать... Я вспоминаю, с каким ужасом говорили крестьяне об этих заведениях, они говорили: «в этой деревне есть фабрика», с таким выражением, как если бы хотели сказать: «в этой деревне чума»“.

Росла все больше и больше не только барщина — сельскохозяйственная и промышленная. Росли и оброки как натуральные, так и денежные.

Денежный оброк появился позже барщины и натурального оброка. Денежные оброки встречаются начиная с XV—XVI веков и усиливаются в течение XVII и первой половины XVIII века. Но особенное развитие они получили во второй половине XVIII и в первой половине XIX века. Это было связано с развитием торгово-денежных отношений и с ростом крестьянских кустарных промыслов. С усилением денежных отношений помещики стали добиваться того, чтобы получать с крестьян денежных оброков все в большем и большем количестве. Денежный оброк развивался главным образом в нечерноземных районах России, в губерниях Московской, Владимирской, Костромской и в ряде других губерний. Барщина же упорно держалась и усиливалась в черноземных губерниях центра, Украины и восточных приволжских областей. Хотя и здесь были крестьяне, обложенные денежными оброками, но таких крестьян в этих областях было значительно меньше.

Параллельно с ростом барщины и оброков росли и государственные подати.

Сами помещики никаких податей не платили. Вся тяжесть податного бремени лежала на крестьянах. Содержание царя, царского двора, чиновничества, армии, полиции, духовенства поглощало громадное количество средств, и все эти средства выкачивались из крестьянства.

Военная служба, в особенности со времен Петра I, лежала главным образом на крестьянах. На основании указа Петра I о рекрутской повинности из крестьянской массы вырывались сотни тысяч юношей и на всю жизнь прикреплялись к царской армии. Формально служба продолжалась 25 лет. Но при тяжелых условиях солдатской жизни и при частых войнах редко кто из солдат доживал до срока выхода из армии. А оканчивавшие службу оказывались старыми, разбитыми, ни к чему не годными людьми, порвавшими связи со своими близкими.

Крестьяне не раз пытались свалить крепостников и царя и добиться земли и воли. В начале XVII века, триста лет тому назад, крестьяне поднялись под предводительством Ивана Исаевича Болотникова. Во второй половине XVII века, в царствование второго Романова — Алексея Михайловича, крестьяне вновь поднялись под предводительством Степана Тимофеевича Разина. В конце XVIII века, в царствование Екатерины II, произошло новое восстание крестьян под руководством Емельяна Ивановича Пугачева. Но все эти движения кончались поражением крестьянства, и каждое новое поражение приводило к ухудшению положения крестьянства. Так развивалось крепостничество в России в течение целого ряда веков.

II. КРИЗИС КРЕПОСТНИЧЕСТВА И КРЕСТЬЯНСТВО В ПЕРИОД КРИЗИСА

1. Возникновение капитализма в России

Еще во времена крепостничества, в XVI, XVII и XVIII веках в России развивались обмен и торгово-денежные отношения. Усиливавшийся обмен, растущие торговые связи небольших местных рынков между собой уже в XVII веке приводили к образованию единого всероссийского рынка.

Во второй половине XVIII и к началу XIX века торгово-денежные отношения и обмен сделали значительный шаг вперед. Вместе с тем одни области стали специализироваться на производстве одних продуктов, а другие области — на других. Иначе говоря, развивалось „территориальное разделение труда, прикреплявшего отдельные отрасли производства к определенным областям страны“ (Маркс). Одновременно даже в одних и тех же областях одни стали производить хлеб, другие — холст, третьи — ножи и замки. Одни обрабатывали кожу, другие делали гвозди, третьи шили сапоги. Так развивалось о б щ е с т в е н н о е   р а з д е л е н и е   т р у д а. Развитие общественного разделения труда сопровождалось тем, что от земледелия одни за другими отделялись различные виды обработки сырья, развивалась промышленность, происходило отделение промышленности от земледелия.

Наряду и в связи с общественным разделением труда во второй половине XVIII и в первой половине XIX века происходил и следующий процесс. Высокие оброки и недостаточность земельных наделов, с которых трудно было прокормиться, нести оброки и платить подати, вынуждали оброчных крестьян искать спасения в отходничестве, в занятии разными промыслами, извозом и т. д. Поэтому разоряющиеся слои оброчных крестьян начинали все больше и больше уходить на заработки на сторону. Сами помещики поощряли крестьян к этому. И не только поощряли, но нередко и вынуждали крестьян к отходу на заработки. Очень хорошо это видно из слов одного крепостника-помещика второй половины XVIII века: „Крестьяне все дома сидели и почитали за страх ходить по землям куда-нибудь в большие города работать, и тем доставать себе хлеб и деньги. Напоследок, когда многие помещики зачали к тому их принуждать, то вступили они в поход". А другой крепостник XVIII века, дворянский историк Татищев имел смелость писать следующее: „От праздности крестьяне не только в болезнь приходят, но и вовсе умирают, спят довольно, едят много, а не имеют муциону". Моцион — это значит прогулка. Под „муционом" же для крестьян Татищев имел в виду, конечно, не прогулку, а отход крестьян на заработки. Все это совершенно понятно, если иметь в виду, что значительная часть заработков крестьян от отхожих промыслов шла в карманы помещиков в виде денежного оброка.

В итоге всего этого изрядное количество крепостных оброчных крестьян лишалось возможности вести сельское хозяйство, отрывалось от земли и от средств производства и начинало продавать свою рабочую силу. Так под-

готовлялись рабочие руки для возникавших капиталистических предприятий.

С другой стороны, из тех же крепостных оброчных крестьян и из государственных крестьян, которые имелись в северных областях России, выделялись и зажиточные слои. Эти крестьяне занимались ростовщичеством, торговлей, начинали организовывать различные промышленные предприятия и эксплоатировать разоряющихся крестьян, как помещичьих так и государственных. В то же время и купцы, скопившие большие капиталы, стали часть своих капиталов направлять на устройство промышленных предприятий.

Так подготовлялись условия для развития капитализма.

Капитализм с сотнями и тысячами фабрик и заводов, со сложными машинами, с массами наемных рабочих образовался не сразу. Ленин в своей замечательной книге „Развитие капитализма в России" говорит, что капитализм в ходе своего развития проходит через три периода, через три стадии: „мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия)".

Сначала возникли мелкие крестьянские кустарные промыслы. Они существовали уже издавна. Крестьяне занимались главным образом земледелием. Но, вместе с тем, в своих избах или в особых светелках они производили различные промышленные предметы на продажу. Во второй половине XVIII века кустарные промыслы значительно развились, в особенности прядение и тканье полотна и холста и выделка металлических изделий — ножей, замков и т. д. Некоторые кустари стали пользоваться наемным тру-

дом своих же разорявшихся односельчан. Такие кустари превращались в капиталистов эксплоататоров. Кустарные светелки стали превращаться в маленькие предприятия. Затем размеры предприятий стали расти, и в них начало применяться техническое разделение труда. Техническое разделение труда заключается в том, что один и тот же предмет делается не одним рабочим с начала до конца, как раньше, а несколькими рабочими, из которых каждый делает лишь одну часть предмета или производит лишь одну какую-нибудь операцию над предметом. Одни, например, делают пряжу, другие ткут, третьи красят. Так из мелких кустарных промыслов образовалась капиталистическая мануфактура с разделением труда и с большим числом наемных рабочих, соединенных, большей частью, в одном здании. Но работа еще идет вручную на простых станках. А затем, когда стали появляться машины, из капиталистической мануфактуры вырастала фабрика, вырастала крупная машинная индустрия. Так шло развитие капитализма.

В конце XVIII и первой половине XIX века в недрах крепостного строя России развивалась капиталистическая мануфактура. Она развивалась почти исключительно в легкой промышленности, главным же образом в хлопчатобумажной. С конца XVIII, а особенно со второго десятилетия XIX века открывалось значительное количество хлопчатобумажных мануфактур, на которых сначала вырабатывалась преимущественно ткань из заграничной пряжи, а затем стала вырабатываться и пряжа.

В развитии капиталистической мануфактуры в России, в частности хлопчатобумажной, большое значение имела „континентальная блокада“. Она заключалась в том, что в европейские порты закрывался доступ английским

кораблям и товарам. Это было организовано французским императором Наполеоном I в его борьбе с Англией. В 1807 г. по Тильзитскому договору Наполеон вынудил присоединиться к „континентальной блокаде“ и русского царя Александра I. Приток английских промышленных товаров на время прекратился или во всяком случае значительно сократился. И это дало сильнейший толчок к развитию в России капиталистической мануфактуры, в особенности хлопчатобумажной. В 20—30-х годах капиталистическая мануфактура развивалась все более и более успешно. Количество мануфактур умножалось, число рабочих увеличивалось, продукция предприятий росла.

В 40—50-х годах XIX века, во вторую половину царствования Николая I, часть предпринимателей стала вводить на своих мануфактурах и машины. В России тогда машины не производились. Привозились они из-за границы, преимущественно из Англии. Рост применения машин виден из следующих данных. В 1830 г. в Россию было ввезено машин всего на всего на сумму около 30 тыс. рублей. А в 1846—50-х годах было ввезено машин на сумму в 1681 тыс. рублей, в 1851—55 годах — на сумму в 2103 тыс. рублей. В первые же пять лет царствования Александра II в 1856—60-х годах было ввезено машин на сумму в 7513 тыс. рублей. Вместе с применением машин зарождаются и более или менее постоянные кадры промышленных рабочих.

Таким образом происходило перерастание капиталистической мануфактуры в капиталистическую фабрику. И 40—50-е годы XIX века являются временем начала промышленного переворота в России, то-есть временем введения машин, организации фабрик и заводов и образования рабочего класса из людей,

лишенных своих средств производства. Однако, крепостнические отношения не давали возможности быстрого развития этого процесса.

Капиталистическая мануфактура развивалась главным образом в нечерноземных районах России, в нынешней Московской, Ивановской областях, в нынешнем Горьковском крае. Здесь исстари существовали кустарные промыслы. Помещики этого района из-за малой выгодности сельского хозяйства больше напирали на сбор оброков с крестьян. Чтобы иметь возможность платить высокие денежные оброки, крестьяне развивали свои кустарные промыслы или шли наниматься к хозяевам мелких мастерских, а затем и крупных мануфактур. Так развивалось отходничество, которое давало некоторую возможность капиталистической мануфактуре иметь рабочую силу. Но в том то и дело, что эти отходники не были настоящими рабочими, пролетариями, которых капиталист мог нанимать вполне свободно. Они были крепостными крестьянами. И именно это обстоятельство затрудняло дальнейшее развитие промышленного капитализма.

Крепостники-помещики, в особенности в черноземных областях, насильственно задерживали громадное количество разорявшихся крестьян в деревне для эксплоатации их в сельском хозяйстве. Да и в нечерноземных областях отходничество сопряжено было с затруднениями. Крепостники требовали с отходников большие оброки, нередко неожиданно вызывали их обратно в деревню и т. д.

Развитие капитализма требовало не только свободных рабочих рук, но и широкого рынка для продажи промышленных товаров. Между тем в крепостнической России городов и городского населения было мало. Главным покупателем промышленных товаров в России могло

быть только многомиллионное крестьянство. А оно было закрепощено и разорено. Покупать промышленные товары в более или менее широких размерах разоренное и нищавшее крестьянство не могло.

Так, развитие новых отношений в России — отношений капиталистических — столкнулось со старыми крепостническими порядками. Крепостной строй под влиянием развития капитализма стал давать трещины, стал переживать кризис, который явно наметился в первой половине XIX века.

2. Кризис крепостного хозяйства

Кризис крепостничества сказался на состоянии старой крепостной промышленности, построенной на принудительном труде. Развитие капитализма в России, рост капиталистических мануфактур, начинавшееся перерастание этих мануфактур в фабрики создавали невыгодное положение для крепостной мануфактуры. Вольнонаемный труд, разделение труда, а затем машины давали такие преимущества капиталистическим предприятиям, что конкурировать с ними крепостным мануфактурам было трудно. Все свои товары они производили и медленнее и дороже, чем капиталистические мануфактуры и фабрики. Поэтому крепостные мануфактуры переживали застой, то-есть не двигались вперед, не развивались, не увеличивали своего производства.

Под влиянием всего этого, а также в связи с постоянными волнениями поссессионных рабочих часть владельцев крепостных поссессионных мануфактур стала даже стремиться к тому, чтобы освободиться от крепостных рабочих и перейти к вольнонаемному труду. Поэтому Николай I указом 1840 г. разрешил владельцам поссес-

сионных мануфактур отпускать крепостных рабочих на волю. На основании этого указа около 20 тыс. посессионных рабочих суконных, полотняных и других мануфактур были отпущены на волю еще до 1861 г. Но на Урале крепостные рабочие оставались в прежнем положении.

В связи со всем сказанным некоторые из владельцев посессионных мануфактур пытались перестроить свои промышленные заведения на новый лад, начинали нанимать вольнонаемных рабочих, шире применяли разделение труда и даже заводили машины. Но таких было очень мало.

Вместе с тем крепостной строй стал подрываться и изнутри. Крепостнический гнет все усиливался и усиливался, барщина все больше и больше росла. В районах барщинного хозяйства, а таковых было большинство, крестьянин очень много времени проводил на барщине и не имел возможности трудиться в своем хозяйстве. Это приводило к тому, что уже в конце XVIII и в начале XIX века крепостные крестьяне быстро разорялись. К тому же и количество земли, находившейся у крестьян, уменьшалось, так как помещик за счет крестьянских земель увеличивал свою барскую запашку. Ленин много раз подчеркивал, что крепостное хозяйство основывалось именно на том, что крестьянин имел „свое“ хозяйство на отведенном ему наделе, что и давало ему возможность бесплатно работать на помещика. А раз хозяйство крепостного крестьянина разорялось, то ясно, что он не мог ни сам прокормиться, ни выполнять барщины, ни платить оброка. Выходило так: чем больше развивалось крепостное хозяйство и чем больше угнетал помещик крестьян, тем больше разорялся крестьянин; чем больше разорялось хозяйство крестьянина, чем в худшем положении был его инвентарь

и рабочий скот, тем меньше он мог быть полезен на барщине помещика.

На подрыв крепостного хозяйства в России повлияли и события в других странах. В Англии во второй половине XVIII века произошел промышленный переворот. В Англии появились машины. Она покрылась фабриками и заводами. Городское население увеличивалось, сельское население уменьшалось. Англия из страны сельскохозяйственной стала превращаться в страну промышленную. Она стала производить огромное количество промышленных товаров. Она превратилась в „мастерскую мира". Своего собственного хлеба и сырья для Англии оказывалось уже недостаточно. Англия стала нуждаться в большом количестве привозного хлеба и сельскохозяйственных продуктов. Цены на хлеб на мировом рынке с конца XVIII века стали расти. Россия уже давно торговала с Англией. Помещики-крепостники увидели, как выгодно им вывозить за границу различные продукты, которые они добывали эксплоатацией своих крестьян. В это же время расширялся и внутренний рынок на сельскохозяйственные продукты. В связи с развитием кустарных промыслов и капиталистической мануфактуры росла потребность в покупном хлебе и в сырье и в самой России. Помещики стали понимать, какие большие деньги могут они наживать благодаря создавшейся обстановке. Один из помещиков этого времени М. Швитков в своем сочинении „О двух главных способах к лучшему деревнями управлению" прямо писал, что главной задачей помещиков стало как можно больше „наживать себе денег". И дворяне начали еще крепче нажимать на крестьян. Помещики стали увеличивать барщину и оброк, стали отбирать еще больше земли у крестьян и увеличивать барские запашки. Поло-

жение крестьян в начале XIX века, в царствование Александра I, ухудшилось еще больше, количество земли у них уменьшилось, разорение их пошло еще дальше. Из разоряющегося крестьянина выжимали все, что можно было выжать. Но помещики оказывались в заколдованном кругу. Крестьянин не мог увеличивать в достаточной мере производительность своего труда, его работа на барщине не могла дать того результата, который нужен был помещику. Некоторые помещики пытались вводить в своих имениях сельскохозяйственные машины, применять искусственное удобрение, вводить многопольный севооборот и т. д. Но при крепостном хозяйстве и принудительном труде все эти улучшения не давали сколько-нибудь заметных результатов. Противоречие между крепостным хозяйством и возможностью широкого сбыта хлеба резко бросалось в глаза.

Однако подъем хлебных цен продолжался недолго. Видя, что хлеб можно продавать очень выгодно, сельские хозяева целого ряда стран, как например Германии, Египта, Балканского полуострова, стали производить его в большом количестве. Вследствие этого хлеба на мировом рынке оказалось больше, чем его требовалось. Цены на хлеб с 20-х годов XIX века стали падать. Наступил мировой сельскохозяйственный кризис, который захватил конец царствования Александра I и первые двадцать лет царствования Николая I. Этот кризис крепко ударил именно по крепостной России. Крепостники с большим трудом приспособлялись к изменявшимся рыночным отношениям. Помещики увидели, что дело плохо, хлеб в цене упал, за хлеб нельзя уже выручить такие деньги, как в предшествующие годы. Казалось бы, что им теперь не было особенного расчета нажимать на крестьян. Однако,

помещики сдаваться не хотели. Они продолжали усиленно эксплоатировать и разорять крепостных крестьян.

Следовательно, как ни поворачивалось дело, а положение крепостных крестьян все больше ухудшалось. Подымались хлебные цены, помещик нажимал на крестьянина, увеличивал барщину и оброки, разорял его. Падали хлебные цены — все шло постарому и даже хуже.

К концу царствования Николая, со второй половины 40-х годов, хлебные цены на мировом рынке вновь поднялись. Это объясняется тем, что промышленное развитие в Англии пошло еще дальше, промышленный капитализм стал развиваться во Франции, Германии и других странах. Потребность в хлебе и в сельскохозяйственном сырье вновь увеличилась. Цены на них возросли и за границей и внутри страны. Русские крепостники снова попали в те же условия, как и в начале XIX века. Снова стало возможно продавать большое количество хлеба и сырья и наживать громадные барыши.

Но теперь крепостники очутились перед такими трудностями, которые были во много раз серьезнее, чем за двадцать-тридцать лет до того.

Крестьянские наделы за первую половину XIX века значительно уменьшились. Усиленная барщина отнимала большую часть времени крестьянина, обессиливала его самого и его скот, изнашивала его инвентарь. Разорение и обнищание крепостных крестьян дошло до крайних пределов, производительность крестьянского труда сильно пала и не могла ни в какой мере увеличиваться.

Создалось такое положение, что „собственное“ хозяйство крестьян на своем наделе уже не могло быть действительным „условием помещичьего хозяйства“, уже не могло в действительности обеспечить помещика рабочими руками.

Кризис крепостного хозяйства сказывался и в том, что к середине XIX века помещики задолжали государству 425 млн. руб. Эти деньги они получали из государственных банков путем заклада своих земель и крепостных крестьян. Разложение и кризис крепостного хозяйства становились совершенно очевидными. Но важнейшей, решающей силой, разлагавшей крепостной строй, углублявшей кризис крепостничества, были выступления крестьян, была борьба крестьян против помещиков. Для понимания этой борьбы необходимо ближе рассмотреть положение крестьян в первой половине XIX века.

3. Крепостные крестьяне — рабы помещиков

Положение крестьян в крепостной царской России мало чем отличалось от положения рабов. А раб — это человек, не имеющий своего хозяйства, целиком работающий на господина, существо совершенно бесправное, которого господин мог заставить работать сколько хотел, которого господин имел право продать, изувечить, убить.

Помещик что угодно мог сделать с крепостным крестьянином, мог заставлять его работать сколько угодно. Павел I, напуганный крестьянскими восстаниями, издал в 1797 г. указ об обязательном воскресном отдыхе и о трехдневной барщине. Конечно, этот указ помещиками не соблюдался. Да Павел и не добивался этого. И до этого указа и после него помещики заставляли крестьян работать и пять и шесть, а то и семь дней в неделю. Очень хорошо показал поэт Некрасов то, чем окончилась попытка крестьян одного помещика сослаться на трехдневную барщину:

«А скоро ли? —
Спросил помещик, кушая:
— Окончим сенокос?»
«Да как теперь прикажете:
У нас по положению
Три дня в неделю барские,
С тягла: работник с лошадью,
Подросток или женщина,
Да полстарухи в день.
Господский срок кончается».
«Какой такой господский срок?
Откудова ты взял его?
Ха-ха! дурак! Ха-ха-ха-ха!
Дурак! Дурак! Дурак!
Придумали: господский срок!
Ха-ха... дурак!... ха-ха-ха-ха!
Господский срок —
вся жизнь раба!
Забыли, что ли, вы:
Я божиею милостью
И древней царской грамотой,
И родом и заслугами
Над вами господин!..»

Помещики отнимали у крестьян их пашни, переселяли их в другие имения, переводили в дворовые, то-есть в людей, совершенно лишенных своего хозяйства и вынужденных обслуживать барина в качестве слуг. Помещики друг другу продавали крестьян, как товар, как скот. При этом часто мужа продавали одному лицу, жену — другому, родителей продавали одному помещику, детей — другому. Многие помещики занимались спекуляцией крепостными и наживали деньги на продаже и покупке крестьян. Покупали не только живых крестьян, но „покупали“ и „мертвые души“, чтобы по бумагам заложить давно умерших крестьян в банке и получить деньги. Об этом хорошо рассказал

Гоголь в своих „Мертвых душах“. Особенно был развит торг крестьянами, знавшими какое нибудь ремесло, имевшими какую-нибудь специальность. Бойко также шла торговля молодыми крепостными крестьянскими девушками.

Продажа крестьян и дворовых шла совершенно открыто. Об этом даже делались объявления в газетах. Вот одно из объявлений в газете «Московские Ведомости» за 1797 г. „Продаются дворовые мастеровые люди поведения хорошего: 2 портных, сапожник, часовщик, повар, каретник, колесник, резчик, золотарь и два кучера, коих видеть и узнать о цене можно в 3-ьей части четвертого квартала под № 51 у самого помещика. Тут же продаются 3 беговые молодые лошади, один жеребец и 1 мерин, и стая гончих собак числом 50“.

Помещики зверски обращались с крепостными и сами творили над ними суд и расправу. Екатерина II запретила крестьянам жаловаться на помещиков. За одну только жалобу на помещика крестьян ссылали в Сибирь. Понятно, что большинство помещиков пользовались этим, и жестокости их не было пределов. Порка крестьян, заковывание их в кандалы, сдача в рекруты вне очереди были обычными явлениями.

Многие помещики прямо изощрялись в изобретении самых мучительных способов наказаний: бритье полуголовы и полубо оды, выщипывание бороды, битье по скулам кулаками, битье по зубам каблуком, подвешивание за руки и ноги, вывертывание членов, а затем их вправливание, набивание деревянных колодок на шею, принуждвение работать с колодками на шее, сечение крапивою, сечение солеными розгами, натирание солью по сеченым местам, употребление железных ошейников с гвоздями, наказание плетьми из воловьих жил, забивание в рот кляпа, надева-

ние сетки на лицо для пытки голодом и прикладывание при этом на живое тело сургучной печати, чтобы нельзя было снять сетки, опаливание лучиной волос у женщин „около естества“, употребление „щекобита“, то-есть деревянного орудия для битья крестьянских девушек и женщин, чтобы не марать „дворянские руки о хамские рожи“. Вот каким наказаниям подвергали господа дворяне своих крепостных крестьян и крестьянок. Сотни и тысячи крепостных умирали от жестоких наказаний и зверских истязаний помещиков. Даже в отчетах, которые составлялись царскими чиновниками, сообщалось следующее: „Число умерших от того простирается до 80 человек, исключая 9 малолетних и 34 мертворожденных вследствие наказаний“. Это за один только 1845 г. В отчете за 1848 г. сказано: „От таковых наказаний умерло крестьян обоего пола 52, малолетних 6, рождено мертвых младенцев 20, доведено до самоубийства 4, всего 82 человека“. Следует иметь в виду, что действительное число погибших от наказаний и истязаний было гораздо больше. В отчеты попадали далеко не все случаи. Количество крепостных, погибавших от истязаний помещиков, следует считать не десятками, как об этом говорят отчеты царских чиновников, а тысячами.

Особенно измывались помещики над дворовыми, которые постоянно были на глазах у своих господ. Дворовые готовили господам пищу, убирали комнаты, смотрели за детьми, стригли и брили господ, шили одежду, смотрели за садом и конюшней, сторожили, ездили кучерами, играли на инструментах и на сцене и т. п. Некоторые дворовые девушки специально приставлялись к помещице для того, чтобы чесать ей пятки. Участь дворовых девушек была бесконечно тяжелой. Они должны были угождать и сла-

столюбию помещика и всем прихотям помещицы. За малейшую провинность их жестоко наказывали.

Из помещиц, доведших свои зверства до крайнего предела, особенно „прославилась“ Салтычиха, жившая во второй половине XVIII века в царствование Екатерины II. Салтычиха владела имениями в Московской, Костромской и Вологодской губерниях и имела 600 крепостных. Она подвергла тяжелым и длительным пыткам, замучила до смерти 139 крепостных, большинство из которых были дворовые женщины и девушки. Среди замученных были и девочки 11—12 лет.

Из помещиков, „прославившихся“ своими жестокостями и самодурством, следует отметить еще генерал-лейтенанта Измайлова. Он владел большими имениями в Рязанской и Тульской губерниях. Тяжелая барщина, чрезмерные оброки, самые жестокие наказания, полнейший произвол, сплошные надругательства над женщинами приводили к тому, что в имениях Измайлова постоянно происходили волнения и восстания крестьян. Даже царское правительство, боявшееся роста крестьянских выступлений, вынуждено было обратить внимание на Измайлова. В 1802 г. Александр I приказал произвести следствие о жестоком обращении генерала с его крепостными. Но затем это дело заглохло. И Измайлов продолжал действовать попрежнему. Через 25 лет, по жалобе крестьян, Николай I предал Измайлова суду сената, который в 1830 г. постановил взять его имения в опеку. А Николай приказал ему выехать из своей усадьбы и жить безвыездно в Рязани или Туле. Но Измайлов не подчинился и преблагополучно прожил в своих имениях до самой своей смерти. Император и самодержец всероссийский оказался бессильным в попытках смирить своего подданного. Измайлов изнаси-

ловал сотни крепостных женщин и девушек. В течение десятилетий он жил так, как жили в его время турецкие султаны, имея в своей усадьбе громадный гарем, который он пополнял „своими“ крепостными женщинами и девушками.

Но Измайлов был не один. Гаремы были нередкостью в крепостной России. Запертые в особых помещениях, дворовые девушки и крестьянские женщины должны были удовлетворять все похоти и страсти „своих“ господ. Гаремы пополнялись не только женщинами и взрослыми девушками, но и малолетними девочками 12—14 лет.

Было не мало помещиков, которые установили в своих имениях „право первой ночи“. Крестьянская девушка, вышедшая замуж, должна была первую ночь провести с барином. За помещиками нередко следовали и их управляющие. Вот один пример. В имении помещика Гонецкого управляющий „Карла“ требовал к себе каждую невесту на первую ночь. „Если же сие не понравится самой девке, либо ее матери и жениху и они осмелятся умолять его не трогать ее, то их всех по заведенному порядку наказывают плетью, а девке-невесте на неделю, а то и на две, надевают на шею для помехи спанью рогатку. Рогатка замыкается, а ключ Карла прячет в свой карман. Мужику же, молодому мужу, выказавшему сопротивление тому, чтобы Карла растлил только что повенчанную с ним девку, обматывают вокруг шеи собачью цепь и укрепляют ее у ворот дома“.

Тяжко приходилось и тем из крепостных крестьян, которые отличались каким-нибудь дарованием. Помещики, заметив у кого-либо из крепостных большие способности, иногда отдавали такого крестьянина или дворового на обучение. И таким образом у помещиков оказывались свои крепостные художники, архитекторы, певцы, актеры. Но

доля их была горькая. Вернувшись после обучения из Петербурга, Москвы и даже заграницы, развив там свои таланты, эти люди оказывались такими же бесправными, как и все остальные крепостные. Они должны были подчиняться всем капризам своих господ и безропотно выносить их издевательства, побои и жестокости. Бывали случаи, что крепостных актеров в антрактах между спектаклем секли за то, что игра их не понравилась барину. Граф Аракчеев за малейшую провинность сек своего крепостного архитектора профессора академии Семенова. Нередко крепостные певцы и художники, не будучи в силах переносить крепостную неволю, кончали свою жизнь самоубийством. Очень и очень немногие из крепостных сумели сохранить и развить свои таланты. Таков был, например, великий украинский поэт Шевченко, таковы были замечательный русский актер Щепкин, выдающиеся художники Тропинин и Кипренский. Но тысячи и тысячи талантов были загублены крепостниками.

Поэт Некрасов в своих сочинениях очень хорошо показал бесправие и тяжелое положение крестьян при крепостном праве. Вот, говорит Некрасов, какие песни „певали“ крепостные крестьяне.

Песня „барщинная“:

„Беден, нечесан Калинушка,
Нечем ему щеголять,
Только расписана спинушка,
Да за рубахой не знать.
С лаптя до ворота
Шкура вся вспорота,
Пухнет с мякины живот.
Верченый, крученый,
Сеченый, мученый,
Еле Калина бредет.

В ноги кабатчику стукнется,
Горе потопит в вине,
Только в субботу аукнется
С барской конюшни[1] жене".

Песня „соленая":

„Никто как бог!
Не ест, не пьет
Меньшой сынок,
Гляди — умрет.

Дала кусок,
Дала другой —
Не ест, кричит:
«Посыпь сольцой!»

А соли нет,
Хотя б щепоты!
«Посыпь мукой»,
Шепнул господь.

Раз-два куснул,
Скривил роток.
«Соли еще!» —
Кричит сынок.

Опять мукой...
А на кусок
Слеза рекой!
Поел сынок!

Хвалилась мать —
Сынка спасла...
Знать, солона
Слеза была!.."

А вот и песня „веселая":

„Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нет!"
„Где ж коровка наша?"
„Увели, мой свет!

---

[1] На конюшне обычно пороли и секли крестьян и дворовых.

Барин для приплоду
Взял ее домой.
Славно жить народу
На Руси святой!

Чуть из ребятишек,
Глядь — и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин — дочерей!

Одному уроду
Вековать с семьей.
Славно жить народу
На Руси святой".

4. Крестьянское движение в первой четверти XIX века

Тяжелое материальное и правовое положение крестьян, беспредельный гнет помещичьей эксплоатации, полная поддержка помещиков царем и чиновниками, — все это приводило к тому, что крестьяне пытались собственными силами расправиться с помещиками и улучшить свое положение. Крестьяне, доведенные до крайности, убивали помещиков, сжигали их заживо, секли помещиков и помещиц и т. д. В иные годы крестьяне подымались массами против всего класса угнетателей. В конце XVIII века при Екатерине II произошло восстание крестьян под предводительством Пугачева. Оно охватило всю восточную половину государства и было подавлено с чрезвычайной жестокостью. Однако, вскоре, в самом конце XVIII века, при сыне Екатерины Павле I, в 1796—1797 гг. вновь вспыхивают восстания в различных губерниях. Особенно бурным было восстание крестьян в Орловской губернии. В восстании приняло участие до 10 000 крестьян, вооруженных не только кольями и топорами, но и ружьями. Для

подавления восстания была послана кавалерия, которая не могла справиться с восставшими. Пришлось двинуть против крестьян артиллерию и только при ее помощи усмирили восставших.

После Павла I вступил на престол его сын Александр I (1801—1825 гг.) Неспокойное состояние крестьян и намечавшийся кризис крепостнической системы вынудили Александра издать в 1803 г. указ о „вольных хлебопашцах". Сущность этого указа заключалась в следующем. „Если помещик пожелает", он может отпустить на волю своих крестьян целыми селениями или поодиночке. При этом помещик предоставляет крестьянам в собственность известные наделы за определенную сумму денег, установленную по взаимному договору. Крестьяне, отпущенные таким образом на свободу, становятся „вольными хлебопашцами". Указ 1803 г. никакого действительного значения не имел. За все время царствования Александра I на основании этого указа получило свободу ничтожное количество крестьян — 47 тыс. человек.

При Александре I крестьяне снова поднялись против своих угнетателей. Александр недолго соблюдал „континентальную блокаду". Она была невыгодна помещикам, сбывавшим хлеб в Англию и получавшим оттуда промышленные товары. Царская Россия и Англия совместно повели борьбу с Францией и ее императором Наполеоном. Наполеон, чтобы сломить Александра I, в 1812 г. перенес войну в самую Россию. Боясь Наполеона, многие помещики бросали свои имения и уходили вглубь страны. Пользуясь этим, крестьяне в ряде губерний поднялись против помещиков. Выступления крестьян происходили не только в районах, захваченных военными действиями. Они распространялись и дальше. Крестьяне-ополченцы Пензенской

губернии организовали настоящее восстание. Настроение крестьян, призываемых в ополчение, было таково, что ярославский генерал-губернатор Георгий Голштинский писал угличскому предводителю дворянства: „Следует внутренних вооружений поселян совершенно избегать, ибо оные могут иметь последствия самые пагубные“. Победа царизма над Наполеоном, усиление правительства после победоносной войны, раздробленность крестьянского движения помогли самодержавию и помещикам подавить крестьянские выступления.

Не прошло и десяти лет, как в конце царствования Александра I, в 20-х годах XIX века, наступил новый подъем крестьянского движения. Движение этого времени замечательно тем, что выступления крестьян были очень многочисленны, быстро перебрасывались из одного имения в другое, из одной губернии в другую. Не успевало правительство подавить движение в одной губернии, как оно вспыхивало в другой. Крестьяне убивали помещиков, поджигали помещичьи усадьбы и пристройки, травили помещичьи посевы, рубили лес без разрешения владельцев, отказывались от несения барщины и платежа оброка. В эти годы крестьяне обратились еще к одному способу борьбы с крепостниками. Они стали уходить с давно насиженных мест, к которым они были прикреплены. Угнетаемые, разоряемые, обнищавшие, они бросали свои усадьбы, огороды, скот, орудия и уходили с земель, политых их потом и кровью. Крестьяне уходили искать свободных земель, где, как им казалось, они могли бы жить без угнетения со стороны помещика. Уходили не только отдельные крестьянские семьи. Бывали случаи, что снимались целые селения и шли отыскивать новые свободные места для поселения. Самодержавие всячески препятствовало этому уходу

крестьян. Имения, в которых происходили крестьянские выступления, правительство наводняло не только полицией, но и целыми войсковыми частями, которые жестоко усмиряли крестьян.

Крестьянское движение 20-х годов имеет очень большое значение. Во-первых, оно происходило в условиях углублявшегося и развивавшегося кризиса всего феодально-крепостного строя. Во-вторых, выступления крестьян происходили уже и в центральных областях государства, а не только на окраинах. В-третьих, начиная с этого времени, крестьянское движение, все более и более нарастая, не прекращается вплоть до „крестьянской реформы" 1861 г.

5. Рабочие волнения в первой четверти XIX века

Одновременно и в известной связи с крестьянскими выступлениями происходили и рабочие волнения. Развитие капиталистической мануфактуры вело к увеличению числа вольнонаемных рабочих и к усилению их эксплоатации. Эксплоатация эта была особенно чувствительна потому, что значительная часть вольнонаемных рабочих была крепостными оброчными крестьянами, которые вынуждены были большую часть своего заработка отдавать крепостнику-помещику в виде денежного оброка. А денежный оброк в первой четверти XIX в. как раз все больше и больше увеличивался и доходил в среднем до 35 руб. с души. Одновременно с развитием капиталистической мануфактуры шло разложение крепостного хозяйства и в частности крепостной промышленности. Чем больше разлагалась крепостная промышленность, чем медленнее помещики и купцы могли увеличивать свои доходы от крепостных мануфактур, тем больше усиливался гнет, который лежал на крепостных рабочих, чаще всего тех же

крестьянах, прикрепленных к вотчинным, посессионным и казенным мануфактурам. Положение рабочих было чрезвычайно тяжелым и приводило к серьезным волнениям в особенности на посессионных мануфактурах.

Во все годы царствования Александра I посессионные рабочие находились в очень неспокойном состоянии. Жалобы, заявления и выступления следовали друг за другом. Рабочие жаловались на чрезмерно низкую зарплату, на штрафы и беззаконные вычеты, на очень большое количество рабочих часов, на невозможное качество выдаваемых им на пропитание продуктов, на отнятие у них пахотных земель, на побои и истязания. Рабочие некоторых мануфактур заявляли, что они вообще не хотят подчиняться своим владельцам, так как они люди вольные, а не крепостные. Особенно бурные выступления рабочих произошли в 20-х годах и совпали таким образом с крестьянскими выступлениями этого времени.

Чрезвычайно характерными оказались волнения рабочих на заводе Баташевых во Владимирской губернии, происшедшие в 1822 г. Чиновники, по поручению правительства производившие расследование дела на месте, пришли к очень выразительному выводу, характеризующему и самое волнение и впечатление, которое оно произвело. Вывод этот был следующий: „Мастеровые возмутились не противу частного лица, а противу правительства“.

Очень крупные выступления рабочих произошли в 1822—1823 гг. на чугуноплавильных и железоделательных заводах купца Расторгуева на Урале. Расторгуев, как и многие другие заводчики, применял чрезвычайно „простые“ способы увеличения своих доходов. Задержка зарплаты, недодача ее, даже и прямая невыдача были

обычными приемами „предпринимательской деятельности“ Расторгуева. К этому прибавлялась еще продажа хлеба из заводских лавок по очень высокой цене.

В связи со всем этим, рабочие Кыштымских заводов Расторгуева в марте 1822 г., в количестве 50 с лишним человек, бросили работу и направились в Екатеринбург, где и подали жалобу на своего владельца. Комиссия, приехавшая на завод для расследования, сразу же наткнулась на то обстоятельство, что движение оказалось не стихийным, а достаточно организованным и сознательным. Комиссия потребовала от рабочих выделить несколько человек для заслушания от них жалобы. Рабочие решительно отказались выполнить это требование, отлично поняв, что избранные делегаты будут арестованы как зачинщики „бунта“. Рабочие значительной массой, в количестве около 100 человек, явились к комиссии и когда они увидели, что из переговоров ничего не выходит, что Расторгуев ведет свою линию, не встречая отпора со стороны приехавших правительственных чиновников, они, по данному одним из руководителей сигналу, уходят с завода, снимают с работы тех, которые в это время работали, присоединяют их к себе и, взяв припасы, направляются в Екатеринбург. Правительственные чиновники были вынуждены уступить рабочим. Их распределили по казенным заводам, установив им содержание, как казенным рабочим.

Однако, это была только временная уступка, вынужденная сплоченностью и настойчивостью рабочих. Местные власти сообщили обо всем в Петербург. Дело рассматривалось в комитете министров. В августе того же 1822 г. Александр I утвердил постановление комитета о строжайшем наказании всех участников выступления на Кыштымских заводах. Руководителей решено было наказать

особенно сурово, а всех рядовых участников выступления в количестве около 100 человек приговорили к 25 палочным ударам каждого. Когда в ноябре месяце на завод явились должностные лица для приведения приговора в исполнение, рабочие, выступив организованно, не дали исполнить приговора, избили и прогнали экзекуционную комиссию и произвели арест административных, полицейских и воинских властей завода. Рабочие избрали начальника из собственной среды — Клементия Косолапова. Завод восстал в подлинном смысле этого слова. Восставшие направляли делегатов на соседние заводы и в ближайшие деревни. К движению присоединились рабочие соседних Уфалейских заводов и заводов купцов Губиных. Примкнули и приписные крестьяне этих заводов. Движение расширялось. Намечалась смычка рабочего и крестьянского движения. Лозунги выступления расширялись и углублялись. Агитация среди рабочих соседних заводов и среди крестьян в деревнях и селах шла уже под лозунгом освобождения от крепостной зависимости, под лозунгом воли. Понадобилось две с половиной тысячи пехоты и кавалерии, чтобы самодержавие, во главе с Александром I, могло, и притом с большим трудом, одержать победу над шестьюстами восставших рабочих, во главе с их вождем Клементием Косолаповым. Косолапов и другие руководители восстания были посланы в Екатеринбург для суда и расправы.

Не успели войска подавить это восстание, как 12 февраля 1823 г. начались волнения на другом заводе — Назипетровском. Оно было подавлено с немедленным применением военной силы. В июне того же года вспыхнуло новое возмущение в селе Рождественском. Оно также было подавлено военной силой.

В следующем 1824 г. бежавший из тюрьмы Клементий Косолапов с несколькими товарищами явился в район заводов и начал устанавливать связи с рабочими. Власти и полиция стали преследовать Косолапова, окружили его с товарищами. Косолапов со своими товарищами без боя не сдался. Но понятно, что бой окончился поражением рабочих. Косолапов был смертельно ранен и вскоре умер.

В рабочих волнениях первой четверти XIX века прежде всего бросается в глаза то, что они совпадают по времени с крестьянскими выступлениями. Рабочие волнения сливаются в общем с крестьянскими выступлениями, являются в известной мере частью крестьянского движения. Рабочие выдвигают единый с крестьянами лозунг „вольности“. Да все это и понятно, если иметь в виду, что рабочие эпохи крепостничества были в значительной мере теми же крепостными, что довольно большая часть из них не рвала даже полностью с землей и с сельским хозяйством. Совершенно несомненно, что в основном рабочие выступления шли в направлении борьбы с крепостническими отношениями. Но, вместе с тем, следует отметить, что рабочие начинают выдвигать и требования, связанные с их особым положением, как, например, требование о повышении заработной платы. Они организуют своеобразные стачки, так как всей своей массой бросают завод и всей массой направляются в губернские и областные центры для жалобы. Рабочие действуют организованно, среди них выдвигаются настойчивые и энергичные вожди, целиком отдающие себя делу защиты своих товарищей, например, Клементий Косолапов. Рабочие проявляют организационные способности в смысле устройства своего собственного управления, в смысле умения продержаться длительное время

и оказать стойкое сопротивление насильникам и власти. Рабочие одного завода, раз выступив, организованным порядком, через связи и агитацию, подымают против общего врага соседние заводы. Наконец рабочие стремятся к тесной смычке с крестьянами, подымая соседние деревни и села, играя роль руководителей. Особенно следует подчеркнуть, что движение на заводах Баташева и Расторгуева показало, что рабочие в конечном итоге выступали не только против своих владельцев, но против самодержавия, против всего существующего строя.

6. Солдатские выступления в первой четверти XIX века

В связи с крестьянскими выступлениями находилось движение и среди солдат, движение, колебавшее самую основу царской власти, именно военную силу самодержавия. Военным министром в царствование Александра I был граф Аракчеев. Это был тупой, жестокий и совершенно необразованный человек. Вместе с императором Аракчеев организовал „военные поселения“, в которых крестьяне, взятые на военную службу, должны были обучаться военному делу и одновременно заниматься земледелием. Военные поселения были очагами самых диких и однообразных „порядков“, муштры, порки, шпицрутенов [1], полнейшего произвола и ужасов для живших там крестьян.

---

[1] Наказание шпицрутенами или прогнание сквозь строй было введено Петром I. Шпицрутены — это длинные, гибкие палки. Осужденный, привязанный к ружью, медленно проходил сквозь строй сотни и тысячи солдат, вооруженных шпицрутенами. Каждый солдат нано-

Тяжела была военная служба не только в военных поселениях. Жестокие наказания, бессмысленная муштровка, полное бесправие солдат царили и в армии, и в гвардии. Положение солдатской массы было чрезвычайно тяжелым. Шпицрутены постоянно „гуляли“ по солдатским спинам. Угроза „прогулки по зеленой улице“ была кошмаром для солдат. Все это полностью одобрялось Александром.

Из солдатских выступлений особенно крупным движением, произведшим чрезвычайно сильное впечатление на правительство и Александра I, была „История в Семеновском полку“ 1820 г. Гвардейский Семеновский полк, постоянно стоявший в Петербурге, принимал участие в европейских походах Александра I, затем вновь вернулся в столицу и был одним из любимых полков царя. Но и сама гвардия, а следовательно, и Семеновский полк были не те, что в XVIII веке. Тогда гвардия сплошь была дворянской — и офицеры, и солдаты набирались из дворянства. Во второй половине XVIII века указами Петра III и Екатерины II дворянство добилось того, что военная служба сделалась для него необязательной. Теперь не только в армии, но и в гвардии рядовой солдатский состав пополнялся из крестьянской массы. Дворяне продолжали итти на военную службу, но занимали в ней только командные должности. Солдатская масса, набираемая из крестьян, конечно, отражала стремления и настроения своего класса.

Затем некоторое значение имело и то обстоятельство, что многие полки, в том числе и Семеновский, побывали во время войны с Наполеоном I за границей. Наиболее

сил осужденному удар. Многие умирали, даже не дойдя до конца строя. В просторечии наказание шпицрутенами называлось „прогулкой по зеленой улице“, так как для наказания срубались свежие ветви деревьев.

сознательные из солдат делали свои выводы как из сопоставления всех вообще русских порядков с европейскими, так и из сопоставления порядков в русской армии с порядками в армиях европейских. Указания на это мы находим в докладе, сделанном не кому иному, как министру внутренних дел графу Кочубею: „Солдаты, возвратившиеся из-за границы, а наипаче, служившие в корпусе, во Франции находившемся, возвратились с мыслями совсем новыми и распространяли оные при переходе своем, или на местах, где они квартируют. Люди начали больше рассуждать. Судят, что трудно служить, что большие взыскания, что они мало получают жалования, что наказывают их строго и пр., между солдатами есть люди весьма умные, знающие грамоту. Они, как и все, читают журналы и газеты". Солдаты должны были особенно призадуматься после возвращения в Россию, в обстановку ничем неограниченной жестокости, нелепой муштровки, произвола командного состава, аракчеевских порядков, порки и шпицрутенов, господствовавших в царской армии.

Для характеристики настроения солдат достаточно привести следующее место из солдатской песни времени Александра I, песни чрезвычайно популярной среди солдат:

„Лучше в свете не родиться,
Чем в солдатах находиться.
Этой жизни хуже нет,
Изойди весь белый свет.
Я отечеству защита,
А спина всегда избита,
Я отечеству ограда,
В тычках, пинках вся награда,
Кто солдата больше бьет,
И чины тот достает..."

Громадную роль в деле солдатских выступлений должно было сыграть и подымавшееся в стране крестьянское движение. Все это привело к тому, что в войсках среди солдат началось брожение, начались выступления.

Командиром той бригады гвардии, куда входил и Семеновский полк, был назначен Александром его младший брат Михаил Павлович. Тупой и жестокий, фрунтовик и муштровик, помешанный на форме, погонах и петличках, ненавидимый всей гвардией, Михаил решил подтянуть „вверенные" ему полки, в особенности Семеновский полк. Аракчеев полностью его поддерживал. Сам Александр начал косо посматривать на Семеновский полк. Михаил стал упорно добиваться смены командира полка Потемкина, которого он считал мягким, неподходящим командиром.

Царь согласился и в „светлый праздник" 1820 г. назначил полковника Шварца командиром Семеновского полка. Этот подарок царя к „светлому празднику" дорого обошелся солдатам Семеновского полка. Шварц был типичным аракчеевцем. Жестокие наказания, наглые издевательства, каждодневные притеснения, полнейший произвол, ухудшение материального положения солдат, — вот что получили семеновцы от Шварца, назначенного волею царя Александра и великого князя Михаила. Недовольство солдат нарастало и в любой момент готово было прорваться.

Возмущение солдат Семеновского полка началось 16 октября 1820 г. Следственный материал военно-судного дела следующим образом рисует обстоятельства, поведшие к возмущению: „В этот день, во время учения, когда не был еще сведен полк и роты учились отдельно, 2-я рота, кончив ружейные приемы, стояла вольно. Ротный командир, увидя приближающегося полковника, скомандо-

вал: «смирно». При этом один из рядовых — Бойченко стал во фронт, не успев застегнуть мундир. Тогда Шварц подбежав к нему, плюнул ему в глаза, потом взял его за руку и, проводя по фронту первой шеренги, приказал на него, Бойченко, плевать. Сверх того некоторых из нижних чинов, имеющих знаки отличия военного ордена, он наказал тесаками". Это переполнило чашу терпения солдат.

Вечером того же дня 1-я рота, так называемая „рота его величества", вышла из своего помещения в коридор, вызвала своего ротного командира и заявила свое недовольство порядками полка и командиром Шварцом. Для армии царя это считалось жестоким нарушением дисциплины. Сам Шварц, сильно струсивший, в полк к месту происшествия не явился. Уговоры батальонного командира Вадковского, обращенные к солдатам, его призывы разойтись и успокоиться не помогли. Сообщили командиру гвардейского корпуса генералу Васильчикову.

Первая рота была вызвана в штаб корпуса, якобы для допроса к Васильчикову, причем ей приказано было быть без оружия: ведь солдаты вызывались не для того, чтобы итти в бой или на парад, а шли на „беседу" со своим начальством. В штабе корпуса уже находилось две роты Павловского полка в полном вооружении. Васильчиков приказал им отвести „роту его величества" в Петропавловскую крепость.

Арест 1-й роты и вероломство, проявленное высшим начальством, страшно возмутили семеновцев. 17 октября вечером солдаты двух рот, соединившись, бросились к помещению третьей роты, выломали ворота, оттолкнули часовых и подняли на ноги солдат всего первого батальона Семеновского полка. Это уже был настоящий „бунт" в гвардии. Солдаты требовали одного — освобождения

арестованных товарищей. Возбуждение дошло до крайних пределов, когда солдаты узнали, что Шварц, осведомленный обо всем, призываемый солдатами для переговоров, не хочет являться в полк. Солдаты отрядили 130 человек из своей среды для того, чтобы отыскать и убить Шварца. Но его нигде не нашли. Много младших офицеров, полковников и генералов уговаривали солдат успокоиться и прекратить волнения. Ответ солдат всем им сводился к следующему: отпустите первую роту из-под ареста, тогда уже будем разговаривать дальше. Второй и третий батальоны, вначале остававшиеся спокойными, в конце концов присоединились к своим товарищам из первого батальона. На все вопросы, уговоры и „ораторские" упражнения командира бригады великого князя Михаила солдаты ничего не отвечали и упорно молчали. С главным виновником своих бед, с ненавидимым всей гвардией братом царя, они не хотели и разговаривать. А когда один из генералов сказал солдатам, что ему стыдно на них смотреть, то выступивший вперед старый гренадер, на котором было 15 ран, ответил стыдливому генералу: „А нам ни на кого смотреть не стыдно". Затем полк вышел на улицу и стал перед казармами. Сюда, по распоряжению высшего начальства, были приведены войска и привезена даже артиллерия. Лейб-егерский гвардейский полк пришел первым и заявил семеновцам, что он в них стрелять не будет.

Семеновцы проявили большую стойкость, они проявили исключительную высоту товарищеского чувства. Но у них не было никакой предварительной подготовленной организации, не было ясного понимания необходимости вооруженного восстания против самодержавия. Семеновцы вышли на улицу безоружными, чтобы под-

черкнуть, что они не на бунт идут, а хотят только защитить своих арестованных товарищей и добиться улучшения своего положения в полку.

Рано утром 18 октября к совершенно безоружным семеновцам, окруженным со всех сторон вооруженными до зубов войсками, вышел их корпусный начальник и заявил, что он предал суду первую роту и без разрешения царя не выпустит ее из крепости, а все остальные роты проявили непослушание и должны тоже пойти под арест. „Где голова, там и ноги“ — послышалось в рядах солдат, и они, не заходя даже в казармы, прямо направились в Петропавловскую крепость.

Затем начались суд и расправа. Военный совет постановил второй и третий батальоны отправить в Свеаборгскую и Кексгольмскую крепости, а первый, наиболее виновный батальон, оставить в Петропавловской крепости. Когда отправляли из Петербурга, из Петропавловской крепости второй и третий батальоны, то Троицкий мост, бывший на том месте, где теперь стоит мост Равенства, был занят вооруженными казачьими, кавалергардскими и гренадерскими полками. Власти опасались взрыва народного сочувствия к высылаемым солдатам. Командир одного из отправляемых батальонов Вадковский прямо писал царю: „По принимаемым начальниками мерам всякий здравомыслящий должен был заключить, что в окрестностях города находится неприятель“. Так перепуганное самодержавие все еще боялось семеновских солдат, арестованных, безоружных, окруженных конвоем, высылаемых из столицы. Как жилось высланным двум батальонам в крепостях, видно из письма фельдфебеля Александрова: „А что касается до нашего житья, то нам очень худо... в казармах как совершенно в аде“.

Над первым батальоном в Петербурге было наряжено следствие и суд. Александр, узнавший за границей о событиях в Семеновском полку, сильно перепугался. Он приказал произвести строжайшее расследование. Суд, согласно указаниям царя, вынес следующий приговор: 8 солдат прогнать по шесть раз сквозь строй через батальон, вооруженный шпицрутенами; это была самая мучительная смертная казнь; около 600 человек наказать плетьми, а затем сослать в армейские полки на Кавказ и Сибирь; весь состав Семеновского полка приказано было расформировать и всех солдат и офицеров распределить по другим полкам. Семеновский полк был сформирован заново. Так расправилось самодержавие с мятежным Семеновским полком.

Паника, охватившая царя и правительство, имела известные основания. Бенкендорф, будущий главный начальник — шеф жандармов, человек влиятельный и осведомленный, писал князю Волконскому; „Более чем вероятно, что если бы настоящая катастрофа потребовала вмешательства вооруженной силы, то сия последняя отказалась бы повиноваться, так как большая часть полков уже давно разделяла неблагоприятное мнение семеновцев о полковнике Шварце". А флигель-адъютант Бутурлин прямо писал в письме к царю, что стоило бы кому-нибудь из гвардейских офицеров стать во главе солдат и побудить их взяться за оружие, то все пошло бы к чорту.

После же ареста семеновцев был арестован и посажен в Шлиссельбургскую крепость унтер-офицер егерского полка Степан Гущевозов за слова, с которыми он обратился к одному солдату Преображенского полка: „Если не возвратят арестованных батальонов, то они докажут, что революция в Испании ничего не значит в сравнении с тем, что они сделают... Вся

гвардия взбунтуется и сделает революцию... Взбунтуется вся гвардия — не Ишпании чета, все подымет". Преображенский гвардейский полк, представитель которого слушал эти речи Гущевозова, сам находился в состоянии возбуждения. Один из офицеров другого гвардейского полка — Измайловского — рассказывал, что после семеновской истории настроение в Измайловском полку было очень возбужденным и прямо мятежническим. Офицер, служивший в Финляндском полку, говорил, что после семеновской истории один солдат этого полка угрожал своему полковнику, что в случае сражения первую пулю он пошлет ему, своему командиру.

Но дело не ограничилось всем этим. В конце октября того же 1820 г. во дворе казарм Преображенского полка была найдена прокламация. В прокламации мы, между прочим, читаем: „Ни великого князя, ни всех вельмож не могли упросить, чтобы выдали в руки тирана, своего начальника, для отмщения, за его жестокие обиды; из такового поступка наших дворян, мы, все российские войска, можем познать явно, сколь много дворяне сожалеют о воинах и сберегают тех, которые им служат... Истина: тиран тирана защищает! У многих солдат от побоев переломаны кости, а многие и померли от сего. Но за таковое мучение ни один дворянин не вступился. Скажите, что должно ожидать от царя, разве того, чтобы он нас заставил друг с друга кожу сдирать. Поймите всеобщую нашу глупость и сами себя спросите: кому вверяете себя и целое отечество и достоин ли сей, чтобы вручить ему силы свои, да и какая его послуга могла доказать, что он достоин звания царя? И если рассмотрите дела своего царя, то совершенно не вытерпите, чтобы публично не наказать его". Дальше в прокламации

говорится: „следственно, государь никто иной значит, как сильный разбойник“. Таким образом в прокламации вопрос ставится о борьбе со всем дворянством, о борьбе с самодержавием.

А дальше мы видим слова, которые полностью вскрывают, что солдатские выступления были связаны с интересами, положением и настроением того класса, откуда вышли солдаты, с крестьянством: „Бедные воины. Посмотрите глазами на отечество, увидите, что люди всякого сословия подавлены дворянами. В судебных местах ни малого нет правосудия для бедняка. Законы выданы для грабежа судейского, а не для соблюдения правосудия. Чудная слепота народов. Хлебопашцы угнетены податьми: многие дворяне своих крестьян гоняют на барщину шесть дней в неделю. Скажите, можно ли таких крестьян выключить из числа каторжных?“

Наконец в прокламации мы имеем следующие строки, полные революционного энтузиазма и героического самопожертвования: „Кровь моя должна быть пролита рукою тиранов, но я почитаю, что на поле против врага умереть не столь важно, сколь важно в отечестве за правду, которая сокрыта от него и за оное дни свои кончить ужаснейшими мучениями“.

Солдатские выступления времени Александра I были тесно связаны с крестьянским движением и были одной из форм борьбы крестьянства с крепостниками и самодержавием.

Солдатские выступления имели громадное значение. Войско было главной опорой самодержавия. И эта опора в период кризиса крепостничества стала колебаться.

7. Рабочие волнения и крестьянское движение в царствование Николая I

Все царствование Николая I (1825—1855 гг.), который сделался царем после своего брата Александра I, было сплошь заполнено крестьянскими „бунтами“.

Монархия Николая I была феодальной или крепостнической монархией со всесильной бюрократией и полицией. Крепостническая и полицейская монархия Николая I была оплотом дворянского класса. Николай, так же как и его предшественники, рьяно отстаивал интересы крепостников — дворян. Крепостное право всячески им поддерживалось. Крепостники без удержу эксплоатировали, угнетали и разоряли крестьян. Положение крестьянства становилось невыносимым. Выступления крестьян сделались постоянным явлением.

Все отчеты николаевских жандармов за тридцать лет его царствования полны сведениями о случаях неповиновения крестьян помещикам и властям, о попытках освобождения арестованных, об убийствах помещиков, о разгромах помещичьих имений, о побегах крестьян, об их упорстве в стремлении добиться свободы. Все отчеты полны сведениями о предании крепостных крестьян и крепостных рабочих военному суду, об арестах и порках крестьян, о наказании их шпицрутенами, о ссылке крестьян в Сибирь и в арестантские роты, о постоянной посылке войск то в одно, то в другое имение, о сопротивлении крестьян полиции и войскам. Во многих отчетах говорится и о выступлениях государственных крестьян и крепостных рабочих.

Волнения среди крепостных рабочих были обычным явлением в царствование Николая I.

Особенно упорными были волнения на крупной суконной поссессионной мануфактуре купца Осокина в Казани. Рабочие этой мануфактуры выступали еще в царствование Павла I и Александра I. Они жаловались на длительность рабочего дня, на ничтожную заработную плату, на скверное довольствие, на страшную нужду, на тяжелые условия работы, на жестокости, побои и убийства рабочих. К тому же рабочие стояли на том, что они вольные, что Осокину они не принадлежат.

В начале царствования Николая I рабочие дважды подавали через своих поверенных заявления на имя царя с жалобами на притеснения Осокина. В 1834 г. рядовой из рабочих Осокина, Сапожников, во время смотра войскам в Нижнем-Новгороде лично подал жалобу императору на притеснения мастеровых. Николай назначил комиссию для расследования. Комиссия ограничилась тем, что стала добиваться от рабочих подписки в повиновении владельцу. Подавляющее большинство рабочих отказалось дать подписку, настаивая на своей вольности. При этом они дали комиссии следующие сведения. Осокин засек до смерти троих рабочих, 76 сдал в рекруты, главным образом из числа непокорных, 55 человек при нем было сослано в Сибирь на поселение. В 1836 г., во время пребывания Николая I в Казани, рабочие всей толпой подали ему новую жалобу на Осокина. В ответ на это большинство рабочих были жестоко наказаны розгами, а 51 человек наиболее активных из них были сосланы в Сибирь на поселение или сданы на военную службу. Несмотря на все это, рабочие вновь отказались дать подписку в повиновении владельцу. Наконец, рабочие добились своего. В 1849 г. они были отпущены на свободу.

В 1834 г. произошли крупные волнения на Купавинской шелковой мануфактуре купцов Бабкиных. Рабочие подали жалобу на имя министра финансов с указанием на недостаточность заработной платы. Затем они бросили работу и явились к конторе Бабкиных с требованием немедленной выдачи хлеба, заявляя, что прежде выданный хлеб истощился, а денег на покупку хлеба у них нет. Прибыла полиция и хотела арестовать трех рабочих, но рабочие не допустили этого. В Купавну были направлены отряды пехоты и кавалерии. Пять рабочих были наказаны плетьми. С остальных была потребована подписка в повиновении Бабкиным. Несмотря ни на какие угрозы, рабочие подписки не дали.

В 1837 г. произошло выступление рабочих на полотняной и миткалевой мануфактуре Бровкиных в Тульской губернии. Рабочие подали жалобу на неплатеж заработной платы. Это не дало никаких результатов. Тогда рабочие отказались работать. На мануфактуру был послан военный отряд. Восемь человек было наказано плетьми и сослано в Сибирь. Остальные были высечены розгами. В селе, где жили рабочие, была оставлена команда солдат, которая в течение короткого времени разорила все село.

В 1841 г. произошли выступления на ряде крепостных мануфактур. Официальный отчет сообщает об этом следующее. „Крестьяне на золотых промыслах княгини Бутера в Пермской губернии, на Ревдинском горном заводе Демидовой, на заводах Баташева во Владимирской губернии и в имении графа Борха Витебской губернии возобновляли и в текущем году беспорядки, происходившие в оных в прежние годы, наиболее от недостатков в содержании. В последнем имении (графа Борха)

ожесточение крестьян доходило до такой степени, что они вооруженные напали на батальон пехоты, командированный для их усмирения. По принятым мерам в означенных имениях водворено спокойствие". Отчет заканчивается следующими словами: „Вообще неповиновение крестьян, кроме Лифляндской губернии, оказано было в 27 имениях, и большею частью представлялась необходимость в употреблении воинской помощи для усмирения упорствовавших в ослушании; в имениях же графа Борха и Демидовой начальство принуждено было действовать вооруженною рукою, и в первом убито 21 и ранено 31, а в последнем убито 33 и ранено до 114 человек. Неповиновение крестьян наиболее происходило от желания их избавиться от помещичьей власти и от притеснений самих помещиков и их управителей."

Поднимались и казенные, или государственные крестьяне, и поднимались не раз. Так, отчет за 1842 г. говорит о выступлениях государственных крестьян в Вятской, Пермской Олонецкой, Московской и Лифляндской губерниях. Выступавшие приводились к покорности строгими наказаниями и „употреблением огнестрельного оружия".

В 1831 г. произошло очень крупное восстание в Новгородской губернии. Здесь поднялись государственные крестьяне, взятые в „военные поселения". „Военные поселения" были устроены еще Александром I и Аракчеевым. Они сохранились и после вступления на престол Николая I. Вынужденные отдавать почти все свое время муштре и маршировке, крестьяне военных поселений не имели возможности работать на полях. Крестьяне разорялись. Самые порядки военных поселений, строжайшая дисциплина, жестокие наказания доводили крестьян до крайнего озлобления. Военным поселянам приходилось так тяжко, что

они завидовали даже соседним крепостным крестьянам. А как жилось последним — мы уже знаем. Немудрено, что военные поселяне в конце концов восстали. Движение началось в Старой Руссе. Восставшие убили полицеймейстера Манджоса и генерал-майора Мевеса и на некоторое время сделались хозяевами города. К восставшим примкнула и часть горожан. Не успело правительство подавить это восстание, как в той же Руссе вспыхнуло новое восстание, во время которого был убит генерал Леонтьев и ряд других офицеров. Многие офицеры были избиты. В это же время вспыхнуло восстание и в Новгороде. Здесь ряд начальников был казнен восставшими, а в городе они установили строгий революционный порядок. Но самодержавие в конце концов подавило восстание. Восставшие были жестоко наказаны. Всего было наказано 3900 человек. Из них 222 человека были наказаны кнутом, 1807 было подвергнуто наказанию шпицрутенами, остальные получили розги и перевод в другие полки. Из подвергнутых телесному наказанию сотни поселян умерли под ударами кнута и шпицрутенов.

Особенно бурными и частыми в это время были выступления крепостных помещичьих крестьян, задавленных непосильной барщиной и чрезмерными оброками. Уже в самом начале царствования Николая I, в 1827 г., „Третье отделение собственной его величества канцелярии", организованное для наблюдения над всей политической жизнью страны и для борьбы с революционным движением, доносило царю о настроениях крепостных крестьян следующее: „Среди этого класса (крепостных) встречается гораздо больше рассуждающих голов, чем это можно было бы предположить с первого взгляда. Приходя в соприкосновение с казенными крестьянами

и живя с согласия своих господ в городах, крепостные невольно учатся ценить те преимущества, коими пользуются свободные сословия... Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи своего мессию, и дали ему имя Метелкина. Они говорят между собой: „Пугачев попугал господ, а Метелкин[1] пометет их". Николай I обратил очень большое внимание на эту часть доклада, отчеркнув ее на полях, а последнюю фразу он еще особо подчеркнул.

Шеф, то-есть главный начальник корпуса жандармов, в своем отчете царю за 1832 г. писал о крестьянских выступлениях в Казанской, Симбирской, Костромской, Ярославской, Воронежской, Полтавской, Новгородской, Пензенской, Рязанской, Саратовской губерниях.

В отчете за 1838 г. сообщается, что „вообще весь дух народа направлен к одной цели, к освобождению", что „крепостное состояние есть пороховой погреб под государством".

В отчете за 1841 г. третье отделение и корпус жандармов доносят Николаю о целом ряде выступлений крепостных крестьян и крепостных рабочих. Здесь говорится о чрезвычайно бурном движении в Лифляндской губернии (нынешняя Латвия), о нежелании крестьян целого ряда имений Могилевской губернии подчиняться „своим" помещикам и об уходе 1178 душ обоего пола крестьян этой губернии в Черниговскую губернию. В Тверской губернии крестьяне помещицы Барковой, несмотря на самые суровые наказания, отказались повиноваться ей и „единодушно реши-

---

[1] Метелкин (Игнат Заметаев) — один из последователей Пугачева наказанный несколько раз кнутом и сосланный в Сибирь. Память о нем долго жила в крестьянстве.

лись лучше быть сосланными, нежели оставаться в крепостном состоянии“.

В 1847 г. киевский генерал-губернатор Бибиков сообщал, что крестьяне его губерний „весьма расположены вырезать помещиков“. Повидимому, на крестьян юго-западных губерний оказали большое влияние известия о восстании украинских крестьян в соседней Австро-Венгрии, где крестьяне в 1846 г. устроили так называемую „Галицийскую резню“.

В отчете за 1848 г. сообщается о дальнейшем подъеме движения помещичьих крепостных крестьян. „Примеры неповиновения крестьян их владельцам значительно увеличились против прежних лет“, говорит отчет. А затем сообщается, что в одном только этом году „помещиков крестьянами убито 9, управителей и сельских старшин 11, кроме того было безуспешных покушений 18“. Наконец подчеркивается, что „ всех случаев неповиновения крестьян в 1848 году было 70; более против 1847 года 22-мя.“

Рост крестьянского движения чрезвычайно тревожил Николая I. Для рассмотрения крестьянского вопроса при нем организовывался целый ряд „секретных комитетов“. Но за все 30 лет царствования Николая I эти комитеты ничего существенного не сделали. Из всех „секретных комитетов“ вышел только один указ 1842 г. об „обязанных крестьянах“. Согласно этому указу помещик, *если он захочет*, может освободить крестьян и наделить их землей не в собственность, а в пользование. Крестьяне должны за землю нести попрежнему оброки и барщину. Этот указ никакого значения не имел. Мало кто из помещиков использовал его. Самый указ был шагом назад даже сравнительно с указом Александра I 1803 г. о „вольных хлебопашцах“. По закону 1803 г. крестьяне

получали землю в собственность, а по закону 1842 г. — в пользование, с несением прежних повинностей.

Крестьянское движение времени Николая I отличалось тем, что крестьянство требовало не только снижения оброка и уменьшения барщины, но и выдвигало лозунг „воли“, уничтожения крепостничества и передачи земли крестьянству.

Рост крестьянских выступлений по годам за время царствования Николая I и начало царствования Александра II хорошо виден из следующей сводной таблицы:

Годы	Количество выступлений
1826 — 1829	88
1830 — 1834	60
1835 — 1839	78
1840 — 1844	138
1845 — 1849	220
1850 — 1854	169
1855 — 1860	310
1861	1176

Необходимо иметь в виду, что в эту таблицу вошли не все крестьянские волнения. Сведения, которые мы имеем в сообщениях царских чиновников, очень неполны. Точно установить число крестьянских выступлений чрезвычайно трудно. Можно только с уверенностью сказать, что действительное количество крестьянских выступлений было значительно больше. Но и эта неполная таблица очень хорошо показывает, что крестьянские выступления грозили превратиться в общекрестьянскую войну всего крепостного крестьянства против дворянства и самодержавия. Это создавало чрезвычайно серьезное положение для помещиков и помещичьего царя.

Крепостники во главе с Николаем I стали усиленно искать выхода из затруднительного положения. Выход они нашли в том, что решили начать новую войну. Они рассчи-

тывали, что удачная война разрешит все затруднения и укрепит крепостной строй. Война даст царю новые земли и новые миллионы крестьян и таким образом расширит и укрепит дворянско-крепостническую империю царя. Война даст выгодные торговые договоры, и таким образом русские товары можно будет свободно продавать за границей. Война усилит феодальную бюрократическо-полицейскую монархию и тогда можно будет со всей энергией обрушиться на крестьянство и задушить разгоравшуюся крестьянскую войну. Так думали крепостники, так думал первый крепостник — царь. В 1853 г. Николай начал войну с Турцией. Поводом для войны царь и помещики объявили необходимость для России защищать «православных христиан», живущих в Турции, от гнета турецкого султана. Это было сплошным лицемерием, попыткой обмануть массы.

8. Крымская война и обострение кризиса крепостничества

В самом же начале войны стало ясно, что война с Турцией оказывается очень сложным делом. Турция была „лакомым куском“ и для европейских капиталистических стран, которые сбывали в Турцию свои промышленные товары и стремились подчинить Турцию своему влиянию. Да и вся международная обстановка этого времени складывалась так, что отношения между Англией и Францией, с одной стороны, и Россией с другой — были чрезвычайно обострены. И Россия и Англия стремились к тому, чтобы захватить в свои руки влияние и господство и в Средней Азии, и в Персии, и в Турции, и на Черном море, и в восточной части Средиземного моря. Как только началась война, европейские государства во главе с Англией

выступили против царской России. Николаю пришлось вести борьбу с Турцией, Англией, Францией и Италией.

Союзники направили в Черное море большой флот и войско. Они заперли русский флот в Севастопольской гавани и хозяйничали на Черном море. Царский флот оказался пленником в собственной гавани. Флот не мог ни защищать берегов России, ни помочь чем бы то ни было сухопутной русской армии, которая сосредоточилась главным образом в Крыму. Союзники высадились в Крыму, повели борьбу с царской армией и осадили самую сильную русскую крепость у берегов Черного моря, Севастополь. Война эта называлась Крымской или Восточной войной. Она оказалась неудачной для России.

Основная причина поражения заключалась вовсе не в том, что у царизма оказалось много врагов. Главное заключалось в том, что как раз во время этой войны полностью вскрылись вся отсталость и гнилость царской крепостнической России. Солдаты набирались из крестьян, разоренных дворянами и царизмом, забитых и задавленных крепостничеством. Их вели на бой во имя чуждых им интересов. Солдаты видели, что война несет им дальнейшее разорение. Солдаты видели, что их ведут на бойню. А в то же время их хозяйства облагались новыми государственными податями, барщина и оброки не уменьшались, а увеличивались. Крестьяне должны были поставлять для нужд армии громадное количество подвод. Постои войск в деревнях приводили к полному разорению крестьян, которые должны были бесплатно давать помещения и корм войсковым частям и лошадям. Все это, вместе взятое, понижало боеспособность царской армии.

Офицеры и генералы армии состояли сплошь из дворян. Гниение крепостнического строя сказывалось и на гние-

нии верхушки царско-крепостнической армии. Среди командующих армиями, как их ни сменяли, как ни ставили вместо одного командующего другого, не оказывалось ни одного решительного и талантливого генерала. Техника военного дела была чрезвычайно низка. Русский флот состоял из парусных судов, между тем как у Англии и Франции были паровые корабли. Пушки, ружья и прочее военное снаряжение устарели и никуда не годились. Пороху постоянно не хватало. Система обучения войск при помощи палочной дисциплины, жестоких наказаний и всяческого гнета давала свои плоды, делая армию неспособной к активным и сознательным действиям. Планы ведения войны были плохо разработаны, а принятые планы неумело проводились в жизнь. Санитарное состояние армии было из рук вон плохим. Не было никакой заботы о здоровьи солдат, о чистоте помещений. Госпитали были оборудованы так, что многие из них нельзя было назвать госпиталями. Солдаты мерли, как мухи. Холера косила людей. Некоторые отряды теряли половину своего людского состава, не доходя даже до позиций. Количество погибших от болезней во много раз превышало количество солдат, павших в бою. Интендантская часть никуда не годилась. Продовольствия не хватало. Его не умели ни собрать, ни доставить во время. Воровство было поголовным и совершенно открытым явлением. Воровали все, начиная от командующих армиями и генералов и кончая мелкими интендантскими чиновниками. Поставщики армии и интенданты богатели не по дням, а по часам, а солдаты погибали от скверной и недостаточной пищи, от отсутствия одежды и сапог. Ведение войны требовало громадных денежных средств. Между тем казна, опустошаемая царем, чиновниками и дворянами, была пуста. Финансовые дела государства были страшно запутаны. Для подвоза солдат,

продовольствия и снаряжения необходимы были хорошие транспортные средства, хорошие дороги. Между тем дорог в крепостнической России в сущности не было. Железная дорога была только одна — между Петербургом и Москвой. Шоссейных дорог было совсем мало.

Все это и оказало решительное влияние на ход военных действий. Два года шла война. А Россия все терпела поражения. Война шла главным образом на Крымском полуострове, затем на Балканском полуострове у реки Дуная и в Закавказьи в азиатских владениях Турции. „Прославленный“ фельдмаршал Паскевич, граф Эриванский, князь Варшавский, захвативший у слабой Персии Эривань, задушивший польское восстание 1830—31 годов, разгромивший венгерскую революцию 1848—49 годов, терпел на Балканах поражение за поражением. Его заменил князь Горчаков, при котором положение дел не улучшилось. На Крымском полуострове главнокомандующий князь Меньшиков также постоянно терпел поражения. И, наконец, в конце 1854 г., оставив на произвол судьбы гарнизон Севастополя и черноморский флот, Меньшиков отвел главные силы от Севастополя. На вопрос Нахимова, командующего черноморским флотом, запертым в Севастопольской гавани, что делать с флотом, Меньшиков ответил: „Положите его себе в карман“.

Николай начал войну в полной уверенности в успехе и в своих силах. Ход войны показал, что успеха ожидать нельзя. Николай рассчитывал уже только на „милость божию“ и писал князю Горчакову: „Не скрываю от себя, что надежды на лучший исход, разве по особой милости божией, не предвижу“. Ход войны был настолько неудачен, уверенности в своих силах было так мало, что царские генералы рассчитывали не на свое искусство, и не на

свои военные силы, а на всякие случайности, на силы природы. Зима 1855 г. была для теплого Крыма необычайно суровой. Главнокомандующий князь Меньшиков с радостью извещал об этом царя и военного министра, утешая их тем, что „морозы губят у неприятеля людей и лошадей". Николай сам поддался на эту удочку и отвечал командующему: „Думаю, что настала для них эпоха гибели". Но гибель настала не для союзников, а для крепостнической России и для самого царя. Не прошло и месяца после этого письма, и даже Николаю стали совершенно ясны неудачи войны и позор самодержавия. Николай не выдержал. По некоторым сведениям он отравился. В феврале 1855 г. царь умер.

После Николая царем сделался его сын — Александр II (1855—1881 гг.). Он пытался продолжать войну, но дела шли так же плохо. Союзники взяли Севастополь. Заняли русские крепости Керчь и Кинбурн. Царским адмиралам пришлось потопить остатки черноморского флота. Оставался единственный выход — просить мира.

Разгром русского царизма приветствовали революционные деятели всего мира, приветствовали Маркс и Энгельс. И понятно почему. Русский царизм был оплотом гнета не только внутри России. Царизм был оплотом всяческого угнетения во всем мире. Русский царь душил и давил революционное движение не только в „своей" стране. Он помогал разгрому и подавлению революционного движения и во всех других странах.

Царь должен был заключить мир на очень тяжелых для России условиях. По Парижскому договору 1856 г. России было запрещено иметь военный флот на Черном море. Часть русской территории около реки Дуная была у нее отнята. Россия не имела права одна, без европейски

держав, вмешиваться в дела турецких христиан. Так в 1856 г. с полным позором для царизма закончилась Крымская война.

Ленин определил значение Крымской войны следующим образом: „Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России“. Маркс говорил: „Она, очевидно ускорила поворот дела в России“.

Полный провал России в Крымской войне, поражение, нанесенное России такими передовыми в то время странами, как Франция и Англия, у которых и хозяйство, и финансы, и техника стояли гораздо выше, чем у России, показали даже самому крепостническому дворянству, что необходимы какие-то изменения, что необходим какой-то перелом. Но и это не могло бы заставить крепостников и их главу — царя отказаться от крепостного права. Самое главное заключалось в том, что за годы Крымской войны крестьянское движение не стихло, а поднялось еще выше.

Особенно крупных размеров достигло крестьянское движение к самому концу Крымской войны. Этому содействовало, во-первых, разорение крестьянства, достигшее своего крайнего предела благодаря войне и связанным с ней тяготам. Во-вторых, самодержавие терпело военный разгром, и это подымало надежды крестьянства на возможность вырваться из-под гнета ослабевшего царизма и растерявшихся крепостников. В-третьих, колоссальные мобилизации последних годов всколыхнули широкие массы крестьянства.

Движение охватило очень многие районы. В особенности оно сказывалось в Центральной черноземной области, в Среднем Поволжьи, на Украине. Подымались и русские крестьяне, и украинские крестьяне, и крестьяне — нацио-

налы на Волге. Крестьяне громко требовали „земли и воли". Движение становилось все более грозным. Недаром один из самых верных слуг царя дворянский историк Погодин писал в те годы: „Ведь это все местные революции, которым недостает только связи, чтобы получить значение особого рода".

Из среды самих крестьян и солдат выходили агитаторы. Когда вышли последние указы о мобилизациях, крестьянские пропагандисты объясняли их следующим образом: те, которые запишутся в ополчение, получат волю и землю. Крестьяне массами записывались в ополчение, рассчитывая получить землю и волю. Крестьяне, которые вступали в ополчение, считали себя уже свободными людьми. В связи со всем этим в 16 губерниях России произошли очень крупные выступления крестьян и ополченцев. Для подавления движения в одну только Киевскую губернию были направлены 1 батальон пехоты, 2 роты сапер, 16 эскадронов кавалерии и даже артиллерия. Выступления ополченцев приводили к тому, что крестьянское движение стало распространяться и на армию. Самодержавие и крепостники оказались у самой пропасти. Царю и дворянам пришлось пойти на уступки, выдвинуть вопрос о реформе. Вопрос стоял таким образом: либо ждать, когда крестьянское восстание снесет весь крепостнический строй, либо попытаться провести реформу самим крепостникам. Царь и дворяне выбрали последний путь. Недаром сейчас же после заключения мира первый крепостник Александр II сказал в одной своей речи московским дворянам: „Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу".

Ленин следующими словами объяснил обстоятельства, которые вынудили крепостников приняться за реформу:

„Какая же сила заставила их взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать пока свергнут снизу“.

III. ПОДГОТОВКА „ОСВОБОЖДЕНИЯ“ КРЕСТЬЯН

1. Планы „освобождения“ царя и дворян

Приступая к подготовке реформы, Александр II сначала решил действовать „испытанным“ способом своего отца и в январе 1857 г. организовал под своим председательством „секретный комитет“. В основу работ комитета было положено очень скромное предположение: „освободить крестьян постепенно, без всяких резких и крупных переворотов“. Однако, вскоре, под влиянием нарастания крестьянского движения, Александр II вынужден был открыто объявить о том, что правительство приступает к обсуждению крестьянского вопроса. В ноябре 1857 г. Александр издал рескрипт, то-есть обращение, опубликованное во всеобщее сведение, на имя виленского генерал-губернатора Назимова. Александр объявлял в рескрипте, что он разрешает дворянам, согласно их просьбе, обсуждать вопрос „об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян“.

Этот указ царя очень любопытен прежде всего тем, что царь и дворяне делали вид, будто именно дворяне сами хотят приступить к разрешению крестьянского вопроса, в то время как рост крестьянского движения вынуждал царя спешить с этим делом. В этом указе совершенно отсутствуют слова „освобождение крестьян“ или

„уничтожение крепостного права“. Царь и дворяне не хотели и боялись открыто произносить эти страшные для них слова. Они предпочитали говорить „об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян“.

Все дело передавалось исключительно в руки дворян. По этому и последующим затем подобным указам в каждой губернии учреждались „приуготовительные комитеты“ для обсуждения вопроса о реформе, и членами этих комитетов могли быть только дворяне и чиновники. И, наконец, царь прямо говорил в указе, что при обсуждении крестьянского вопроса следует твердо помнить, что „вся земля“, то-есть и помещичья и крестьянская надельная земля, является полной собственностью помещиков. Землю под усадьбой крестьяне могут получить в собственность, только заплатив за нее выкуп. Землю пахотную крестьяне могут получить в пользование (не в собственность) и должны будут постоянно нести за нее барщину и оброк. Помещики и после реформы сохраняют свою полицейскую власть над крестьянами. Крестьянская община с круговой порукой должна быть сохранена.

Таким образом, с самого начала царь открыто ставил вопрос об ограблении крестьянства, о том, чтобы, изменив кое-что в положении крестьян, на самом деле сохранить полную зависимость крестьян от помещиков. На основаниях, указанных дворянским царем, помещики и чиновники стали подготовлять реформу в дворянских комитетах, в царских канцеляриях и в высших государственных учреждениях.

В январе 1858 г. секретный комитет был преобразован в главный комитет по крестьянскому делу. В этом комитете попрежнему сидели высшие бюрократы, которые были крупными помещиками и заядлыми крепостниками.

К концу 1858 г. при главном комитете были организованы „редакционные комиссии“. Они должны были собрать все проекты, материалы и пожелания дворянских губернских комитетов и свести их в одно целое. Председателем редакционных комиссий был назначен граф Ростовцев, а главным деятелем в них являлся Николай Милютин. Он был представителем тех групп дворянства, которые выступали за освобождение с землей, с тем, чтобы получить за землю выкуп и попытаться на эти деньги перевести свое хозяйство на вольнонаемный труд. Ростовцев сначала был за безземельное освобождение, но затем и он под влиянием разраставшегося крестьянского движения стал склоняться к освобождению с землей.

Да и вообще в ходе подготовки реформы царю и помещикам пришлось несколько отступить от своих первоначальных намерений. Среди правительственных чиновников и дворянства стали все больше поговаривать о том, что придется часть земли отдать в собственность крестьянам, но с тем обязательным условием, чтобы крестьяне заплатили помещикам за нее денежный выкуп.

Первая причина того, что правительство и часть дворян стали склоняться к мысли о передаче части земель крестьянам, крылась опять-таки в подъеме крестьянского движения, которое грозило вырасти в революционную крестьянскую войну. Вместе с тем становилось совершенно ясным, что крестьяне мыслят свое освобождение таким образом, чтобы получить при этом без всякого выкупа по крайней мере те наделы, которыми они до сих пор пользовались. Вторая причина — правительство и помещики стали бояться того, что обезземеление крестьянства быстро приведет к образованию больших кадров пролетариата, а на примере европейских стран они видели, что проле-

тариат как грозная революционная сила выступает против всего помещичье-капиталистического строя. Третья причина — многие помещики боялись, что освобождение без земли поведет к тому, что крестьяне разбредутся с насиженных мест в поисках заработка; тогда помещик останется без батраков в тех случаях, когда он захочет вести хозяйство по-новому с наемным трудом; или помещик останется без арендаторов своих земель в тех случаях, когда он захочет свои земли сдавать в аренду своим бывшим крепостным. Четвертая причина заключалась в том, что часть помещиков нечерноземной полосы сами добивались передачи крестьянам наделов в собственность. Они думали за это получить с крестьян деньги и на эти деньги вести свое хозяйство по-новому с применением наемного труда.

Однако самые богатые и крупные дворяне все-таки упорно стояли на том, что если освобождать крестьян, так уж во всяком случае без земли. Руководителями этой части дворян были князь Гагарин, князь Орлов, князь Паскевич-Варшавский, граф Шувалов, граф Панин. Князь Гагарин составил записку с изложением плана „освобождения". Он был против общего освобождения крестьян и предлагал только „даровать помещикам право освобождать крестьян без условий и без земли". И затем еще раз решительно добавлял: „В самодержавной империи нашей свобода может быть только лично дарована крестьянам без права на землю". Крестьянам можно предоставить только усадьбы и притом за выкуп. Гагарин выражал интересы крупных помещиков, имения которых большей частью были на оброке. Эти помещики рассчитывали на то, что при „освобождении" без земли в их имениях все останется по-старому. Крестьяне, не имея земли, вынуж-

дены будут итти на кабальную аренду своих же бывших наделов и вместо прежнего оброка будут платить арендную плату.

Другую записку подал правительству полтавский помещик Позен. Позен говорил, что крестьян придется освободить с землей. Но сколько дать крестьянам земли, — это следует целиком предоставить помещикам. С освобождаемых же крестьян необходимо взять выкуп. Общину надобно сохранить. Позен был выразителем интересов помещиков Украины и Центральной черноземной области. Эти помещики очень дорожили плодоносной черноземной землей. Подавляющую часть земли они хотели оставить за собой. Крестьянам они соглашались дать очень немного земли с тем, чтобы крестьяне, связанные своими клочками, могли быть в будущем их кабальными батраками или кабальными арендаторами их земель. Выкуп же они хотели получить, чтобы иметь капитал для ведения хозяйства по-новому.

Интересы помещиков волжского степного чернозема выразил в своей записке Самарин. Он соглашался дать крестьянам несколько бо́льшие наделы, но настаивал на постепенном освобождении. Это объясняется тем, что в степном районе земли было много, население было редкое. Освобождение без земли или с небольшими клочками могло бы повести к уходу части крестьян. И помещики при переходе к вольнонаемному труду оказались бы без рабочих рук. За постепенное освобождение Самарин высказывался с тем, чтобы помещики имели возможность безболезненно, постепенно перейти от крепостного хозяйства к вольнонаемному. Самарин тоже решительно высказывался за выкуп, который дал бы помещикам капитал для перехода к новой системе хозяйствования. Он также настаивал на сохранении общины.

Освобождение скорое, незамедлительное и притом непременно с землей отстаивали главным образом представители средних помещиков нечерноземной полосы, которые больше испытывали на себе кризис крепостничества и влияние капитализма, развивавшегося преимущественно в нечерноземной области центра России. Эти помещики не в такой степени дорожили землей в виду ее скудости. Самое же главное это то, что они рассчитывали, получив выкуп за крестьянские наделы, перейти затем к вольнонаемному труду или же на кабальных условиях сдавать свои земли в обработку. При этом они отлично понимали, что труд крестьян, которые будут итти в наем к помещикам, не будет действительно вольнонаемным, так как, при недостаточности наделов, крестьяне вынуждены будут итти к ним на работу. С этой же целью они, так же, как и все другие помещики, твердо стояли за сохранение общины, которая препятствовала бы крестьянам уходить на сторону. Кроме того, община с круговой порукой должна была обеспечить помещичьему государству внесение выкупных платежей и податей. Из этих дворян особенно выделялись тверской губернский предводитель дворянства Унковский и помещик и профессор Кавелин. Унковский добился того, что Тверскому губернскому комитету разрешено было составить проект освобождения с передачей части земли крестьянам за выкуп. Кавелин еще в 1855 г. написал „Записку об освобождении крестьян в России". В этой „Записке" Кавелин говорил следующее: „1) крепостных следовало бы освободить вполне, совершенно из-под зависимости от их господ; 2) их надлежало бы освободить не только со всем принадлежащим им имуществом, но и непременно с землею, и 3) освобождение может совершиться, во всяком случае, не

иначе как с вознаграждением владельцев".
При этом Кавелин особенно настаивал на выкупе не только за землю, но и за личность освобождаемого крестьянина.

Дворянские и буржуазные ученые создали много сказок и легенд в связи с „освобождением“ крестьян. Они уверяли, что будто одни дворяне были заядлыми крепостниками и не хотели освобождать крестьян или соглашались освободить крестьян без земли, другие же дворяне были либералами и хотели действительного и полного освобождения крестьян с землей. В. И. Ленин говорил, что борьба между дворянами-крепостниками и дворянами-либералами „раздута“, „разукрашена“ буржуазными историками. Настоящая борьба шла не между отдельными группами дворянства, а между всем дворянством и всем крестьянством. Борьба внутри дворян шла только из-за того, в какой форме и в какой мере пойти на уступки крестьянству, пытавшемуся смести все дворянство и добыть себе всю волю и всю землю. В связи с этим В. И. Ленин говорил: „Борьба крепостников и либералов... была борьбой внутри помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок“. Борьба внутри помещиков была вызвана исключительно собственными интересами отдельных групп крепостнического дворянства и была целиком направлена против крестьянства. Спор шел только о том, как выгоднее будет самим помещикам освободить крестьян: совсем без земли или с небольшими наделами, на которых все равно нельзя жить крестьянину.

По этому поводу Ленин говорил: „Борьба сторонников обезземеления и сторонников «наделения» выражала тогда зачастую лишь борьбу двух крепостнических лагерей, спор о том, выгоднее ли для помещика иметь арендатора (или «отработочного» крестьянина) вовсе

без земли или «с наделами», т. е. прикрепленного к месту, привязанного клочком земли, с которого нельзя жить и на котором приходится искать «заработков» (итти в кабалу к помещику)".

2. „Подготовка" помещиков к реформе в своих имениях

Одновременно с подготовкой реформы в правительственных канцеляриях и в дворянских комитетах помещики стали „подготовлять" реформу в своих имениях. Помещики видели, что придется все-таки часть земли отдать крестьянам. Поэтому они решили сделать так, чтобы на долю крестьян пришлось меньше земель и притом земель наихудших.

Помещики отрезали лучшие участки от крестьянских наделов и присоединяли их к своим барщинным полям. Переселяли крестьян целыми деревнями с одних земель на другие, с черноземных участков на малоплодородные, на суглинистые участки, на „песочки". Переносили крестьянские усадьбы на новые места для того, чтобы заранее захватить себе удобную и хорошую часть земли. Переселяли крестьян из одних губерний, где земля была лучше и стоила дороже, в другие губернии, где земля была хуже и стоила дешевле. Это не трудно было делать помещикам, так как многие из них имели по нескольку имений в разных губерниях России. Помещики пошли еще дальше, стремясь часть крестьян вовсе лишить земли. Для этого многие помещики почти даром продавали своих крепостных крестьян помещикам степных губерний, где земли было много, а крестьян было мало. Помещики отдавали крестьян в рекруты в счет наборов на последующие годы. За малейшие провинности они ссылали крестьян в Си-

бирь. Иногда они даже отпускали крестьян на „свободу“. Крестьяне сотнями лет стремились к свободе. Теперь, накануне ожидаемого всеобщего освобождения, некоторые помещики насильно „освобождали“ крестьян. Все это делалось с той целью, чтобы при проведении реформы в жизнь сохранить за собой большую и лучшую часть земли и отдать крестьянам меньшую и худшую часть.

3. Крестьянские восстания во время „подготовки“ реформы

Дворянские и буржуазные ученые десятки лет доказывали следующее. До 1857 г., говорили они, крестьяне действительно немного волновались. Но с того времени, как царь издал указ о том, что начинается обсуждение крестьянского вопроса, крестьяне успокоились. Они доказывали, что с 1857 до 1861 г., когда подготовлялась реформа, все крестьянство в полном спокойствии, с полным упованием и надеждой на царя ожидало своего освобождения. Но это неправда. Дворянские и буржуазные ученые придумали это для того, чтобы изобразить все „освобождение“, как дело рук царя и дворянства, как их добрую волю. Между тем, одна из самых главных причин „освобождения“ крестьян, одна из главных причин того, что дворянам пришлось согласиться на уступку крестьянам хоть части земли, заключалась именно в грозном подъеме крестьянского движения.

Крестьянство, как мы видели, поднималось еще до 1857 г. В период подготовки реформы крестьяне скоро узнали о том, что их собираются освободить без земли. Они увидели на практике, как помещики в своих имениях „подготовляют“ реформу, как заранее грабят крестьян, отнимают от них земли, продают, ссылают, насильно

„освобождают“. И в связи со всем этим крестьяне в период подготовки реформы с еще большей энергией поднимаются против угнетателей.

Крестьяне повсеместно отказывались нести барщину, отдавать помещикам натуральные оброки, платить им денежные оброки. Крестьяне во многих районах выгоняли помещиков из их имений, захватывали их земли, не позволяли помещикам продавать лес, считая его своим. Если имение путем продажи или наследования переходило от одного помещика к другому, крестьяне не позволяли новому владельцу вступать во владение имением, не признавали его власти над собой. Так, например, „в Тамбовской губернии при вводе во владение помещика князя Колунчакова в купленное им имение, крестьяне не хотели признавать над собой его власть и потом с криками «ура» объявили, что не будут ему повиноваться“. И, подобных официальных донесений от того времени сохранилось не мало. Крестьяне вели отчаянную борьбу из-за сельских властей. Помещики стремились к тому, чтобы в период „подготовки“ реформы в деревнях и селах оставались старые сельские власти, поставленные ими. Они хотели, чтобы их сторожевые псы в это серьезное время попрежнему охраняли их интересы. Крестьяне стали добиваться смены старых бурмистров[1] и старост, хотели вместо назначенных помещиками сельских властей иметь выборных людей, которые отстаивали бы их интересы. Из-за всего этого происходили острые столкновения между помещиками и крестьянами. Во многие имения вызывались войска. Крестьян пороли сотнями и тысячами.

---

[1] Бурмистр — управляющий помещичьим имением.

Кроме помещичьих крестьян в крепостное время были еще крестьяне удельные и государственные. Удельные крестьяне принадлежали царю и родственникам царя — великим князьям. Государственные крестьяне принадлежали самому крепостническому государству, их помещиком и владельцем было само царское государство. Положение государственных крестьян было также тяжелым. Они были обременены высокими податями и полностью подчинены правительственным чиновникам. Но все же государственным крестьянам жилось немного лучше, чем помещичьим.

Когда происходили выступления помещичьих крестьян, власти за недостатком войск нередко призывали себе на помощь соседних государственных крестьян. Однако, власти скоро увидели, что приглашение государственных крестьян — дело очень опасное. Государственные крестьяне на вызов являлись, но сейчас же присоединялись к восставшим помещичьим крестьянам. Между ними тотчас же устанавливался общий фронт. Государственные крестьяне нередко сами являлись зачинщиками крестьянских выступлений. Один жандармский начальник писал в Петербург, что вызывать на помощь полиции и властям государственных и удельных крестьян есть дело очень „неосторожное“, то-есть опасное. Он же писал, что все эти восстания показывают, что надо торопиться с проведением крестьянской реформы, иначе дела примут еще более грозный оборот. Если даже жандармский офицер торопил царя скорее кончить дело, значит положение действительно было опасным для царя и дворянства. Объединение всего крестьянства, всех его групп, и помещичьих, и удельных, и государственных, против крепостников и самодержавия было яркой, чрезвычайно важной стороной крестьянского движения этого периода.

В связи с Крымской войной были мобилизованы в армию очень широкие массы крестьян. Участие в этой неудачной войне, в войне ненужной и непонятной крестьянам, революционизировало солдат. Сплошь и рядом в роли вожаков и агитаторов крестьянских „бунтов“ выступали именно солдаты-отпускники. Двинутые мобилизацией с давно насиженных мест, перебрасываемые из одного конца страны в другой, сведенные вместе в большие массы, наблюдая своих офицеров — дворян в тяжелое для страны время, твердо помня положение дел в крепостной деревне, погибая не столько от вражеских пуль, сколько от всей неурядицы и гнилости крепостного военного режима — солдаты являлись передовиками крестьянской массы и подымали ее против крепостников и царизма. Многие части войск, которые еще не были демобилизованы, были расквартированы по деревням и селам, по крестьянским избам. Солдаты входили в тесную смычку с крестьянами, вели с ними беседы о своей тяжелой жизни, беседовали с ними о крестьянском житье-бытье, толковали о скорой воле и о том, что земля полностью должна перейти к крестьянам. Расквартированные в крестьянских избах войска становились опасными для крепостнического государства. Прав был наш историк-большевик Покровский, когда он говорил по этому поводу: „Между крестьянином одетым в мундир и крестьянином в зипуне моментально устанавливался контакт“.[1]

Очень большое значение имели рабочие волнения этого времени. Рабочие еще не составляли вполне организовавшегося класса. Но было уже много рабочих, десятки лет работавших на том или другом производстве. Из среды

---

[1] Контакт — связь, согласие, смычка.

разорявшихся крепостных крестьян многие уходили на заработки в другие районы. Значительная часть заработка таких отходников шла в карман помещику. Положение этих рабочих было тем более тяжелым, что предприниматели и подрядчики в свою очередь жестоко эксплоатировали их, всячески их притесняли. Накануне реформы рабочие подымались и в центре — во Владимирской губернии, и на крайнем юге — в Крыму, и на востоке — в Донской области. Как раз в это время, наученное горьким опытом Крымской войны, правительство начало постройку железных дорог. На постройках железных дорог происходили крупные волнения железнодорожных рабочих, и вольных и из крепостных крестьян-оброчников.

Движение крестьян было направлено против всего крепостнического строя, против всех тогдашних порядков. В целом ряде губерний происходило бурное движение, направленное против откупов и винных лавок. Продажа вина тогда была организована следующим образом. Какой-нибудь богач, дворянин или купец, вносил в казну откуп — большую сумму денег и получал право монопольной продажи вина в той или другой губернии. Кроме него никто не мог продавать вино в этой губернии. Откупщик открывал в губернии сотни питейных лавок, продавал вино плохого качества, брал за него большие деньги, спаивал народ, отравлял его всякими вредными примесями к вину, разорял его. Бороться с откупщиками, с их махинациями было невозможно. За их спиной стояло правительство, стоял царь. Во многих губерниях крестьяне по приговорам сельских обществ стали воздерживаться от покупки вина. Затем начался разгром „питейных домов“, так назывались тогда винные лавки. В одном только 1859 г. в 12 губерниях крестьяне разгромили 220 „питейных домов“. Это

движение началось почти одновременно с двух концов — в западных губерниях — Ковенской, Гродненской и Виленской, и в Приволжьи — в губерниях Саратовской и Симбирской. Вскоре это движение захватило самый центр государства — губернии Новгородскую, Тверскую, Московскую, Ярославскую, Костромскую и Владимирскую. Движение перекинулось в Центральную черноземную область, на Украину и в Заволжье.

Самодержавие немедленно выступило в защиту интересов откупщиков. Был отдан приказ о том, чтобы сельские общества не смели делать постановлений о воздержании от питья и о непокупке вина. А как только начались разгромы „питейных домов", правительство стало посылать в бунтующие районы воинские части, жандармских офицеров, генерал-адъютантов для самого быстрого и самого жестокого подавления движения. Но крестьяне не так легко сдавались. Например, в городе Вольске крестьяне избили многих солдат, переломали их оружие и ранили начальника полиции. В городе Бугуруслане крестьяне смяли целый казачий отряд.

Революционные выступления крестьянства накануне реформы встречали со стороны самодержавия жестокий отпор. Примером расправы царизма с крестьянами может служить усмирение крестьян в имении богатейшего помещика Тверской губернии генерала Зиновьева. Сюда с военным отрядом был прислан жандармский подполковник Симановский. Он стал вызывать к себе крестьянн ебольшими группами или в одиночку и требовал, чтобы они подписали бумагу о том, что они не хотят смены поставленного Зиновьевым старого бурмистра и очень им довольны. Вызван был 60-летний старик Трофим. „Подписывай бумагу" — приказал жандарм. Трофим отве-

чал: „Это дело мирское, я не могу один без мира". Симановский счел это за сопротивление властям. Он стал бить Трофима по лицу и велел его высечь. Его вынесли без чувств, он был в таком состоянии, что его пришлось причащать. Затем был вызван крестьянин Андрей Гордеев. На предложение подчиниться он ответил: „Дайте бумагу, мы ее на миру прочтем". Симановский набросился на Гордеева и избил его так, что вся его борода осталась в руках у жандарма. Так он избил очень многих. Но этим не кончилось дело. В конце концов без всякого основания 6 человек было предано суду, а 20 человек без суда по распоряжению жандармского офицера было высечено. Секли очень жестоко. У одного из крестьян на третий день после наказания вынимали сучья из тела. Случаев таких жестоких расправ было очень много. В одном только 1860 г. по официальным сведениям было запорото на смерть 65 крестьян. А сколько таких расправ не записано — трудно сказать. „Вот каким сильным зверем было крепостное право даже накануне своего падения" (Покровский).

Все здесь рассказанное показывает ясно, что самодержавие и дворянство проводили реформу вовсе не по своей доброй воле. Они шли на реформу главным образом потому, что крестьянское движение грозило превратиться в страшную общекрестьянскую войну, что крестьянское движение грозило совершенно смести не только крепостное право, но и все дворянское землевладение, весь помещичий класс и само самодержавие. Маркс, внимательно следивший за событиями в России и во всем мире, как раз в это время писал Энгельсу: „По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны американское движение

рабов...,[1] с другой стороны, движение рабов в России".

Земля под ногами у царя и дворян, как говорится, горела. „В эти годы самодержавие Александра II стояло на клокочущем вулкане" (Покровский). Царь и дворяне предпочли „отменять крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу". Крестьянство же, видя, как собирается проводить реформу самодержавие, видя как „подготовляют" реформу помещики в своих имениях, как они собираются ограбить крестьян, — стало пытаться проводить все это дело „снизу". Крестьянство становилось на революционную дорогу, чувствуя, что только силой можно будет добиться действительного и полного освобождения, только силой можно получить и волю и всю землю. Царь и дворяне, опасаясь всеобщего крестьянского восстания, стали торопиться с реформой. Царские канцелярии и дворянские комитеты, которые с прохладцем почти целых 5 лет обсуждали дело, стали действовать быстрее. „Редакционным комиссиям" было приказано поспешить с составлением общего проекта, и они закончили свои работы в октябре 1860 г. Отсюда проект перешел в главный комитет. Главный комитет уменьшил размеры крестьянских наделов. Затем проект был внесен в высшее государственное учреждение — в Государственный совет. Совет еще больше уменьшил размеры крестьянских наделов и принял предложение князя Гагарина о „четвертном или дарственном наделе", внесенное им еще в главный комитет. Согласно этому добавлению помещику предоставля-

[1] В Америке как раз в эти же годы происходило движение рабов — негров против их поработителей.

лось право „подарить“ крестьянину одну четвертую часть надела, и если крестьянин соглашался на это, то вся остальная земля навсегда оставалась за помещиком.

4. Манифест 19 февраля и ответ крестьян на него

В феврале 1861 г. закон был готов. 19 февраля 1861 г. царь подписал закон, который назывался „Положением 19 февраля“, и манифест об „освобождении“. Но царь знал, что крестьянство возбуждено, что оно не доверяет готовящейся реформе. Царь и помещики отлично понимали, какую реформу они готовят народу. Поэтому вышло так, что манифест был подписан 19 февраля, но объявлять „волю“ народу не решались. Царь, прежде чем это сделать, разослал по всем губерниям своих надежных генералов и адъютантов. Вся полиция, жандармерия и целые воинские части по всей России были приведены в боевую готовность, вся Россия была поставлена на военное и осадное положение. И только через полмесяца после подписания манифеста, 5 марта 1861 г. „воля“ была объявлена народу.

Но этой „воли“ крестьяне принимать не хотели. После ее объявления крестьянское движение не утихло, а еще больше усилилось. Крестьян насильно заставляли принимать ту „волю“, которую им давал царь. Крестьяне сопротивлялись. Повсеместно происходили крестьянские восстания. Пожар крестьянского движения пылал и на юге, на Украине — в губерниях Екатеринославской, Подольской, Полтавской, Харьковской, и в Поволжьи — в губерниях Казанской, Симбирской и Самарской и в западной части России — в губерниях Смоленской и Витебской, и на севере — в Пермской губернии. Против крепостников

выступали русские и украинские крестьяне, белорусские и литовские крестьяне, крестьяне Башкирии и Кавказа.

Одно из упорных выступлений крестьянства произошло в Гжатском уезде Смоленской губернии. Когда сюда были присланы войска, крестьяне оказали им сопротивление, бросались на солдат, отнимали у них ружья, ранили несколько солдат. Отряд повел спешное наступление на крестьян, оттеснил их, отделил наиболее активных от остальной массы и при этом 22 человека крестьян оказались раздавленными на смерть. Выделенные из выступавших крестьян наиболее активные из них тут же были подвергнуты наказанию розгами.

Очень крупное выступление крестьян произошло и в Керенском уезде Пензенской губернии. Здесь собралось до 10 000 крестьян, настроенных революционно. Появилось красное знамя, которое развозилось по деревням с возгласами: „Воля, воля! Земля вся наша! На оброк не хотим и работать на помещиков не станем!". Один из крестьян Егорцев взял на себя роль вождя крестьянского движения. За ним приезжали из ряда деревень с просьбой приехать и разъяснить манифест. Он это делал охотно и объяснял манифест так, что крестьяне должны получить всю волю и всю землю. При этом он говорил, что если кто пойдет против народа, тот будет по его приказанию повешен. Движение перебросилось в другие уезды Пензенской губернии. Сюда был послан генерал с большим военным отрядом. Движение было подавлено с большим трудом.

Особенную известность приобрело выступление крестьян в селе Бездне, Спасского уезда, Казанской губернии. Движением руководил молодой крестьянин Антон Петров. Антон Петров, читая „Положение 19 февраля", написанное мало-

понятным, канцелярским языком, объяснял его по своему. Он объяснял „освобождение“ так, как именно жаждали крестьяне. Он думал, что по „Положению“ крестьяне сразу же и полностью становятся свободными и что все земли их остаются за ними. Так он и объяснял дело крестьянам. Слава Антона Петрова, как человека, правильно понявшего царский закон, росла. Его самого и „Положение“, которое у него оказалось, крестьяне крепко охраняли от полиции и властей. Движение не носило характера вооруженного восстания. Но оно было упорным и настойчивым в том отношении, что крестьяне решительно отказывались признавать царский закон за настоящее освобождение. Они решительно не хотели такой „воли“, которую им приготовил царь. Движение продолжалось целый месяц — весь апрель 1861 г. Оно перебросилось на соседние уезды Казанской губернии и даже на другие губернии — Симбирскую и Самарскую. Местные власти ничего не могли поделать с крестьянами Бездны. На предложение выдать Антона Петрова крестьяне ответили твердым отказом, бережно и крепко охраняли его, поочередно держа караул у его избы. Были вызваны войска. До 50 человек крестьян было перебито. Антон Петров был казнен.

За один только 1861 г. крестьянским движением было охвачено 1176 имений. В 337 имений были посланы воинские отряды. Убитых и раненых крестьян при столкновении с войсками за один этот год оказалось 300 человек. В Сибирь было сослано 147 человек. Наказано шпицрутенами, то есть прогнано сквозь строй, 117 человек. Высечено розгами 1807 человек. Приговорено к заключению в тюрьму 480 человек.

Так прошел первый год после „освобождения“, так царь „освобождал“ крестьян.

5. Причины поражения крестьянских восстаний

Для того, чтобы правильно понять смысл и последствия той борьбы, которую вели крестьяне во время подготовки и проведения реформы, необходимо знать учение Ленина о „революционной ситуации“. Ленин учит, что в истории борьбы классов бывают времена, когда старый господствующий класс уже не может в прежнем, неизменном виде сохранить свое господство. Сами „верхи“ чувствуют и видят, что им очень трудно „жить по-старому“, господствовать и управлять по-старому. Они видят, что для сохранения своей власти, своих земель и богатств надо как-то по иному повести дело. Это, во-первых. Во-вторых, положение эксплоатируемых классов становится особенно тяжелым, нужда и бедствия угнетенных доходят до крайнего предела. В-третьих, массы, доведенные до крайней нищеты и угнетения, выступают более активно, чем обычно, переходят к самостоятельным и открытым выступлениям. И если все эти условия налицо, тогда наступает „революционная ситуация“, то-есть такое положение, при котором возможна революция, возможно свержение господствующего класса и старого строя.

Такое именно время было в России в период „подготовки“ реформы. Помещики уже не могли с выгодой хозяйничать по-старому, не могли попрежнему эксплоатировать крестьян, не могли попрежнему управлять и командовать крестьянами. Это становилось для помещиков все труднее и труднее. Жизнь крестьян стала очень тяжелой. Их разорение и нужда дошли до крайнего предела. Крестьянские выступления стали более массовыми и упорными, активность крестьянских масс сильно возросла.

Ленин так и говорит, что в 1859—1861 г. в России была „революционная ситуация“.

Но Ленин учит нас тому, что одной „революционной ситуации“ еще мало, чтобы совершилась революция. Для того, чтобы революция произошла, чтобы она имела успех, — необходимы еще и другие условия. Необходимо еще, чтобы налицо был революционный класс во главе со своей партией, класс настолько сильный, настолько организованный, настолько способный к организованным массовым действиям, чтобы он „сломил или надломил старое правительство“. Ибо, учит Ленин, „старое правительство никогда, даже в эпоху кризисов не упадет, если его не уронят“, если его насильно не свалят.

Почему же крестьяне в эти годы не свалили крепостников и царя? Почему они не побеждали и раньше, во времена Болотникова, Разина и Пугачева?

В своем докладе на первом Всесоюзном съезде колхозников т. Каганович объяснил причины их поражений.

„История крестьянства знает великие революционные движения масс. Эта история знает много крестьянских революционных войн. Например в Германии в средние века, сотни лет тому назад, крестьянство жестоко и упорно боролось в кровавой схватке с помещиками. Оно забирало дворянские имения. Но крестьянство было предано.

„И в нашей великой стране крестьянство до революции тоже не спало. Оно подымалось, оно выдвигало своих героев. Такие герои крестьянских восстаний, как Болотников, Степан Разин, Пугачев, боролись против бояр, помещиков и князей, поднимая на бой забитых холопов. Эти восстания были восстаниями крестьян, восстаниями крепостных против гнета, насилия, издевательства, муче-

ния, ада, против всего, что было для миллионов трудящихся крестьян создано вампирами, помещиками, тиранами, которые терзали душу и тело крестьянина.

„Почему же, спрашивается, эти крестьянские восстания терпели поражение за поражением? Почему Степан Разин, забрав ряд городов, почему Пугачев, поднявший Поволжье и Урал, сложили свои головы на плахе. Почему?

„На этот вопрос ответил Ленин. Потому, сказал он, что в городе у крестьянина не было надежного союзника, потому, что в городе у крестьянина, разрозненного по деревням на своих мелких клочках, не было руководителя.

„Город был глубоко враждебен крестьянству. Но вот появился пролетариат. На сцену вышел новый класс. Для победы крестьян нужно было, чтобы они пошли в союзе с городскими рабочими, с пролетариатом, нужно было, чтобы они пошли в атаку против своих классовых врагов под руководством пролетариата и его партии.

„Почему нужно это руководство? Да потому, что рабочие объединены, они работают не на отдельных клочках, они живут не в маленьких деревушках, разбросанных друг от друга на десятки бездорожных верст. Рабочий объединен на фабрике, на заводе. Он революционен до конца. Он более культурен, ибо сам станок, сама машина требует культурного отношения, и промышленность выковывает из него более передового, более последовательного революционера.

„Пролетарий в городе объединяется в политические организации. Он имеет международные связи с пролетариями других стран. Пролетариат это — един-

ственный класс, который может вывести крестьянство из его вековой темноты и организовать его в штурмовые батальоны для борьбы с кулацкой кабалой и помещичьим гнетом".

По этому же вопросу четкое и краткое разъяснение дал наш великий вождь тов. Сталин. „Мы большевики, — сказал он, — всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и другие. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета... Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели".

Крестьянство тем более не имело успеха, что в борьбе против него объединились и напрягли свои силы все угнетатели и эксплоататоры. Против крестьянства шли и царь, и все чиновничество, и дворяне-крепостники. Против крестьянства шли и те дворяне, которые назывались либералами. Это была часть дворян, которая торопилась провести „освобождение сверху", но только для того, чтобы не дать разрастись крестьянскому движению, только для того, чтобы ограбить крестьян, оставить лучшие земли себе, а затем по иному эксплоатировать тех же крестьян, заставляя их за гроши работать в качестве батраков у себя в имениях. Против крестьянства пошли и купцы вместе с ростовщиками, которые и до реформы и после реформы вместе с крепостниками высасывали все соки из крестьян. Против крестьянства пошли и фабри-

канты и заводчики, то-есть промышленная буржуазия, которая тогда только набиралась сил. Крестьянство же было одиноким против объединенных контрреволюционных сил.

6. Чернышевский в борьбе за крестьянство

Единственно, кто в эти годы готов был помочь крестьянству и сочувствовал ему — это очень небольшая группа людей, которые назывались разночинцами. Разночинцы были выходцами из „чиновничества, мещанства, купечества, крестьянства“ (Ленин). Большинство из них были писателями, учителями, мелкими служащими и т. п. Они видели ту борьбу, которая разгоралась между помещиками-дворянами и крестьянами. Лучшие из этих людей целиком стали на сторону крестьянства. Самым выдающимся представителем этой части разночинцев был Николай Гаврилович Чернышевский. Рядом с ним стояли замечательный русский мыслитель и писатель Н. А. Добролюбов, писатель Н. В. Шелгунов и еще некоторые другие деятели. Они были горячими защитниками интересов многомиллионной массы крепостного крестьянства.

Чернышевский был ученым, писателем, журналистом. В первые годы обсуждения крестьянской реформы он еще рассчитывал, что дело обойдется мирно. Он думал, что невыгодность крепостного труда, разгром царских армий в Крымской войне, поднимающееся крестьянское движение заставят царя и помещиков провести реформу быстро и притом так, что крестьяне получат и землю и действительную волю.

Чернышевский в печати открыто и горячо защищал интересы крестьян. Делал он это очень умело и ловко, несмотря на строгости царской цензуры, которая зорко

следила за каждой печатной строкой. Но еще до выработки закона об „освобождении“, еще за три года до царской реформы Чернышевский ясно увидел, в какую сторону гнут дело помещики. Он увидел, что они собираются ограбить крестьян, отнять у крестьян лучшую часть их маленьких земельных наделов. Он увидел, что за те клочки, которые помещики собираются оставить крестьянам, они хотят содрать громадный денежный выкуп. Он увидел, что крестьян собираются освободить только для того, чтобы после освобождения держать крестьян в кабале, угнетать и эксплоатировать их. Тогда Чернышевский круто изменил свое поведение. Он стал писать о том, что надеяться на правительство и дворян уже нечего, что из такого освобождения, которое собираются проводить помещики, не выйдет ничего, кроме мерзости.

Чернышевский писал: „Лучше пропадай все дело, которое приносит вам только разорение“. Он разоблачал царя и помещиков, которые под видом выкупа открыто шли на грабеж и мошенничество, предлагая крестьянам путем выкупа произвести покупку своих же собственных участков, которыми они и их деды и прадеды владели сотни лет.

Чернышевский понял, что настоящее освобождение крестьян, освобождение с землей и без всякого выкупа возможно только при одном условии, именно — при условии свержения самодержавия и передачи всей власти народу. Чернышевский твердо стал за необходимость революции, за необходимость призвать крестьян к организованному и повсеместному вооруженному восстанию против царя и помещиков.

Между тем самодержавие стало проводить в жизнь закон 19 февраля 1861 г. Чернышевский не захотел мириться с таким „освобождением“ крестьян, с таким явным грабе-

жом. С кружком близких к нему лиц он стал действовать активно. Сам Чернышевский написал прокламацию или листовку — „Барским крестьянам“.

Прокламация начинается так: „Барским крестьянам от их доброжелателей поклон... Ждали Вы, что даст Вам царь волю, вот Вам и вышла от царя воля. Хороша ли воля, какую Вам дал царь, сами Вы теперь знаете“. Дальше Чернышевский подробно, наглядно, просто и понятно объясняет крестьянам закон 19 февраля и показывает, что это не настоящая воля, что крестьянство обездоливается, что лучшие земли сохраняются за помещиками, что многое остается по-старому. Затем Чернышевский продолжает: „Так вот оно к чему по царскому-то манифесту, да по указам поведено; не к воле, а к тому оно идет, чтобы в вечную кабалу вас помещики взяли, да еще в такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нонешней. А не знал царь что-ли какое дело он делает? Да сами вы посудите, мудрено ли это разобрать? Значит, знал. Ну и рассуждайте, чего надеяться вам на него. Оболгал он вас, обольстил он вас. Не дождетесь вы от него воли, какой вам надобно. А почему не дождетесь от него, тоже рассудить можно. Сам-то он кто такой, коли не тот же помещик? Удельные-то крестьяне чьи же? Ведь они его крестьяне-крепостные. Да и вас-то в крепостные помещикам всё цари же отдали, иных давно, так что вам уже не памятно; а других не больно давно, так что деды помнят, прабабка нынешнего царя Екатерина отдала в крепостные из вольных. А есть еще такие неразумные, что ее матушкой Екатериною величают. Хороша матушка, детей в кабалу отдала. Вы у помещиков крепостные, а помещики у царя слуги, он над ними помещик. Значит, что он, что они — все одно. А сами знаете, собака собаку не ест. Ну,

царь и держит барскую сторону. А что манифест и указы выпустил, будто волю вам дает, так он только для обольщения сделал".

Чернышевский говорит крестьянам, что власть должна быть народная, что наследственного царя быть не должно. Должен быть выбран всенародный староста. „Староста народный выбирается на год ли там, на два ли, на четыре ли года, как народ ему срок полагает". Чернышевский поясняет, как можно добиться действительной воли и выборного управления. Для этого барским, помещичьим крестьянам надобно соединиться с государственными и удельными крестьянами. Надобно крестьянам соединиться и с солдатами. Солдаты — те же крестьяне, насильно взятые по рекрутчине на службу, которая тянется всю жизнь. Солдаты пойдут с крестьянами заодно. Крестьянам следует сближаться с солдатами, беседовать с ними и учиться у них военному делу. „А кроме того, — говорит Чернышевский, — ружьями запасайтесь, кто может, да всяким оружием".

Кончает прокламацию Чернышевский следующим образом: „Так вот оно какое дело: надо мужикам всем промеж себя согласие иметь: чтобы заодно быть, когда пора будет... А когда все готовы будут, значит везде поддержка подготовлена, ну, тогда дело начинай... Мы уж увидим, когда пора будет, и объявление сделаем".

В то же время близкий к Чернышевскому человек, писатель Н. В. Шелгунов, написал другую прокламацию: „К солдатам". Прокламация Шелгунова начинается примерно так же, как и прокламация Чернышевского: „Русским солдатам от их доброжелателей поклон". Шелгунов, обращаясь к солдатам, говорит: „Вас посылают, как палачей, убивать людей невинных.., и вас самих посылают, как

баранов, на убой". Он напоминает солдатам, что царь недавно посылал их убивать и грабить поляков и венгров. От этого солдаты ничего не выиграли и выиграть не могли. Все это делалось по приказу царя и для царя и помещиков. От этого грабежа чужих земель выигрывали только бары, а народ проигрывал. Затем Шелгунов говорит, что царь посылал солдат убивать не только поляков и венгров, но и русских крестьян. „Вот на какие дела вас посылали — грех и бесчестие. Грех и бесчестие потому, что вы, солдаты, убивали своих же братьев-крестьян, которых царь и помещики угнетали и разоряли".

Дальше Шелгунов говорит о присяге. Он спрашивает солдат: „Слыхали ли вы, чтобы богу давалась клятва на дела дурные?... Мы все связаны присягой на дела добрые... Если вы, зная, что бить своих грешно, не станете их бить, — вы сохраняете свою присягу потому, что вы присягали на добро, а не на зло... Вы служите для защиты народа и страны. Кто делает зло народу, тот враг страны, кто бы он ни был, тот общий враг всех нас, и против него нужно отстаивать народ. А враг этот близко и живет он у нас дома". Шелгунов прямо называет, кто этот враг: царь и помещики. Затем Шелгунов спрашивает солдат: «Слышали ли вы о вольной, что дали народу? Поговорите с крестьянами, и вы узнаете от них, что это воля не настоящая, так только по губам помазали". Такую волю, учил Шелгунов, народ не примет, а вас, солдат, пошлют против народа. И Шелгунов убеждает солдат не итти против крестьян, жаждущих настоящей воли.

Прокламация кончается следующими словами: „А как не пойдете вы, и вздохнет вся Русская земля спокойно!

А теперь прощайте, братцы, покамест. Скоро пришлем еще мы вам весточку".

В другой своей прокламации Шелгунов писал, что надо коренным образом разрешить земельный вопрос: отнять всю землю у царя и помещиков и передать ее крестьянству. И при этом добавлял: „Если для осуществления наших стремлений — для раздела земли между народом пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не так ужасно".

Но не пришлось ни Чернышевскому ни Шелгунову послать крестьянам и солдатам новых весточек. Не пришлось им крепко связаться с крестьянством, чтобы помочь ему в борьбе с царем и помещиками. Даже первая весточка Чернышевского не дошла до крестьян. Она была перехвачена царскими сыщиками.

Царские жандармы и охранники зорко следили за небольшой группой людей, которые сочувствовали крестьянам. Дворяне и царские чиновники ненавидели Чернышевского, который открыто в своем журнале „Современник" вместе со своими товарищами защищал интересы крестьян. Они искали случая погубить человека, который казался им очень опасным. Ведь действительно, Чернышевский и его товарищи готовы были стать во главе подымающегося крестьянства и путем вооруженного восстания добиться для народа вместо фальшивой воли настоящей воли с передачей всей земли народу. Чернышевского арестовали, но никаких показаний от него жандармы добиться не могли. Сами царские следователи не могли никаким способом доказать, что прокламации писал именно Чернышевский. Но помещичий класс, во главе с царем Александром II, так ненавидел Чернышевского, так боялся его, что решил прибегнуть к подлогу. Следователи

и жандармы составили фальшивые документы, приписали их Чернышевскому и на основании подложных бумаг сослали его на каторжные работы в Сибирь. Арестовали и Шелгунова. Он тоже был очень стойкий человек. От него тоже ничего не могли добиться. И от него решили избавиться. Он был сослан в ссылку. Царское правительство добралось бы и до Н. А. Добролюбова. Но в это время Добролюбов умер, подкошенный тяжелой непосильной работой и чахоткой.

В. И. Ленин очень высоко ценил Чернышевского и его товарищей и всегда с большим уважением говорил о них. Чернышевского Ленин называл „всероссийским демократом-революционером". Ленин подчеркивал, что Чернышевский выступал не за соглашение с помещиками, не за уступки им, а за революцию, за полное свержение самодержавия и ликвидацию помещиков, как класса, за торжество революции на всем пространстве громадной России.

Чернышевского и Добролюбова Ленин называл представителями „мужицкого демократизма". Иначе говоря, Ленин подчеркивал, что они стояли за такую власть, при которой интересы крестьян были бы полностью защищены, при которой после свержения царя влиянием на государственные дела пользовалось бы не дворянство, а трудовой народ. Ленин говорил, что Чернышевский, как „революционный демократ умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей". Ленин говорил, что во время „подготовки" реформы Чернышевский вел „могучую проповедь", „умел и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров».

„Крестьянскую реформу 1861-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он (т. е. Чернышевский) назвал мерзостью, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают господа либеральные освободители как липку. Либералов 60-х годов Чернышевский назвал «болтунами, хвастунами и дурачьем», ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед власть имущими“ (Ленин).

Ленин считал Чернышевского и его товарищей „представителями нового поколения революционеров-разночинцев“, полностью отстаивавших интересы крестьянства и всячески боровшихся с крепостничеством. И именно за искреннюю, горячую, боевую революционную борьбу со всеми сторонами крепостного строя, за борьбу против крепостнического дворянства, против самодержавия, за готовность стать во главе поднявшегося крестьянства, за готовность возглавить революцию Ленин чрезвычайно высоко ценил Чернышевского.

7. Герцен в борьбе за крестьянство

Кроме небольшой боевой группы революционеров-демократов во главе с Чернышевским на сторону крестьянства стал и знаменитый писатель того времени Александр Иванович Герцен, сам вышедший из рядов дворянства. Но Герцен давно порвал с самодержавием и крепостническим дворянством. Еще в царствование Николая I, за двадцать лет до реформы, он выступил заклятым врагом крепостничества. Такому человеку трудно было ужиться в царской России николаевского времени. Он уехал за границу и остался там навсегда. Но он не забыл России. Всю свою жизнь он посвятил

тому, чтобы оттуда, из далека, своим острым пером наносить сокрушительные удары царизму и крепостничеству.

В 1853 г. Герцен в Лондоне устраивает первую „Вольную русскую типографию“. Здесь печатаются первые заграничные русские революционные листки и книжки. Когда же пошли слухи о готовящемся освобождении крестьян, Герцен стал издавать журнал „Полярную Звезду“ и газету „Колокол“.

В. И. Ленин следующим образом оценивал значение Герцена, как организатора первого русского свободного печатного слова: „Герцен создал вольную русскую прессу[1] заграницей — в этом его великая заслуга... Рабье молчание было нарушено“.

После Крымского разгрома и вступления на престол Александра II Герцен поверил в то, что царь и дворяне способны провести настоящее освобождение крестьян. Он об этом писал статьи в „Колоколе“, он даже приветствовал Александра II за открытый приступ к реформе, он торопил его, убеждал его не отступать от начатого дела, не поддаваться крепостникам. Когда вышел манифест 19 февраля 1861 г. и до Герцена дошли первые вести о манифесте, он напечатал в „Колоколе“ приветственную статью. В этой статье Герцен называл Александра „Освободителем“, говорил, что „первый шаг сделан“, освобождение крестьян началось, надо полностью довести его до конца. И надобно делать и следующие шаги для полного освобождения крестьян. Этими шагами должны быть — уничтожение телесных наказаний, устройство справедливого суда и установление свободы печатного дела.

---

[1] Пресса — печать, журналы, газеты.

Но когда Герцен ближе познакомился с законом 19 февраля, когда он увидел, что крестьяне по этому закону ограблены, что они остались в полукрепостном состоянии, Герцен решительно выступил против такого освобождения. Когда он дальше стал узнавать, как проводится в жизнь реформа, как обираемых крестьян расстреливают, он проклял царя и дворян.

Когда при сопротивлении крестьян царскому „освобождению" в селе Бездне перебили 50 крестьян и казнили их вождя Антона Петрова, Герцен писал в „Колоколе", обращаясь к крестьянам: „О, если б мои слова могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!... как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем... Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего,[1] боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и архиерея — не верь им! Царь с ними, и они его". Ленин говорит, что „при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом — демократизм все же брал в нем верх".

Ненависть царя и дворян к Герцену была беспредельна. Они много дали бы, чтобы заставить его замолчать. Они много дали бы, чтобы заполучить его в свои руки, чтобы сгноить его на каторге или в крепости. Но их руки были коротки для этого. Герцен жил в Лондоне, где царские жандармы были бессильны.

8. Ленин о борьбе крестьян и помещиков в годы „освобождения"

Ленин высоко ценил Герцена. Еще выше Ленин ценил Чернышевского. Но Ленин прекрасно видел и их слабые

[1] Подьячий — чиновник.

стороны. Самая слабая их сторона заключалась в следующем. Они полагали, что если царь будет низвергнут, если земля перейдет к крестьянам, то крестьянство в России через общину придет к социализму. Крестьяне, говорили они, привыкли к общинному землевладению. Стоит им перейти и к общинному производству, и тогда путь к социализму обеспечен. Это было очень большим заблуждением со стороны Чернышевского и Герцена. Они не понимали того, что единственный путь к построению социализма — это власть рабочего класса — диктатура пролетариата, что только пролетариат способен строить социализм и что только под руководством пролетариата трудящееся крестьянство освободится от всякой кабалы, примет участие в строительстве социализма и добьется зажиточной жизни в новом бесклассовом обществе.

В чем же был смысл всей борьбы между крестьянами и помещиками во время „подготовки“ реформы, во время „освобождения“? К чему приводила победа помещиков и к чему могла привести победа крестьян, если бы крестьяне взяли верх?

Ленин учил, что ко времени „освобождения“ крепостничество уже изжило себя. Но Ленин указывал, что тогда стоял вопрос не о переходе к социализму. Вопрос тогда шел о переходе от крепостничества к капитализму.

Капитализм в сельском хозяйстве в разных странах развивался различно. В Пруссии (часть Германии), например, капитализм в сельском хозяйстве развивался главным образом через помещичье хозяйство и отчасти через кулацкое хозяйство. Там помещики также путем „освобождения“ ограбили крестьян, захватили в свои руки почти всю землю и постепенно стали переводить свое хозяйство на капиталистические рельсы, пользуясь вместо труда

крепостных крестьян вольнонаемным трудом ими же ограбленных крестьян. Немецкие помещики, так называемые юнкера, разорили миллионы крестьян, а сами стали вести крупное капиталистическое сельское хозяйство, эксплоатируя бедноту и богатея все больше и больше.

Иначе шло развитие капитализма в сельском хозяйстве Северной Америки. Там оно шло главным образом через фермерское хозяйство. Значительная часть земли в Соединенных Штатах Америки принадлежала государству, иными словами, значительная часть земли была национализирована. Крестьяне населяли свободные государственные земли, превращали их за известную плату в свою собственность и заводили на занятых землях собственное хозяйство. Крестьяне, занимавшие государственные земли, назывались фермерами. Богатые фермеры стали нанимать рабочих как постоянных, так и поденных. Эти фермеры таким образом становились деревенскими капиталистами. Через такое фермерское хозяйство главным образом и развивался капитализм в сельском хозяйстве Америки.

Борьбу помещиков и крестьян в России в период „освобождения“ Ленин рассматривал именно так, что помещики боролись за прусский путь развития сельского хозяйства. Крестьяне же, сами не сознавая того, боролись за американский путь развития сельского хозяйства. Таким образом, и помещики и крестьяне вели дело к капиталистическому развитию сельского хозяйства.

Однако, различие между стремлениями тех и других было огромное. Победа крестьян или победа помещиков приводили бы не к одинаковым результатам. Прусский путь связан с сохранением власти царя и диктатуры помещиков, проводящих реформу „сверху“. Американский

путь связан с демократической революцией, с низвержением царя и диктатуры помещиков. Прусский путь связан с сохранением и господством крупного помещичьего землевладения. Американский путь связан с конфискацией помещичьих земель и с переходом земли к государству или с переходом земли непосредственно в руки крестьянства. Прусский путь развивается при господстве крупного помещичьего хозяйства, с сохранением помещичьего гнета и кабалы над крестьянством, с медленным превращением помещичьего крепостного хозяйства в капиталистическое хозяйство. Американский путь развивается при преобладании крестьянских хозяйств, из которых выделяются капиталистические фермерские хозяйства. При прусском пути рост производительных сил и развитие всего хозяйства страны совершается медленно. При американском пути неизбежно значительно более быстрое развитие хозяйства всей страны, с быстрым ростом капитализма, а значит и с обострением классовой борьбы рабочих против буржуазии за уничтожение капиталистического строя.

Победа крестьян в 1859—61 годах повела бы к победе американского пути развития сельского хозяйства, повела бы к чрезвычайно быстрому развитию России в последующие годы. Но победили не крестьяне, а помещики. Поэтому Ленин и считал реформу 1861 г. первым шагом по прусскому пути развития сельского хозяйства.

А прусский путь развития сельского хозяйства есть, как мы видели, путь капиталистического развития сельского хозяйства. Вместе с тем „поскольку крестьянин вырывался из под власти крепостника, постольку он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождав-

шегося капитализма“ (Ленин). Поэтому после 1861 г. развитие России стало итти по пути капитализма, хотя это развитие и задерживалось гигантскими остатками крепостничества. Но шаг был сделан. И Ленин говорил: „Положение 19 февраля есть один из эпизодов смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим)“.

„19 февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной, России, выраставшей из крепостнической эпохи“.

Таким образом „крестьянская реформа“ 1861 г. была первым шагом от феодального хозяйства к капиталистическому хозяйству.

IV. „КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА“ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

1. Освобождение крестьян от земли

Крестьяне в своей борьбе с помещиками хотели добыть себе всю волю и всю землю.

Что же получили крестьяне по закону 19 февраля? На каких именно условиях и сколько земли получили крестьяне?

Относительно усадебной земли, которая находилась под избой, пристройками и огородами, в законе 19 февраля говорилось следующее: „Крестьянам предоставляется право выкупать в собственность усадебную их оседлость, посредством взноса определенной выкупной суммы“. Следовательно, усадебную землю крестьяне получали в свою собственность, отказать им в этом помещик не мог. Но за эту свою же собственную землю крестьяне должны были заплатить выкуп.

Относительно полевой земли в законе было сказано следующее: „С согласия помещиков крестьяне могут, сверх усадебной оседлости, приобретать в собственность, на основании общих законов, полевые земли и другие угодья“. Иначе говоря — крестьянам разрешалось выкупать за деньги у помещиков полевые земли, которые они и их предки пахали сотни лет. Крестьяне каждого помещика должны были заключать с ним договоры о вы-

купе земли. Эти договоры назывались уставными грамотами.

В законе точно было указано, сколько именно и на каких условиях крестьяне могут получить надельной земли. Не везде крестьяне получали надельные земли одних и тех же размеров. Вся Россия делилась на три главные полосы — черноземную, нечерноземную и степную. Каждая полоса делилась еще на местности. Для каждой полосы и каждой местности устанавливался самый большой и самый маленький размер надела, который мог получить крестьянин.

В черноземной полосе крестьянин мог получить не менее 2200 кв. саж. (около одной десятины) и не более 6 десятин на мужскую душу. Сюда входила и полевая земля, и все другие угодья — сенокосные, пастбищные и т. д. В нечерноземной полосе — не меньше одной и не больше 7 десятин. В степной полосе — не меньше 3 и не больше 12 десятин. Это было сделано в полном соответствии с интересами помещиков.

В черноземной полосе помещики крепко цеплялись за плодоносную и дорого стоящую землю и отдавали крестьянам самую малую часть земли, меньше которой и нельзя было дать.

В нечерноземной полосе помещики согласились дать крестьянам несколько больше земли. Это объясняется, во-первых, тем, что земля в этой полосе была малоплодородной и стоила дешевле. Во-вторых, в этой полосе многие крестьяне массами уходили на отхожие промысла. Если бы крестьяне получили здесь очень мало земли, то многие из них вовсе порвали бы с сельским хозяйством, и помещику трудно было бы иметь под руками дешевые рабочие руки, трудно было бы найти и арендаторов из крестьян, которым они на кабальных условиях могли сда-

вать в аренду свои земли. В-третьих, за предоставление крестьянам несколько бо́льшего количества земли помещики этой полосы собирались получить с крестьян больший выкуп и рассчитывали полученные деньги пустить на ведение своего хозяйства по-новому, по-капиталистически.

В степной полосе помещики тоже согласились дать крестьянам несколько больше земли. Это объясняется тем, что свободной земли здесь было много, стоила она дешево. Объясняется это также тем, что население в этой полосе было редким, и нужно было через земельные наделы крепче связать крестьян с этим краем. Если бы здесь крестьяне получили маленькие участки, то их тоже трудно было бы удержать на месте, и помещики этой полосы остались бы без рабочих рук и без арендаторов. Во всяком случае, больше земли, чем было у крестьян при крепостном праве, ни один крестьянин ни в какой полосе и местности получить не мог.

Но в действительности крестьяне не были наделены землею даже в таких небольших размерах, которые были указаны в главной статье закона. Помещики и капиталисты очень ловко пишут свои законы. При этом они употребляют между прочим и такой прием. После главной статьи закона пишется целый ряд добавлений, которые сводят главную статью на нет. В данном случае царь и дворяне поступили как раз таким образом.

Главная статья закона 19 февраля говорила о том, что крестьянам должно быть отведено столько земли, чтобы ее хватало „для обеспечения быта крестьян и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиками". Главная статья закона говорила о том, что крестьянам в каждой полосе и местности должно быть предоста-

влено не меньше определенного надела земли. А по добавочным статьям получалось иное.

В первой добавочной статье сказано, что если при наделении крестьян землей помещику остается меньше $^1/_8$ всей той земли, которая при крепостном праве находилась в его собственности, то он имел право отрезать столько земли от крестьянских наделов, чтобы у него самого осталось не меньше $^1/_8$ всей земли. И случаев такой отрезки земли у крестьян в пользу помещиков было не мало.

Во второй добавочной статье было сказаио: если помещик и крестьяне добровольно договорятся между собою, то помещик имеет право отдать крестьянам только половину указанного в законе надела. Дворяне очень часто заставляли крестьян итти на такое соглашение, хотя на бумаге оно и называлось „добровольным соглашением“.

В третьей добавочной статье было сказано, что „по добровольному соглашению“ между помещиком и крестьянином помещик может дать в собственность крестьянину только $^1/_4$ часть высшего надела, но бесплатно и с тем, что крестьянин больше никогда претензий к помещику иметь не будет. И в данном случае добровольное соглашение не всегда было добровольным. А если крестьянин действительно добровольно шел на это, то потому, что соблазнялся бесплатно получить надел. Однако скоро после этого крестьянин видел, что он обманут, что на полученном клочке земли никакого хозяйства вести нельзя. Недаром крестьяне прозвали эти даровые наделы „нищенскими“, „сиротскими“. Они еще назывались „четвертными“, „дарственными“, „гагаринскими“—по фамилии князя Гагарина, заядлого крепостника, который предложил внести в закон это самое добавление.

Наконец, и сама главная земельная статья закона 19 февраля давала крепостникам возможность отрезывать у крестьян часть их земли. В законе были указаны высшие наделы земли, больше которых помещик мог не давать крестьянам. И если случалось так, что в какой-нибудь местности у крестьянина оказывалось надельной земли больше указанного размера, то помещик отрезал все излишки и присоединял их к своим землям.

На основе закона 19 февраля помещики отрезали у крестьян громадное количество земель, которыми крестьяне пользовались даже при крепостном праве. Вот где лежит начало знаменитых „отрезков“, которые крестьяне все последующие годы совершенно правильно считали своими землями, украденными у них помещиками по закону „царя-освободителя“. Царь „освободил“ крестьян от их же собственной земли. Всего царь и помещики „отрезали“ у крестьян 5 320 000 десятин земли. При этом больше всего „отрезали“ земель у крестьян черноземной полосы — именно 3 825 000 десятин.

Помещики „отрезали“ у крестьян земли не целыми кусками, а таким образом, что помещичьи владения окружали со всех сторон крестьянские земли, вклинивались в них. После „освобождения“ крестьянин не мог ступить и шагу, чтобы не оказаться на помещичьей земле. Крестьянин очутился в настоящей ловушке у помещика.

Вот почему „освобожденный“ и „наделенный землей“ крестьянин оказался после „освобождения“ в полной зависимости от своего прежнего крепостника, в полной кабале от него.

2. Выплата крестьянами дани за свои же земли

Но этим еще дело не ограничивалось. За те клочки, которые помещики оставили крестьянам, они по закону 19 февраля получили с крестьян громадный выкуп деньгами. Выкуп исчислялся следующим образом. За основу выкупной суммы были взяты крестьянские оброки. А оброки в первой половине XIX века чрезвычайно повысились. Брался оброк, который платил тот или другой крестьянин помещику, и помножался на $16^2/_3$. Следовательно, если крестьянин платил в год 6 руб. оброку, то его выкупная сумма за землю расценивалась в 100 руб., то-есть—6 руб. помноженные на $16^2/_3$. Если крестьянин платил 40 руб. оброку — а это было довольно частым явлением, — то выкупная сумма за землю расценивалась около 670 руб. Такой расчет являлся не чем иным как капитализацией оброка из 6%. Иначе говоря, этот расчет приводил к тому, что помещик через выкуп получал такой капитал, который приносил ему проценты, равные прежнему оброку крестьянина.

Что дал этот грабительский и ростовщический расчет,—видно из следующих цифр. Количество земли, перешедшей к крестьянам в черноземной полосе, расценивалось по рыночным ценам того времени в 219 млн. руб., а выкупная сумма была определена в 342 млн. руб. В нечерноземной полосе земля, перешедшая к крестьянам, стоила по рыночным ценам 155 млн. руб., а выкупная сумма была определена в 342 млн. руб. В западной полосе земля расценивалась в 170 млн. руб., а выкупная сумма была определена в 183 млн. руб. Таким образом, вся земля, перешедшая к крестьянам по всей России, стоила 544 млн. руб., а оценена она была в 876 млн. руб.

Получив за землю гораздо больше денег, чем она стоила, помещики тем самым получили выкуп не только за землю, но и за „освобождение“ самих крестьян от крепостной зависимости.

Следовательно, всюду с крестьян помещики брали выкупных денег за землю гораздо больше того, чем стоила сама земля. Но в одной полосе взяли гораздо больше выкупа, в другой — несколько меньше. Объясняется это вот чем.

Больше всего выкупа взяли помещики нечерноземной полосы: втрое больше, чем стоила сама земля. Это получилось потому, что здесь помещики очень много получали оброка за неземледельческие и отхожие промыслы крестьян. И, „освобождая“ крестьян, помещики хотели получить с них не только за землю, но и вознаградить себя за то, что в будущем не смогут требовать с крестьян оброка. В то же время именно помещики этой полосы больше, чем помещики других районов, стремились к переходу к капиталистической системе хозяйствования. И поэтому они хотели больше получить в свои руки денег на ведение хозяйства по-новому.

В черноземной полосе помещики также получили за крестьянские наделы очень крупную сумму, именно в полтора раза больше, чем стоила сама земля. Но они взяли несколько меньше, чем помещики нечерноземной полосы. Это объясняется тем, что помещики черноземной полосы и без того много выиграли, оставив за собой очень много земли. Крестьянам здесь оставили совсем мало земли—и притом самой худшей. Поэтому та сумма, которую помещики здесь взяли с крестьян, являлась на самом деле огромной суммой.

Меньше всего получили выкупа помещики западной полосы. Объясняется это следующими обстоятельствами.

По соседству с западными губерниями находилась Польша, присоединенная к России при Александре I. Польша восставала еще при Николае I. В период революционной ситуации в России конца 50-х и начала 60-х годов в Польше также нарастало революционное движение. Очень неспокойно было и в соседних с Польшей западных губерниях. Здесь происходили бурные выступления крестьян. Царизм боялся, что чересчур открытый грабеж крестьянства усилит подъем революционного движения в западных губерниях. Кроме того среди помещиков здесь было много поляков. Вот почему крестьяне западных губерний были ограблены в несколько меньших размерах, чем крестьяне других губерний.

Мы уже видели, что в нечерноземной полосе, где земля была хуже, крестьяне больше должны были заплатить за нее. Иначе говоря помещики повели дело так, что чем худшую землю получал крестьянин, тем больше он за нее платил. Вместе с этим они повели дело так, что чем меньше получал крестьянин земли, тем больше он за нее платил. Для этого помещики ввели в закон еще одно добавление в виде так называемой „системы градаций“ [1]. Заключалась она в следующем. Если, скажем, надел равняется 6 десятинам, а крестьянин берет только одну десятину, то—казалось бы—он должен заплатить только за $^1/_6$ часть надела, если брал две десятины—то за треть надела и т. д. По „системе градаций“ постановлено было так: если крестьянин берет одну десятину, то он за нее платит половину всей цены надела, за две десятины—$^3/_4$ всей цены надела, а $^1/_4$ цены надела он платит за остальные 4 десятины. Таким образом, если крестьянин получал даже $^1/_3$ всего надела, то он за

---

[1] „система градаций“ — система ступеней, переходов.

нее платил почти как за весь надел. И в действительности выходило так, что чем меньше получал крестьянин земли, тем больше он за нее платил.

Вся выкупная сумма равнялась 867 млн. руб. Ясное дело, что крестьяне такой суммы сразу заплатить не могли. Поэтому решено было так. Крестьяне должны немедленно при выкупе заплатить $^1/_4$ или $^1/_5$ выкупной суммы, а $^3/_4$ или $^4/_5$ всей выкупной суммы правительство само сразу заплатило помещикам в виде ценных бумаг. Эту сумму крестьяне должны были в течение 49 лет ежегодно в рассрочку выплачивать государству в виде выкупных платежей. До полной выплаты выкупа на него начислялись проценты. И одних только процентов крестьяне за 49 лет должны были уплатить 703 млн. руб. Затем крестьяне не сразу делались свободными. В течение ряда годов после реформы большинство крестьян оставалось на положении „временно-обязанных“ и должно было платить оброки. Крестьяне уже после реформы заплатили помещикам 500 млн. руб. оброчных денег. Следовательно, весь выкуп земли обходился крестьянам в следующую кругленькую сумму: 867 млн. „выкупных“ платежей, 703 млн. руб. процентов, 500 млн. руб. оброков, всего — два миллиарда семьдесят млн. руб. А земля, перешедшая к крестьянам, всего на всего стоила 544 млн. руб. Значит крестьяне должны были переплатить свыше полутора миллиарда золотых рублей. Вот какие деньги заплатили и переплатили крестьяне за свою же собственную землю, которую у них помещики насильно отняли в старину, за землю, которую сотнями лет обрабатывали целые поколения крестьян.

Крестьяне из года в год платили „выкупные“ платежи. Только когда грянула революция 1905 г., когда могучее движение пролетариата и грозное выступленне крестьянства на смерть напугали царя и помещиков, — в декабре 1905 г., при Николае II, был издан манифест с обещанием — отменить выкупные платежи. Это обещание было дано тогда, когда крестьяне уже выплатили почти всю сумму. Да и обещание это было выполнено не сразу. Только в 1907 г. выкупные платежи были отменены.

Но и это еще не все. Выкупить землю и получить ее в собственность крестьянам было не так просто. В законе 19 февраля прямо было сказано: „Приобретение в собственность крестьянами... полевых земель и угодий... допускается не иначе, как с согласия помещика“. Следовательно, закон не обязывал помещика, хотя бы и за выкуп, отдать часть земли в собственность крестьянам. Поэтому переход земли к крестьянам затянулся на долгие годы. Только в 1881 г., — через 20 лет, — правительство издало указ об обязательности выкупа и о передаче в собственность крестьянским общинам причитающихся им участков.

3. „Крестьянская реформа“ в царских колониях

В целом ряде колоний царской империи крестьянская реформа была проведена так, что крестьяне оказались здесь еще более ограбленными, чем в губерниях основных районов Великороссии и Украины.

На западе, в Белоруссии, пастбища, выгоны, луга были полностью оставлены в собственности у помещиков. Поэтому здесь крестьяне оказались после „освобождения“ еще в худшем положении, чем крестьяне великорусских и украинских губерний.

На юго-западе, в Бессарабии, реформа была проведена в 1868 г. Крестьяне Бессарабии, главным образом, молдаване, получили ничтожные земельные наделы. Это видно из следующих цифр. Колонисты-крестьяне владели в Бессарабии землей в среднем в количестве 7 десятин на двор, государственные крестьяне — 5.8 десятин, а „освобожденные“ помещичьи крестьяне получили только по 3.1 десятины.

На востоке, в Башкирии, большая часть земель была расхищена русскими дворянами и чиновниками еще во времена крепостничества. После реформы 1861 г. в Башкирии в 1869 г. было произведено новое размежевание земель. Башкирским крестьянам было оставлено по 30, самое большое по 40 десятин на хозяйство. Для большей части населения, занимавшегося скотоводством, эти наделы были совершенно недостаточны. Вся остальная земля перешла в руки правительства и распродавалась по баснословно дешевой цене. Русские дворяне, купцы и чиновники за несколько сот или даже за несколько десятков рублей получали в свою собственность огромные земельные владения. Это был самый неприкрытый и бесстыдный грабеж башкирских крестьян, произведенный в громадном масштабе.

На юго-востоке, на Кавказе и в Закавказьи, правительство не торопилось с проведением реформы. Но в этих колониях крестьяне также поднялись против своих помещиков. В Закавказьи, именно в Грузии, произошло очень бурное выступление крестьян. Самодержавие, заключив союз с грузинскими феодалами, жестоко подавило восстание. Но вместе с тем правительство вынуждено было поторопиться с проведением реформы в Грузии. Крестьянская реформа была проведена в Грузии в 1863—65 г. Согласно царскому указу у грузинских крестьян отрезали

половину их и без того небольших наделов. За оставшиеся у них клочки земель крестьяне должны были заплатить огромный выкуп. А до выплаты выкупа крестьяне оставались „временно-обязанными“ и отдавали помещикам больше половины своих доходов с оставленных им наделов. Кроме того была сохранена барщина, а также целый ряд других повинностей. Все эти повинности сохранялись в Грузии около 50 лет, до 1911—12 гг.

На Северном Кавказе также произошло выступление крестьян-горцев, принявшее характер настоящего восстания. Самодержавие и здесь заключило союз с горскими феодалами и подавило восстание крестьян. Целые села были сравнены с землей. Районы восстания были залиты потоками крови. Затем была проведена реформа 1867 г. Земля была целиком оставлена у помещиков. Крестьяне были освобождены без земли. За выкуп своей личности крестьяне должны были платить помещикам в среднем по 200 руб. До уплаты выкупа крестьяне оставались в крепостной зависимости и должны были нести барщину. Даже движимое имущество в виде, например, скота не было полностью оставлено за крестьянами. Половина всего движимого имущества горских крестьян переходила к помещикам. Так были „освобождены“ крестьяне в Чечне, Адыге, Кабарде, Ингушетии, Осетии и в других горных областях Кавказа. Такой явный грабеж был возможен в значительной мере потому, что самодержавие действовало в тесном союзе с горскими феодалами, с помощью которых оно подавило крестьянское восстание.

Несколько иначе прошла реформа в самой западной колонии царизма, в Польше. В Польше в конце 50-х и в начале 60-х годов нарастало революционное движение. Подымались рабочие, крестьяне и городская мелкая

буржуазия. Дворянство и крупная буржуазия Польши не прочь были использовать это революционное движение с тем, чтобы отделить Польшу от царской России и самим безраздельно эксплоатировать польских крестьян и рабочих. Революционное движение в Польше, все более и более нарастая, вылилось в 1863—64 г. в настоящее вооруженное восстание. Самодержавие для того, чтобы легче подавить восстание, поспешило принять меры к тому, чтобы отколоть крестьянство Польши от общенационального движения. Приняв для подавления восстания самые решительные и самые жестокие меры, самодержавие вместе с тем поторопилось в 1864 г. провести в Польше крестьянскую реформу. Польские крестьяне получили личную свободу без всякого выкупа. Без всякого же выкупа они получили в свою собственность и свои наделы. Кроме того, крестьяне получили право вернуть себе те земли, которые у них были отрезаны польскими помещиками за последние 25 лет. Польские крестьяне оказались в несколько менее тяжелых условиях, чем русские крестьяне и крестьяне других колоний царизма. Но и в Польше большая и лучшая часть земли также осталась у помещиков. Поэтому после реформы и в Польше положение крестьян оказалось незавидным, и помещичий гнет продолжал тяготеть над крестьянством.

Проведение „крестьянской реформы“ в Польше и в других колониях показывает, насколько был прав Ленин, когда он говорил: „реформы — побочный продукт революции“. В Польше восстание носило характер широкого национально-освободительного движения и было чрезвычайно грозным для самодержавия. Самодержавие здесь не могло опереться на польское дворянство, которое стремилось использовать революционное выступление масс в своих

интересах. Поэтому в Польше царское правительство вынуждено было пойти на бо́льшие уступки крестьянству.

На Северном Кавказе и в Закавказьи движение не носило столь широкого, общего и грозного характера. Затем здесь местные феодалы сомкнулись с царизмом и помогли ему подавить крестьянские выступления. Поэтому в этих областях самодержавие и смогло провести реформу так, что крестьяне были ограблены самым настоящим образом. „Реформы — побочный продукт революции". Чем более грозный характер носит революционное выступление масс, тем больше верхи идут на уступки. Чем менее грозным и широким является революционное движение, тем менее верхи идут на уступки.

4. Бесправие „освобожденных" крестьян

Получили ли крестьяне по закону 19 февраля хотя бы личную свободу?

В законе 19 февраля, в первой его статье, торжественно возвещалось: „крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда". Дальше же оказывается, что до заключения договора о выкупе между помещиками и крестьянами крестьяне за пользование землей „обязаны отбывать в пользу помещика определенные повинности: работой или деньгами". Таким образом, крепостное право, с его барщиной и оброком, уничтоженное по первой статье закона, в другой статье снова выплыло на сцену под видом обязательных повинностей работой или деньгами. А еще в одной из дальнейших статей говорится уже совсем прямо: „Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, но состоящие в обязательных поземельных отношениях к помещикам, именуются временно

обязанными крестьянами... Помещику же, впредь до прекращения обязательных к нему отношений крестьян, предоставляется вотчинная полиция и попечительство над обществом сих крестьян".

Многие помещики не соглашались сразу на выкуп. Все дело с утверждением договоров между помещиками и крестьянами вообще затягивалось надолго. Поэтому и получилось так, что огромные массы крестьян на многие годы оказывались „временно обязанными", то-есть по сути дела крепостными. Вот какую „свободу личности", предоставили помещики крестьянам. Недаром Александр II в манифесте 19 февраля 1861 г., ссылаясь на „священное писание", писал: „Некоторые думали о свободе и забывали об обязанностях. Но общий здравый смысл не поколебался в том убеждении, что и по естественному рассуждению, свободно пользующийся благами общества взаимно должен служить благу общества исполнением некоторых обязанностей, и по закону христианскому, всякая душа должна повиноваться властям предержащим (Рим., XIII, I), воздавать всем должное и в особенности кому должно, урок, дань, страх, честь (7); что законно приобретенные помещиками права не могут быть взяты от них без приличного вознаграждения или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться от помещиков землею и не нести за сие соответственной повинности".

Но даже и тогда, когда крестьяне договаривались с помещиками о выкупе земли, когда земля переходила в их собственность, когда они переставали быть „временно обязанными", они все-таки оставались бесправными.

Прежде всего, сохранена была старая крестьянская община с ее круговой порукой. Царь и помещики попреж-

нему пользовались общиной и через нее, через круговую поруку, держали в своих руках каждого члена общины. За каждого „неисправного“ в отношении податей и повинностей крестьянина отвечала круговой порукой вся община. Надельная земля, за которую платил выкуп крестьянин, переходила не в его собственность, а в собственность общины. И только с согласия общины крестьянин мог выделиться из нее и получить надел в собственность.

Крестьянин без согласия сельского общества не мог уехать никуда за пределы своей волости. Лица других сословий обычно получали бессрочные паспорта, крестьянин же мог получить паспорт самое большее на один год. Лица других сословий — дворяне, купцы, мещане судились в общих государственных судах. Для крестьян был устроен особый суд. Лица других сословий не подвергались телесным наказаниям. Волостные же суды имели право приговаривать „освобожденных“ крестьян к наказанию розгами. Лица других сословий могли свободно поступать на государственную службу. Крестьяне же имели право поступать на службу только после того, как они совершенно выписывались из своего сельского общества, то-есть когда они переставали быть крестьянами. Следовательно, крестьяне по закону 19 февраля были ограблены и в отношении своих прав.

Дворяне и капиталисты, дворянские и буржуазные ученые назвали Александра II „царем-освободителем“. Мы видели, как этот царь „освободил“ крестьян. Царь и дворяне во всех отношениях ограбили крестьян: и в отношении земли, и в отношении выкупных денег, и в отношении прав.

5. Ленин об „освобождении“ крестьян

Поэтому В. И. Ленин совершенно справедливо называл реформу 1861 г. не „крестьянской реформой“, а „помещичьей реформой“. Поэтому Ленин выражение „крестьянская реформа“ всегда ставил в кавычки, подчеркивая этим, что она была проведена не в интересах крестьян. „Освобождение“ крестьян 1861 г. В. И. Ленин определил и оценил следующими замечательными словами:

„Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними. По случаю «освобождения» от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях свыше $^1/_5$ части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до $^1/_3$ и даже $^2/_5$ крестьянской земли. По случаю «освобождения» крестьянские земли отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на «песочек», а помещичьи земли клином вгонялись в крестьянские, чтобы легче было благородным дворянам кабалить крестьян и сдавать им землю за ростовщические цены. По случаю «освобождения», крестьян заставили «выкупать» их собственные земли, при чем содрали вдвое и трое выше действительной цены на землю. Вся вообще «эпоха реформ» 60-х годов оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде и в управлении, и в школе, и в земстве.

„«Великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники“.

„Крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти «освободители» так повели дело, что

крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам.

„Русских крестьян господа благородные помещики «освобождали» так, что свыше пятой доли крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков. За свои, потом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить выкуп, т. е. дань вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой дани крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более. Помещики не только награбили себе крестьянской земли, не только отвели крестьянам худшую, иногда совсем негодную землю, но сплошь да рядом понаделали ловушек, то-есть так размежевали землю, что у крестьян не осталось то выпасов, то лугов, то леса, то водопоя. Крестьяне в большинстве губерний коренной России остались и после отмены крепостного права в прежней безысходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало.

Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России“.

6. Реформы Александра II — первый шаг от феодальной монархии к буржуазной монархии

Отмена крепостного права, хотя и не проведенная до конца, была сама по себе сильным ударом по старой феодальной крепостнической монархии. Отмена крепостного права вынудила правительство Александра II произвести

ряд перемен и в других сторонах государственной жизни. Вскоре после „крестьянской реформы“ Александр II провел следующие изменения в управлении, суде и войске.

В 1864 г. была проведена земская реформа. До 1864 г. все хозяйственные дела каждого уезда и губернии находились в руках у чиновников. По „Положению о земских губернских и уездных учреждениях“ в уездах и губерниях вводились уездные и губернские собрания и управы. Земским учреждениям был передан целый ряд дел в уездах и губерниях: дорожное дело, страхование, продовольственное дело, школы, лечебницы и тому подобные дела.

Учреждения эти были названы всесословными, то-есть такими, в которых принимали участие все сословия — и дворяне, и купцы, и крестьяне. Но выборы были организованы следующим образом: отдельно выбирали гласных в земские собрания землевладельцы, главным образом дворяне, отдельно купцы вместе с фабрикантами и отдельно крестьяне. Все дело было устроено так, что в земских собраниях было всего больше дворян и хозяевами дела оказывались они. Председатели уездных и губернских земских собраний даже не выбирались. Председателями земских собраний являлись уездные и губернские предводители дворянства. Предводители дворянства — это самые богатые и знатные дворяне, избиравшиеся на особых дворянских собраниях для руководства всеми дворянскими делами каждой губернии и уезда.

От крестьян чаще всего в собрания проходили кулаки. Когда же попадали в гласные, то-есть в члены земских собраний, настоящие крестьяне-труженики, то они не могли иметь никакого влияния на ход дел. С ними совершенно не считались, они держались обособленно,

чувствовали, что они здесь чужие, что настоящими хозяевами здесь являются их заклятые враги — помещики.

Земства облагали население особыми податями, которые назывались земскими сборами. Земские сборы были организованы так, что помещики, фабриканты и купцы платили очень мало. Большая часть сборов падала на крестьянство. Крестьяне на решение дел в земстве никакого влияния оказать не могли, а земских сборов платили больше всех. И здесь крестьяне оказались урезанными в своих правах, оказались обманутыми и ограбленными.

Однако даже и таким выборным учреждениям, в которых первую роль играли дворяне, не было предоставлено действительной свободы в разрешении местных дел. Губернатор имел право контроля за законностью постановлений земских собраний, а важнейшие решения должны были утверждаться царскими губернаторами. Затем председатель уездной земской управы утверждался губернатором, а председатель губернской управы утверждался министром внутренних дел. Через земство царь и дворяне укрепляли свое господство над „освобожденным“ крестьянством. Ленин говорил, что „земство было орудием укрепления самодержавия“.

В 1864 г. была проведена судебная реформа. До 1864 г. все дела в судах решались назначенными царем судьями, решались тайно, без всякого открытого обсуждения, без всякого участия населения. В 1864 г. Александр II утвердил закон о новых судебных учреждениях, так называемые „Судебные уставы“.

По этому закону мелкие дела разбирались выборными мировыми судьями. Мировые судьи выбирались из лиц,

имевших образование и собственное владение в виде земли или дома. Обычно они выбирались из дворян. В уездах они выбирались земскими собраниями, а в городах — городскими думами.

Более или менее серьезные дела разбирались в окружных судах и в каждой губернии был учрежден окружной суд. Окружной суд протекал с участием присяжных поверенных, или адвокатов, людей, не состоявших на царской службе. Тот, кто имел деньги, мог свободно договариваться с присяжным поверенным, который на суде должен был отстаивать интересы обвиняемого или лица, имевшего то или другое дело в суде. После разбора дела, который происходил открыто, выборные от населения, так называемые присяжные заседатели, числом в 12 человек, выносили приговор. Поэтому такой суд и назывался судом присяжных.

Присяжными заседателями могли быть только лица, имевшие какое-либо недвижимое имущество ценностью не ниже 500 руб.

Присяжные заседатели должны были только кратко, в двух словах, высказать свое решение: „да, виновен“, „нет, не виновен“, „виновен, но заслуживает снисхождения“.

Наказание же назначали судьи, поставленные царем. Эти царские судьи и руководили всем ходом судебного дела, они командовали в новых судах. Кроме них на суде громадную роль играл царский прокурор. Под его наблюдением велось следствие особыми следователями. Он составлял обвинительный акт. Он выступал в суде с обвинением. От него в очень большой степени зависело решение дела.

В окружных судах судились лица всех сословий — и дворяне, и купцы, и мещане. В окружных судах суди-

лись и крестьяне, которые совершили какое-либо серьезное преступление, как, например, убийство или грабеж. Из крестьян к окружным судам обращались и богатые крестьяне, имевшие с кем-либо крупный имущественный спор. Но для большинства дел, касавшихся крестьян, существовал совершенно особый суд, так называемый волостной суд. И в то время как по „судебным уставам“ к телесным наказаниям приговаривать было нельзя, волостные суды для крестьян имели право подвергать крестьян наказанию розгами.

Над окружными судами были поставлены судебные палаты, находившиеся целиком в руках высших царских чиновников. Судебные палаты разбирали спорные дела, переходившие к ним из окружных судов. А затем они разбирали дела по преступлениям чиновников и дела, носившие политический характер. Позже все политические дела были изъяты из окружных судов с присяжными заседателями и переданы судебным палатам.

Наконец, над всеми судебными учреждениями царской империи стоял правительствующий сенат, учрежденный еще Петром I. Сенат состоял из самых высших бюрократов — дворян и являлся верным орудием царской власти.

В 1870 г. была проведена городская реформа. Сущность ее заключалась в том, что заведывание городским хозяйством, школами, больницами и т. п. передавалось всесословному выборному городскому учреждению. Все вопросы разрешались городской думой. Дума состояла из гласных, избираемых жителями города, платившими городские налоги. При этом все население по имуществу делилось на три разряда, и каждый разряд выбирал одинаковое число гласных. В результате в городской думе

распоряжались богатые домовладельцы, купцы и фабриканты. Городская дума избирала городского голову и членов управы. Городской голова утверждался царским губернатором. Губернатор следил за законностью постановлений городской думы.

В 1874 г. была проведена военная реформа. Установлена была всеобщая воинская повинность. Все лица, достигшие 21 года, должны были являться в воинские присутствия для призыва в армию. Вместо прежних 25 лет был введен 5-летний срок службы в армии и 7-летний во флоте. Отбывшие срок действительной службы зачислялись в запас, в котором они состояли до 43-летнего возраста. Лица, имевшие образование, служили меньше — от одного до четырех лет. Этой льготой фактически пользовались сыновья дворян, фабрикантов, купцов и кулаков. Крестьянские дети, не имея возможности получать образование, льготами пользоваться не могли. Поэтому вся тяжесть военной службы падала на крестьян, а также на рабочих. До реформы 1874 г. офицерами в армии могли быть только дворяне. После реформы офицерами делались и лица из буржуазных слоев, окончившие военные школы. Но подавляющая часть офицерского состава пополнялась все-таки из дворянской среды. Генералы и высший командный состав состояли исключительно из дворян. Армия попрежнему была орудием царя и дворянства.

Все реформы времени Александра II показывают, что после „крестьянской реформы“ крепостническое феодальное самодержавие вынуждено было произвести ряд изменений в управлении, суде и войске. После „крестьянской реформы“ старая крепостническая монархия не могла оставаться в полной неприкосновенности, в прежнем виде, без всякого изменения. Самодержавие вынуждено было

ввести выборные земские и городские учреждения, допустить к участию в судах присяжных заседателей и адвокатов, установить всеобщую воинскую повинность. Все эти реформы были реформами буржуазного характера. Но все перемены были проведены сверху, были проведены таким образом, что главной силой оставалось дворянство и связанное с ним чиновничество. Все командные высоты оставались в руках помещиков и чиновников. Царское самодержавие сохраняло всю полноту власти.

Ленин определил реформы Александра II следующим образом: „Если бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861 г., то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения. Достаточно вспомнить характер реформы в области суда, управления, местного самоуправления и т. п. реформ, последовавших за крестьянской реформой 1861 г., чтобы убедиться в правильности этого положения“. Но реформы были только шагом, первым шагом к буржуазной монархии. Феодальная монархия *не превратилась* в буржуазную, а оставалась в своей основе крепостнической, феодальной монархией. И Ленин не раз это подчеркивал: „*19 февраля 1861 года было первым шагом по пути превращения чисто крепостнического самодержавия в буржуазную монархию*“.

V. КРЕСТЬЯНСТВО В РОССИИ ПОСЛЕ „ОСВОБОЖДЕНИЯ“

1. Распределение земли между помещиками и крестьянами

Перейдем к тому, чтобы показать, как жилось крестьянам после царского „освобождения“ 1861 г. Для этого прежде всего необходимо еще раз подчеркнуть, как определял „крестьянскую реформу“ Ленин: „Великая реформа была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники“.

Это сказалось прежде всего на том, как была распределена земля между помещиками и крестьянами даже сорок пять лет спустя после реформы 1861 г. Тридцать тысяч помещиков владели 70 млн. десятин земли, и каждый из них в среднем владел имением в 2333 десятины. Это в среднем. Были помещики, которые владели 10, 20, 50 тыс. десятин земли. Отдельные помещики имели 100 и даже 200 тыс. десятин земли. Большая часть крестьянства в количестве 10 млн. 500 тыс. дворов владела 75 млн. десятин. На каждый двор приходилось в среднем 7 десятин земли. На таком наделе крестьянская семья жить не могла. Поэтому эти $10^1/_2$ млн. крестьянских семей находились в самом бедственном

положении. И, наконец, 1 млн. крестьянских дворов владел в среднем по 15 десятин земли на двор, а всего в распоряжении этого миллиона дворов находилось 15 млн. десятин.

Ленин по поводу распределения земли между помещиками и крестьянами говорил так: „Суть дела состоит в том, что на одном полюсе русского землевладения мы имеем $10^1/_2$ миллионов дворов (около 50 милл. населения) с 75 милл. десятин земли, а на другом полюсе тридцать тысяч семей (тысяч около полутораста населения) с 70 милл. земли“.

Ясное дело, что при таком распределении земли хозяйственное положение крестьян было из рук вон тяжелым. Но это не все. Вспомним, сколько крестьянской земли „отрезали“ помещики в 1861 г. Вспомним, что „помещики отвели крестьянам худшую, иногда совсем негодную землю, сплошь да рядом понаделали ловушек, то-есть так размежевали землю, что у крестьян не оставалось то выпасов, то лугов, то леса, то водопоя“ (Ленин).

Распределение земли между помещиками и крестьянами было настолько запутанным, что часто трудно было определить где помещичья, а где крестьянская земля. Помещики пользовались этим и нередко при помощи правительственных чиновников доказывали, что межа проходит не там, где показывают крестьяне, и отмежевывали у крестьян еще новые участки земли. Реформа привела к тому, что за время с 1861 по 1917 г. крестьянские земли со всех сторон были в окружении помещичьих земель. Крестьянская скотина не могла и шагу сделать, чтобы не оказаться на помещичьей земле. „Куренка некуда выпустить“, говаривали мужики. Помещики широко пользовались этим

и постоянно привлекали крестьян к ответственности за потраву своих земель, взыскивали с них штрафы, держали крестьян в постоянном страхе. Сам крестьянин не мог ступить шагу, чтобы не оказаться то на пашне помещика, то на его сенокосе, то на его выпасах, то в его лесу.

Одна картина дореволюционного времени очень наглядно показывала положение „освобожденного" от земли крестьянина. Стоит крестьянин на своем участке на одной ноге, а около него помещик. И между ними происходит следующий разговор. Помещик: „Что это ты мужичок на одной ноге стоишь?" Крестьянин: „Да другую, вишь, поставить некуда. Везде вашей милости землица. Боюсь, еще за потраву судить будете".

2. Кабальные отработки и разорение крестьян

Крестьяне своими земельными клочками обойтись не могли.

Они вынуждены были обращаться к помещикам с просьбой сдать им в аренду землю, причем большей частью разговор шел как раз об „отрезках", то-есть о тех крестьянских землях, которыми крестьяне пользовались до 1861 г. и которые от них были отняты в 1861 г.

Как известно, помещики пошли на реформу главным образом под натиском крестьянского движения. Большая часть помещиков, привыкших жить на готовых хлебах и ни о чем не заботиться, и не умела и не хотела переходить на вольнонаемный труд, на ведение капиталистического хозяйства. Поэтому многие помещики использовывали те условия, на которых были „освобождены" крестьяне, использовывали нужду крестьян в земле для того, чтобы в новых условиях вести хозяйство попреж-

нему, так же, как при крепостном праве. Когда крестьяне обращались к помещикам с просьбой о сдаче земли в аренду, помещики им не отказывали в этом, соглашались на сдачу земли. Но при этом они требовали, чтобы **крестьянин своим инвентарем и своим рабочим скотом бесплатно обрабатывал помещичью землю. Это называлось „отработкой“.** Крестьянин вынужден был соглашаться на это, так как иначе он не смог бы прокормить себя и свою семью, иначе крестьянин и его семья умерли бы с голоду. Такая аренда называлась продовольственной или голодной арендой. Отработочная система хозяйствования носила резко выраженный ростовщический кабальный характер.

„Отработка“ выражалась не только в прямой форме получения крестьянином небольшого участка в аренду за обработку помещичьей земли. Она принимала и несколько иные формы. Например, испольщина. Последняя заключалась в том, что крестьянин обрабатывал своим инвентарем участок помещичьей земли и за это получал часть урожая. Другой формой „отработки“ была издельщина. Она заключалась в том, что крестьянин обрабатывал своим инвентарем помещичьи земли за деньги или за ссуду зерном и другими продуктами. Но и работа за деньги не меняла кабального характера крестьянской работы. Крестьянин, находясь в безвыходном положении, вынужден был за гроши своим инвентарем обрабатывать помещичьи земли. Это называлось „издельным наймом“, „подесятинными заработками“, обработкой „кругов“ (т. е. одной десятины ярового и одной десятины озимого и т. п.) При этом нередко помещик зимой ссужал крестьянина зерном или деньгами, а за это

крестьянин весной или летом обрабатывал определенный участок помещичьей земли, выплачивая таким образом или долг, или проценты по долгу. При всех формах отработок крестьянин не только обрабатывал помещичью землю, но и снимал и свозил урожай в барские амбары и т. д.

Крестьяне „отрабатывали“ помещикам не только за аренду участка пахотной земли, но и за выпас, и за луга, и за водопой. Нередко помещики требовали, чтобы крестьяне вдобавок посылали баб жать помещичий хлеб задаром, „за честь“, как говорили они.

Ведение хозяйства путем „отработки“ стоило помещику гораздо дешевле, чем применение вольнонаемного труда. Самый дешевый батрак обходился помещику дороже, чем отработочный крестьянин, имевший свой небольшой участок земли и свой инвентарь. Это видно из того, что к концу XIX века обработка одной десятины вольнонаемным трудом стоила помещику 10 руб. 69 коп., а обработка той же десятины через отработку стоила всего 6 руб. Жатва и возка при отработках стоила 3 руб. 80 коп. за десятину, а при вольном найме — 8 руб. 50 коп. Понятно, почему помещик держался за отработки. С другой стороны, понятно, почему и крестьянин соглашался итти на отработки. Иного выхода у него не было. Крестьянин был задавлен нуждой, земли у него было недостаточно, он был привязан к своему убогому наделу, кругом он был окружен помещичьими землями, власть помещика и после реформы была очень сильна.

Ленин, сопоставляя положение крестьянина до реформы и после реформы, говорил следующее: „При крепостном праве крестьянин не смел никуда отлучаться из деревни без разрешения барина. Теперь крестьянин свободен итти

куда хочет, если его отпускает мир, если у него нет недоимок, если ему дадут паспорт, если губернатор или исправник не запретит переселяться. Значит, полной свободы итти, куда хочешь, полной свободы передвижения у крестьянина и сейчас нет, крестьянин остается еще полукрепостным".

Помещик использовывал бесправие крестьян, использовывал невыгодные для крестьян условия „освобождения", использовывал „отрезки", которые он отнял у крестьян в 1861 г. И получился „едва ли где нибудь виденный еще на свете способ ведения помещичьего хозяйства. Это—хозяйство посредством отрезных земель" (Ленин).

Что же представляли собою все эти формы отработок? Являлись ли они капиталистической системой хозяйствования? Являлись ли они чем-то совершенно новым по сравнению с крепостным хозяйством? Нет. Они были той же старой крепостнической барщиной, только видоизмененной, только в другой форме. Крестьяне в некоторых губерниях так и называли отработки — барщиной или панщиной.

„Отработки, это—прямой, непосредственный пережиток барщины" (Ленин).

Но отработочное хозяйство не является крепостным хозяйством в полном смысле этого слова.

„Отработки, это—переход от барщины к капитализму" (Ленин). Это—переходная ступень от крепостного хозяйства к капиталистическому. Сказывалось это в том, что помещики нередко обрабатывали землю, применяя отработки, а урожай снимали через вольнонаемных рабочих, часто нанимая тех же окружающих их имение крестьян. Сказывалось это в том, что часть своей земли помещики обрабатывали через отра-

боточных крестьян, а другую часть — через вольнонаемных рабочих.

Один из великих русских писателей второй половины XIX века Салтыков-Щедрин, которого очень высоко ценил Ленин, дал правдивое описание того, какие приемы применяли помещики при ведении отработочного хозяйства. В сочинении „Мелочи жизни" Салтыков-Щедрин изображает помещика Конона Лукича Лобкова, имеющего пятьсот десятин земли. Лобков не имеет никаких орудий, никакого рабочего скота, не вкладывает в хозяйство никакого капитала, а живет хорошо. Как же это он делает?

„Вот с этой-то целью и изобретена им хитросплетенная система подспорьев. Первое место в ряду подспорьев занимает прижимка. Когда у крестьян земля под паром, у него через дорогу овес посеян. Видит скотина — на пару ей взять нечего, а тут же, чуть не под самым рылом, целое море зелени. Нет-нет, да и забредет в господские овсы, а ее оттуда кнутьями, да с хозяина штраф. Потравила скотина на гривенник, а штрафу — рубль:

— Хоть все поле стравите — мне же лучше, — ухмыляется Конон Лукич: — ни градобитиев бояться, ни бабам за жнитво платить.

Однако, он настолько добр, что денег за штрафы не требует.

— Мне на что деньги? — говорит он: — на свечку богу да на лампадное маслице у меня и своих хватит. А ты вот что, друг: с тебя за потраву следует рубль, так ты мне, вместо того, полдесятинки вспаши да сдвои, а уж посею я сам. Так мы с тобой по хорошему и разойдемся.

— Мучитель вы наш, Конон Лукич!

— Ты говоришь „мучитель“, а я говорю: правило такое есть — на чужую собственность не заглядывайся. Я к тебе не хожу, ты ко мне не ходи...

Другое подспорье — это система так называемых **одолжений**.

У мужика к весне и хлеб, и сено подошли, а Конон Лукич всегда готов по-соседски одолжить.

— Одолжили бы, сударь, пудика два мучки до осени,— кланяется мужичок.

— С удовольствием, друг. И процента не возьму: я тебе два пуда и ты мне два пуда — святое дело. Известно, за благодарность ты что-нибудь поработаешь... Что бы, например? Ну, например, хозяйка твоя с сношеньками пол-десятины овса мне сожнет. Ах, хороша у тебя старшая сноха... я-адреная!

— Помилуйте, Конон Лукич! Полдесятины-то овса сжать мало-мальски два с полтиной отдать нужно.

— Это ежели деньгами платить, а мне — за благодарность. Я ведь не неволю: мне и гуляючи отработаете. Наступит время, поспеет овес—бабыньки-то твои и не увидят, как шутя полдесятины сожнут.

За первым мужиком следует другой, за другим—третий и так далее. У всех нужда, и всех Конон Лукич готов наделить. Весной он обеспечивает себе обработку и уборку полей. С наступлением лета он точно так же обеспечивает уборку сенокоса.

Здесь ему приходит на помощь третье отличнейшее подспорье — **пустоша**.

— Берите у меня пустоша... — советует он мужичкам: —я с вас ни денег, ни сена не возьму— на что мне? Вот лужок мой всем миром уберете—я и за то благодарен буду. Вы это тут на гулянках сделаете, а мне—подспорье.

— Все на гулянках, да на гулянках, — и то круглый год гуляем у вас, словно на барщине, — возражают мужички: вы бы лучше, как и другие, Конон Лукич, за деньги, либо исполу...

— Что вы, Христос с вами, — да мне стыдно будет в люди глаза показать, если я с соседями на деньги пойду. Я — вам, вы — мне; вот как по-христиански следует. А как скосите мне лужок, — я вам ведерко поставлю да пирожком обделю — это само собой. Словом сказать, благодаря подспорьям, гуляют у него мужички на работе, а он пропитывается".

Описание, данное Салтыковым-Щедриным, показывает, насколько был прав Ленин, когда он говорил: „Деревня вся целиком, как муха в паутине, в лапах у соседа-помещика, не выходит из кабалы всю жизнь и некуда деться ей от этой кабалы".

При такой крепостнической, кабальной эксплоатации крестьянин все более разорялся и почти никогда не сводил концы с концами. Инвентарь его изнашивался, рабочий скот его слабел от непосильной работы и от недоедания. Сам крестьянин тоже изнашивал свои силы от тяжелой работы и от постоянной нужды. Крестьянское хозяйство оставалось при старых прадедовских способах его ведения.

Но быть может шагало вперед, улучшалось и развивалось помещичье хозяйство? Нет. К капиталистической системе ведения сельского хозяйства переходили очень немногие помещики, главным образом в западных и в южных губерниях. В большинстве коренных губерний России господствовала отработочная система. И она сильнейшим образом задерживала развитие и помещичьего хозяйства. Ведь оно велось по существу так же, как и при крепостном

праве. Машины и искусственное удобрение не закупались, улучшенные семена не приобретались, специалисты-агрономы не нанимались. Обрабатывал землю тот же разоренный крестьянин со своим плохеньким инвентарем. Поэтому урожай в помещичьих имениях, обрабатываемых через отработки, был даже ниже, чем на надельных землях. А ведь на надельных крестьянских землях урожай был очень и очень низкий. Огромной части помещиков мало было горя от такого состояния их хозяйства. Ведь они привыкли жить паразитами. И после 1861 г. помещики на организацию хозяйства сил не тратили, улучшений в хозяйстве не производили, не сеяли, не жали, не трудились, а жили сытно за счет ограбленного ими, разоряемого и угнетаемого отработочного крестьянства. Отработочная система сильнейшим образом задерживала хозяйственное развитие всей России.

3. Развитие капитализма, расслоение и разорение крестьянства

Ленин подчеркивал и другую сторону реформы 1861 г. „19-е февраля 1861 года знаменует собой начало новой буржуазной России, выраставшей из крепостнической эпохи“. Это значит, что реформа все-таки открывала дорогу буржуазному капиталистическому хозяйству. Она открывала дорогу системе вольнонаемного труда. Поэтому, несмотря на все крепостнические остатки, капитализм в России развивался и в промышленности, капитализм пробивался и в сельское хозяйство. Но развитие капитализма и рост производительных сил шли в России очень медленно.

Полукрепостническая Россия сравнительно с капиталистическими странами Европы и Америки была отсталой

страной. В своем экономическом развитии, а также и во всех других отношениях Россия плелась в хвосте других стран. Поэтому царскую Россию били и после 1861 г., как били и раньше во времена крепостничества. Правда, царская Россия захватывала все время громадные чужие земли, но такие, которые „плохо лежали“, народы которых не могли отстоять себя в борьбе с царизмом. Там же, где царизм сталкивался с сильными государствами, его били. „История старой России,— говорит тов. Сталин,— заключалась в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную.“

Ленин, говоря о том, что развитие России после 1861 г. шло в направлении от крепостного хозяйства к вольнонаемному, прибавлял: „Но прогресс этот необыкновенно медленен для современной капиталистической страны. И конец 19 века застает в России самое острое противоречие между потребностями всего общественного развития и крепостничеством, которое в виде помещичьих дворянских латифундий,[1] в виде отработочной системы хозяйства является тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни“. Ленин говорил, что, пока в России господствует „дикий помещик“, ни о каком действительном и широком движении вперед и речи быть не может. Поэтому Ленин уже с первых шагов своей деятельности,

[1] Латифундия — крупное помещичье имение.

40 лет назад выдвинул ту мысль что, первой, ближайшей задачей рабочего класса и крестьянства является конфискация дворянских земель, ликвидация дворянства, как класса, и свержение самодержавия, свержение царя, который сам был первым помещиком, владевшим 7 млн. десятин земли, который все управление государством вел в интересах помещиков, всячески помогая им угнетать крестьян.

Безудержная помещичья эксплоатация разоряла многомиллионные массы крестьянства. В это же время в деревню проникал и капитализм, который с другой стороны так же разорял и угнетал крестьянство. К помещичьему гнету прибавился еще гнет капитала. Власть денег всей своей тяжестью обрушилась на крестьянина.

Деньги крестьянину нужно было добывать и на покупку хлеба, и на покупку хотя бы небольшого количества фабричных товаров, и на уплату огромных податей, и нередко на аренду земли. Власть денег и развитие капитализма содействовали еще большему разорению широких масс крестьянства и вели к его расслоению. Основные массы крестьянства разорялись и нищали, превращались в полупролетариев и пролетариев. Меньшинство крестьянства выделяло кучку немногочисленных, но цепких деревенских капиталистов-кулаков, эксплоатировавших массу разорявшихся крестьян.

Расслоение среди крестьянства наметилось еще до 1861 г. Но тогда оно было еще слабым. После реформы оно шло вперед быстрыми шагами. **В крестьянстве наметились три группы: беднота, среднее крестьянство, кулаки.**

Одним из главных признаков для определения положения крестьянина Ленин считал количество рабочего скота у того или другого крестьянина.

Большая часть крестьянства состояла из разорившегося и разоряющегося крестьянства — это беднота. Беднота — безлошадные и однолошадные крестьяне. Безлошадных дворов в России перед революцией 1905 г. было $3^1/_2$ млн. Безлошадные — это совершенно разорившиеся крестьяне, они почти не вели своего хозяйства, жили главным образом работой по найму. Половина безлошадных крестьян сдавала в аренду даже свои небольшие наделы. Им не под силу было обрабатывать их. Они иногда отдавали свои наделы обществу, миру даже даром, да к тому же нередко сами должны были добывать деньги, чтобы платить подать за надел. Безлошадные сеяли самое большое одну-две десятины и никогда не могли прокормиться своим хлебом. Безлошадные—это почти пролетарии.

Однолошадных крестьянских дворов было тоже $3^1/_2$ млн. Однолошадный крестьянин сеял 3—4 десятины, очень редко 5 десятин. Хозяйство его было в упадке, скот у него был плохой, землю улучшать он не мог. Очень часто однолошадный крестьянин на все свое хозяйство не мог потратить деньгами больше 20 руб. в год. И это — на все хозяйство: и на покупку скота, и на починку сельскохозяйственных орудий, и на пастуха, и на все остальное. А на одни только прямые подати уходило у такого крестьянина 18 руб. в год деньгами. На все остальное — на покупку хлеба, одежды, обуви и т. д. себе и своей семье однолошадный крестьянин мог потратить в год не больше 35—40 руб. Всего на всего такой крестьянин за год мог добыть денег не больше 75 рублей. Жизнь такого крестьянина была сущей каторгой, одной маетой. Понятно поэтому, что

и среди однолошадников многие отдавали свои наделы в аренду, так как им не под силу было обрабатывать их, так как им нужны были деньги и на подати, и на хлеб, и на выплату долгов, и на всякое другое. Но и сдача в аренду своего надела не спасала бедняка. Денег все равно не хватало. И однолошадный крестьянин шел на заработки, шел работать по найму. Он наполовину переставал быть хозяином, он становился полупролетарием.

Сотни тысяч и миллионы крестьян из бедноты шли в разные концы России на всякие работы, чтобы добыть денег на уплату податей и на полуголодное существование своей семьи. Перед революцией 1905 г. ежегодно по всей России (кроме Сибири и Кавказа) выбиралось 8 или 9 млн. паспортов. Это были главным образом разорившиеся и разоряющиеся крестьяне, это была главным образом деревенская беднота.

„Кто работает на постройке железных дорог?—писал Ленин в 1903 г.,—кого грабят подрядчики? кто ходит на рубку и сплав леса? кто служит в батраках? кто занимается поденщиной? кто исполняет черные работы в городах и на пристанях? Это все—деревенская беднота. Это все—безлошадные и однолошадные крестьяне. Это все—деревенские пролетарии и полупролетарии... Это все—отхожие рабочие. Это—крестьяне только по названию, а на самом деле наймиты, рабочие“.

Средним крестьянином считался такой, который находился посередине между кулаком и бедняком. Средний крестьянин имел обычно пару рабочего скота. Он старался засеять столько, чтобы прокормить своим хлебом себя и свою семью. Но средний крестьянин тоже сплошь да рядом имел недостаточный земельный надел. Ему приходилось обращаться к соседнему помещику за наймом

земли, приходилось итти на отработки или платить за арендуемый участок высокую плату. В удачный год середняк в своем хозяйстве кое-как сводил концы с концами. Но очень часто ему это не удавалось. Один-два неурожайных года, падеж коровы или лошади, болезнь его самого или трудоспособного члена семьи, какая-нибудь неудача — градобитие, пожар, и хозяйство середняка расшатывалось. Его постоянно подстерегала нужда.

Середняк тоже платил большие подати. Середняк тоже обращался к рынку, покупал фабричные товары, покупал кое-что для хозяйства. Власть денег давила и на него. Сбережений у него не было. А деньги всегда бывали нужны до зарезу. Середняк залезал в кабальные долги. Он обращался к соседнему помещику и нередко еще зимой за взятые в долг хлеб или деньги договаривался с ним о летних отработках. И очень часто он так и не вылезал из помещичьей паутины. Середняк обращался и к кулаку, получал у него ссуду на ростовщических, кабальных условиях. И из кулацкой паутины ему также трудно было потом освободиться. Поэтому многие средние крестьяне не могли обходиться без того, чтобы не итти в наймы, чтобы не итти на заработки. Середняки тянулись к тому, чтобы быть крепкими и зажиточными хозяевами, но это удавалось очень и очень немногим. Значительная, большая часть их разорялась и переходила в ряды бедноты.

Отсюда становится понятным, что с течением времени число середняков уменьшалось, а количество бедняков увеличивалось. Чем больше развивался в России капитализм, чем больше он проникал в деревню, чем сильнее становилась власть денег, тем больше середняков разорялось, тем больше середняк „вымывался". Так власть капитала вела к разорению и к расслоению крестьянства.

Ленин говорил, что в России происходило „раскрестьянивание“ крестьянства. Происходило „коренное разрушение старого патриархального крестьянства и создание новых типов сельского населения... Эти типы — сельская буржуазия и сельский пролетариат“.

Мы видели, как разорившаяся масса крестьян оказывалась на самом деле в положении пролетариев и полупролетариев и без найма жить не могла. Это один тип сельского населения. Середняк представлял собою неустойчивую фигуру и легко попадал в ряды бедноты. Другой же тип сельского населения — это богатый крестьянин, это сельский буржуа, это — кулак.

4. Кулак-мироед

Кулачество начало образовываться еще до 1861 г. После реформы, в связи с усилением власти денег, с проникновением капитализма в деревню, с расслоением крестьянства, кулачество усиливалось и укреплялось. Ленин на целом ряде примеров, взятых из жизни разных губерний, показал, что к концу XIX века было много таких крестьян, которые совсем не сеяли ничего, не засевали даже своего надела. А рядом были крестьяне, которые засеивали 50 и больше десятин земли. Было много крестьян вовсе безлошадных. А рядом были крестьяне, имевшие 20 и более голов рабочего скота. Было много крестьян, весь годовой доход которых равнялся 118 руб. А рядом были крестьяне с доходом в 1766 руб. Было много крестьян, вынужденных итти в наймы. А рядом были крестьяне, нанимавшие годовых и сроковых рабочих. Вот эти-то крестьяне, имевшие и большие размеры посевов, и большое количество скота, и большие доходы, и наемных батраков, составляли собой бо-

гатую верхушку крестьянства, сельскую буржуазию, кулачество.

Усиление кулачества видно из того, что уже к концу XIX века полтора миллиона кулацких и купеческих дворов владели 90 млн. десятин земли, то-есть имели столько же земли, сколько примерно 10—12 млн. бедняцких и середняцких дворов вместе. Кулачество покупало и захватывало землю самыми различными способами.

Дворяне, привыкшие жить расточительно и не умевшие быстро приспосабливаться к капиталистическим отношениям, не умевшие вести сложное капиталистическое хозяйство с его машинами, фермами, рабочими, продавали часть своих земель, чтобы добыть деньги. Покупали эти земли кулаки и купцы. За 30 лет после реформы кулаки купили у дворян земли на 300 млн. руб. Эти земли кулаки приобретали в свою полную частную собственность. Но они не только покупали землю в собственность, „на вечно". Они покупали землю и „на года", то-есть арендовывали землю у помещиков. При этом арендовывали землю за деньги. И, конечно, аренда обходилась им во много раз дешевле, чем бедняку и середняку. Это была уже не продовольственная, не голодная аренда, как у основных масс крестьянства, которые за отработки или за деньги арендовывали землю, чтобы не умереть с голода. Да к тому же сплошь и рядом арендная плата поглощала у трудящегося крестьянина почти весь его доход с арендованной земли, и он оставался не при чем, продолжая попрежнему голодать. Кулацкая аренда была предпринимательской арендой. Кулак арендовывал землю для того, чтобы поставить на ней хорошее хозяйство, принанять батраков и добыть больше хлеба на продажу. Кулаки выбрасывали на рынок большое количество зерна, муки, льна, свеклы, скота, мяса, масла, молока.

Кулак крепко держался и за надельную землю. При этом, пользуясь своей властью и влиянием над миром, то-есть над крестьянским обществом, он захватывал лучшие надельные земли и получал их в бо̀льшем количестве, чем остальные крестьяне. Кулак прибирал к рукам на кабальных условиях и надельные земли тех разорившихся крестьян, которые сами не могли засеять свои наделы.

Сила кулачества, выраставшая за счет разорения большей части крестьянства, была и в том, что кулаки имели в своих хозяйствах много живого и мертвого инвентаря. Всего лошадей в крестьянских хозяйствах числилось 15 млн. голов. Из них кулакам принадлежало $7^1/_2$ млн. лошадей. Иначе говоря, кулаки захватили в свои руки половину всего количества крестьянских лошадей. Кулаки имели столько же лошадей, сколько все остальное крестьянство, вместе взятое, сколько имели примерно 10—12 млн. бедняцких и середняцких дворов.

Кулаки приобретали сельскохозяйственные орудия и машины. Земства устраивали склады сельскохозяйственных орудий и машин якобы для помощи всему крестьянству. Но ясно, что покупать эти орудия и машины могли не разоряющиеся крестьяне, а богатые крестьяне, кулаки. Кулаки имели плуги, жнейки, молотилки, маслобойки, круподерки и т. д. Понятное дело, что использовать все это кулаки могли, только широко применяя наемную рабочую силу.

Кулаки держали большое количество батраков. В общем к концу XIX века кулачество имело в своем распоряжении один миллион батраков. Кроме того, кулаки в рабочее время нанимали большое количество поденных рабочих. В батраки и поденщики вынуждены были итти те крестьяне, которые все больше и больше разорялись. Разо-

рялись и от нажима полукрепостника-помещика и от нажима того же кулака. Разорялись и от силы крепостнических остатков и от силы денег, от власти капитала. „Кулаки богатели потому, что разорялась и нищала масса крестьянства“ (Ленин).

Кулаки богатели и копили деньги и у себя дома в кубышках, и в кредитных товариществах, и в сберегательных кассах, и в банках. Копя деньги, они не оставляли их долго лежать под спудом и пускали в ход и на расширение своего хозяйства и на „одолжения“, то-есть на ростовщическую, кабальную эксплоатацию своих же односельчан.

Кулаки богатели на ростовщичестве, на кабальной эксплоатации, на грабеже широких масс бедняцко-середняцкого крестьянства.

Нередко, например, бывало так, что помещики сами не хотели „возиться“ со сдачей земли сотням крестьян по две, три десятины каждому. Кулак тут как тут. Кулак арендовывал несколько сот десятин земли по 5—6 руб. за десятину, а затем сдавал крестьянам ту же землю по 20—25 руб. за десятину.

Пользуясь безвыходным положением разоренного крестьянина, кулак давал ему куль зерна и за это брал у крестьянина в аренду его надел, который тот не мог обработать за неимением скота и семян. Кулак ссужал в голодное время года разоряющегося крестьянина хлебом и за это требовал, чтобы крестьянин отрабатывал ему долг на его кулацкой земле в самое горячее время сельскохозяйственных работ. Кулак ссужал деньгами разоряющегося крестьянина во время сбора податей и за это требовал с него отработки, или же требовал возврата деньгами с лихими процентами, а если в срок долг не уплачивался, то он отбирал у крестьянина последнюю корову или лошадь.

Кулак заводил в селе лавочку, втридорога продавал товар крестьянам, вынуждал крестьян покупать именно у него. И приходилось подчиняться, так как большинство крестьян было у него в долгу, как в шелку. Кулак отпускал из своей лавки в кредит, но при этом драл с крестьян три шкуры. И этому приходилось подчиняться, так как очень многие крестьяне большую часть года сидели без гроша. Кулак был в тесной дружбе со всяким начальством. С кулаком водили дружбу и становой пристав, и судья, и податной инспектор, и исправник, и земский начальник, и поп. Самый явный грабеж кулака, самое открытое его ростовщичество, разорение им сотен крестьян сходили ему с рук. Кулак был истинным „мироедом", как прозвали его крестьяне.

До революции художники работали главным образом на помещиков, банкиров, фабрикантов и купцов. Но и тогда уже были отдельные художники, которые сочувствовали крестьянам и рисовали картины, показывавшие тяжелую жизнь крестьянства и его угнетенное положение. Вот одна картина. Кулак-мироед у себя в богатой избе пьет чай с чиновником и старшиной. Бедняк, которого кулак опутал со всех сторон, как паутиной, просит у него отсрочить уплату долга. Жена бедняка валяется в ногах у мироеда, просит пожалеть и пощадить разоряющуюся семью. Но кулак неумолим и беспощаден. Он сидит, уверенный в силе своей мошны, он знает, что за ним все начальство: и волостной старшина, и земский начальник, и судья. Вот другая картина. Кулак на суде взыскивает долг с бедняка. Картина ясно показывает, что кулак, судья и писарь составляют одну кампанию, что бедняк на суде одинок и беззащитен, что его дело заранее проиграно. Вот, наконец, кулаки на миру, на сельском сходе. Большая часть деревни

разорена и опутана кулацкими сетями. Кучка кулаков держит в руках разоряющуюся крестьянскую массу, держит в руках весь сход. Недаром Ленин еще 40 лет назад говорил, что кулак „господин современной деревни“.

5. Сила денег и гнет капитала

Власть денег давала возможность беспредельной эксплоатации крестьянства не только кулаку. Развитие капитализма в России приводило также и к тому, что крестьяне эксплоатировались купцом, обиравшим их высокими ценами на товары. Эксплоатировались они и фабрикантом, продававшим втридорога промышленные товары и низко оплачивавшим труд рабочих из тех крестьян, которые поступали работать на фабрику или на завод.

В царской России крепка и очень крепка была сила помещика, сила полукрепостника, давившая и разорявшая крестьянина. Но, вместе с тем все сильнее и сильнее становилась и власть денег, власть капитала, власть кулака, ростовщика, купца, фабриканта, заводчика, банкира. И эта сила, с другой стороны, все сильнее давила на крестьянина и разоряла его. Крестьянство в России страдало от двойного гнета: от гнета полукрепостника-помещика и от гнета капитала.

Об этой силе капитала Ленин говорил следующим образом:

„Деньги везде стали главной силой. На деньги выменивается все и всякие продукты человеческого труда. На деньги можно даже купить человека, то-есть заставить человека неимущего работать на того, у кого есть деньги.

Прежде главной силой была земля,—*так было при крепостном праве*; у кого была земля, у того была и сила, и власть. *А теперь главной силой стали деньги, капитал.* На деньги можно купить сколько угодно земли. Без денег не много сделаешь и с землей: не на что будет купить плуга или других орудий, купить скота, одежды и всяких других городских товаров, не говоря об уплате податей. Из-за денег чуть не все помещики позакладывали свои имения в банке. Чтобы достать денег, правительство делает займы у богатых людей и у банкиров во всем свете и платит процентов по этим займам сотни миллионов рублей в год. Из-за денег все ведут теперь свирепую войну друг против друга. Каждый старается дешевле купить, дороже продать, каждый старается обогнать другого, продать как можно больше товара, сбить цену, скрыть от другого выгодное место сбыта, или выгодную поставку. Маленьким людям, мелкому ремесленнику и мелкому крестьянину, тяжелее всех достается в этой общей свалке из-за денег: они всегда остаются позади богатого купца или богатого крестьянина. У них никогда нет никакого запаса, они живут со дня на день, им приходится при каждом затруднении, при каждом несчастном случае закладывать последние пожитки или продавать за бесценок рабочий скот. Попав раз в лапы какого-нибудь кулака или ростовщика, они уже редко-редко в силах выбиться из пут, а большей частью разоряются в конец. Каждый год десятки и сотни мелких крестьян и ремесленников запирают свои хаты, отдают надел обществу задаром и становятся наемными рабочими, батраками, чернорабочими, пролетариями. А богатые люди все более и более наживаются в этой борьбе из-за денег. Богатые люди собирают деньги в банки миллионами и сотнями мил-

лионов рублей и наживаются не только на свои деньги, но и на чужие, которые вкладываются в банк".

Яркую картину того, какую силу представлял капитал в руках одного человека, дал в свое время писатель Глеб Успенский в своем сочинении „Книжка чеков".[1]

„Иван Кузьмич Мясников, купец и фабрикант, покончив дела, за которыми нарочно приезжал в губернский город, возвратился в грязноватый нумер грязноватой гостиницы, приказал запрягать лошадей и стал собираться в дорогу.

— Что ж, Иван Кузьмич, мало погостили у нас? — помогая уложить весьма небольшое количество вещей отъезжавшего, говорил трактирный слуга. — Право, совсем и не погуляли в городе-то...

— Нагуляюсь потом. — Слава богу, хоть отделался!

— Все ли благополучно покончили?

— Все!.. хорошо!.. На-ко вот, погляди эту штучку.

Мясников вынул из-под жилета и подал коридорному какую-то маленькую книжку, которую тот с недоумением взял в руки и долго с тем же недоумением смотрел на нее.

— Это что же будет? — спросил наконец коридорный.

— А это, друг любезный, — с довольным и веселым лицом проговорил Мясников, — эта штучка стоит пятнадцать тысяч рубликов. Вот что это такое!

— Этакая муха?! Пятнадцать тысяч?...

— Да-а, муха, пятнадцать тысяч... Как ты думаешь, что?

— Да тут все бумага... все одно, как книжка... Тут денег-то нет нисколько...

---

[1] Книжка чеков, или чековая книжка, выдавалась банками лицам, вносившим деньги на хранение в банк. По квитанциям этой книжки можно было всегда получить деньги из банка и самому владельцу книжки и тем, с кем он вел коммерческие дела и которым он давал чековые квитанции (чеки) на ту или другую сумму.

— То-то вот и хорошо!... Поди-ко, узнай, что это — деньги!... Чистая бумага, а пятнадцать тысяч в ней весу! Называется — чек...

При этом слове лакей повернул перед собой книжку, поглядел на нее с другого бока и уставил ничего не понимающие глаза на купца.

— Это видишь, что... Сейчас ты отодрал лоскут и получай деньги!...

Коридорный вздохнул и в каком-то раздумьи произнес:

— Да-да... Мала-мала штучка, а какую прорву денег впитала!

Это выражение очень понравилось хозяину книжки.

— Питательная книжка, точно! Именно, что впитала!

— Пятнадцать тысяч! — продолжал коридорный: — ведь это в старые годы деревня, да сколько душ крестьян, да лесу... И этакая-то муха слопала!"

Эти 15 тысяч рублей вместе с другими сотнями тысяч и миллионами рублей были нажиты ценою разорения и обнищания сотен и тысяч деревень, разорения и эксплоатации сотен тысяч и миллионов крестьян, угнетения и эксплоатации сотен тысяч и миллионов рабочих.

У нашего великого писателя Алексея Максимовича Горького есть замечательная книга „Мать". В этой книге изображается борьба рабочего класса с самодержавием и буржуазией. В ней же изображается, как русский крестьянин пробуждался к борьбе, начинал сознавать, где его друг и где его враг. В этой книге Горький выводит молодого рабочего Савелия, вышедшего из крестьянства, проработавшего на фабрике ряд лет, жестоко эксплоатировавшегося капиталистом.

Савелию, разбитому, больному, умирающему, отдавшему всю свою могучую силу, всю свою кровь капиталисту, пришлось оставить работу.

В беседе со своими друзьями, полукрестьянами-полурабочими, среди которых своей ненавистью к угнетателям особенно выделялся один из них — Рыбин, Савелий восклицает:

„— Но для народа я еще могу принести пользу, как свидетель преступления... Вот поглядите на меня... мне двадцать восемь лет, но — помираю. А десять лет назад я без натуги поднимал на плечи по двенадцати пудов... ничего! С таким здоровьем, думал я, лет семьдесят пройду до кладбища, не споткнусь... А прожил десять — и больше не могу. Обокрали меня хозяева, сорок лет жизни вырвали, ограбили... сорок лет...

— Вот она его песня! — глухо сказал Рыбин.

— Это не моя песня... ее тысячи людей поют про себя... поют, не понимая целебного урока для народа в своей несчастной жизни... Сколько замученных работой, калек, молча помирают с голоду... Надо кричать, братья, надо кричать! — Он закашлялся, сгибаясь и весь вздрагивая.

— Истребляют людей работой... зачем? Жизнь у человека воруют — зачем, говорю? Наш хозяин, я на фабрике Нефедова жизнь потерял, наш хозяин одной певице золотую посуду подарил для умывания... и даже ночной горшок золотой был... В этом горшке моя сила, моя жизнь... Вот для чего она пошла... Человек убил меня работой, чтобы любовницу свою утешить кровью моей... ночной горшок золотой купил на кровь мою...

— И казни ему не было никакой... — глухо сказал Рыбин. — А надо бы его казнить... Вывести на народ

и разрубить на куски и мясо его поганое бросить собакам... Великие казни будут народом сделаны, когда встанет он. Много крови прольет он, чтобы смыть обиды свои... Эта кровь — его кровь, из его жил она выпита, он ей хозяин“.

С редкой художественной правдой Горький сумел на одной странице, на одном человеке наглядно и жутко показать, что именно делал капитал с крестьянами и рабочими нашей великой страны, которую топтали, давили и душили капиталисты и помещики, цари и чиновники.

6. Царские подати и разорение крестьянства

Царь вместе с чиновниками стоял во главе всего этого „дела“ и всячески поддерживал помещиков и капиталистов в грабеже и угнетении народа. Царь и чиновники сами всеми мерами теснили, угнетали, эксплоатировали и грабили народ. Царское правительство тратило громадные средства на двор царя, на армию, флот, полицию, суды и чиновничество. Все это нужно было самодержавию, чтобы крепко держать в повиновении крестьян и рабочих. Все это нужно было для того, чтобы царь, помещик, банкир, заводчик, фабрикант, купец, ростовщик, кулак могли беспрепятственно эксплоатировать и угнетать миллионные массы крестьян и рабочих. Все это нужно было для того, чтобы завоевывать новые земли и новые народы. Чтобы дворяне могли получить новые сотни тысяч десятин земли, чтобы фабриканты могли получить новые рынки для продажи своих товаров, чтобы царь мог заполучить новые миллионы трудящихся для выколачивания из них податей.

С каждым годом бюджет государства, то-есть расходы и доходы казны, все росли и росли. Доходы казны пополнялись главным образом за счет увеличения податей.

Помещики, фабриканты, купцы, кулаки при своих громадных доходах платили в казну очень и очень мало. Подати всей своей тяжестью ложились на трудящихся города и деревни, на рабочих и крестьян. Правительство содержало целую армию податных чиновников для выколачивания налогов с народа — податных инспекторов, акцизных и т. д. Чиновникам, собиравшим подати, полную поддержку оказывали все власти, и исправник, и становой, и земский начальник, и волостной старшина, который обычно выбирался из кулаков и вместе со всяким начальством угнетал трудящихся крестьян. Крестьяне платили государственные подати, выкупные платежи, земские сборы, волостные и мирские сборы и бесчисленное множество других налогов.

Сбор податей производился самым беспощадным образом. Если подать во-время не уплачивалась, если накапливалась недоимка, то к крестьянину являлись власти и на глазах всей деревни уводили последнюю корову. Корова продавалась и деньги вносились в царскую казну. Часто у недоимочного крестьянина не оказывалось и этой последней коровы. Тогда власти являлись в избу крестьянина, в которой почти ничего не было, и начинали разглядывать, что еще можно отобрать у разоренного крестьянина, чтобы продажей последней домашней утвари взять недоимки у крестьянина.

7. Обнищание, голодовки и вымирание крестьянства

Гнет царя, помещиков, капиталистов, кулаков, попов, чиновников довел крестьянство до полного разорения и обнищания. Даже буржуазные писатели не могли скрыть ужасающего положения крестьянства. Один из них Шингарев написал книгу, которая прямо так и называлась:

„Вымирающая деревня“. Шингарев рассказал, как жили крестьяне двух селений Воронежского уезда Центральной Черноземной области — Ново-Животинного и Моховатки накануне революции 1905 г.

В Ново-Животинном было 90 дворов, в Моховатке — 70 дворов. Надельной земли у громадного большинства этих дворов было совершенно недостаточно. В Ново-Животинном из 90 дворов 33 двора совершенно не имели скота и инвентаря. В обоих селениях „ржи родится на надельной земле на 3—4 души — 5—15 пудов, проса 3—10 пудов, овса не сеют никогда... Понятно, что прокормиться на полученные продукты с своего надела, даже в средний урожайный год, крестьяне не могут. Нельзя же в самом деле прокормить в год трех едоков каким-то до смешного малым урожаем в 5 пудов ржи, нельзя прокормить ни корону, ни лошадь или несколько овец 10—20 пудами сена в год, нельзя, наконец, протопиться зиму, получая полвоза хвороста через два года“. А царское правительство ухитрялось с этих нищих крестьян ежегодно собирать податей в самых разнообразных формах на сумму примерно до 1500 руб. Неудивительно, что болезни и смерть были постоянными гостями в этих селениях. В Ново-Животинном смертность доходила до 5.07%, в Моховатке до 4.74%. Это значит, что на каждые 100 человек умирало в среднем 5. Между тем в Германии и Франции в те же годы на 100 человек умирало не больше чем 2 или 3 человека, а в Англии — не больше 2 человек.

Замечательно то, что Шингарев увидел, что лучше всего можно показать жизнь крестьян этих селений, наблюдая количество насекомых в избах крестьян. Шингарев писал: „Как это ни странно на первый взгляд, но присутствие тех или иных насекомых в избе является до известной степени

показателем (хотя грубым, конечно) экономического благосостояния ее обывателей. Так, если взять те семьи, где есть клопы, то оказывается, что это большею частью зажиточные хозяева". У безнадельных в избах совсем не было клопов. У малонадельных из каждых 10 изб только в одной можно было найти клопов. А в избах крестьян с большими наделами клопы встречались гораздо чаще. „Таким образом, — говорил Шингарев, — клоп до известной степени — аристократ и требует для себя больше комфорта,[1] чем это могут дать ему деревенские бедняки, и присутствие его отчасти указывает уже на некоторую зажиточность... Не менее любопытно и распределение тараканов. Они встречаются в 90.7% всех изб и пользуются, таким образом, огромным распространением, требуя для себя, повидимому, значительно меньше удобств, чем клопы, и довольствуясь более скромными условиями, но в 9.3% всех помещений нет все-таки тараканов". Эти 9.3% изб, где нет тараканов, — избы бедняков. Даже неприхотливому таракану нечем поживиться у бедняка. „Очевидно, и таракан не со всякими условиями может мириться и с трудом уживается с крайней бедностью. Любопытно, что местная народная наблюдательность отметила это явление: нередко можно услыхать из уст крестьян характеристику бедного житья семьи какого-либо их односельчанина: «уж так то бедно они живут, что и тараканов нет, кормить нечем», — говорят в этих случаях".

Так жилось крестьянам не только Ново-Животинного и Моховатки. Так жилось крестьянам во всей необъятной царской России. Так жилось крестьянам в сотнях и тысячах сел и деревень, в сотнях и тысячах Нееловых, Горело-

[1] Комфорт — удобство, хорошие условия жизни.

вых, Неурожаек, Голодовок, самые названия которых говорили о бедственном положении крестьянства.

Крестьянину, находившемуся в таком положении, необходимо было еще постоянно думать о том, чтобы во что бы то ни стало заплатить подати. Платить их нужно было деньгами. Денег же у трудового крестьянина, у середняка, а тем более у бедняка было очень и очень мало. А деньги нужны были на то, чтобы купить хлеба и продержаться до нового урожая, не дать семье умереть с голоду, купить только самое необходимое для хозяйства, купить самую дешевую материю, чтобы не ходить голым. Но самое главное — деньги были нужны, чтобы заплатить подати.

Один рассказ Глеба Успенского из деревенской жизни называется: „Денег-денег!“. В рассказе описывается жизнь крестьян села Слепой-Литвин, рассказывается о крестьянине этого села Иване Афанасьеве. „Положение крестьянина, — говорит Успенский — и направление его мысли в общих чертах определяется стремлением «добыть денег», только добыть денег, больше ничего... В самом деле, никогда крестьянину не приходилось так много платить наличными деньгами, как теперь. Ни кур, ни холста, ни муку не возьмет ни одно волостное правление; нужны чистые деньги, кредитные билеты, и вот этих-то чистых денег и неоткуда взять крестьянину, настоящему деревенскому мужику. Он чувствует, что платить ему «надо»... но платить нечем... «Денег»! «Денег»! — вопиет новейшее время, и неумеющий их доставать Иван Афанасьев вновь ловится на каком-нибудь денежном плане. Сманивают его на землекопную работу, рыть канал близ Ладожского озера, дают десять рублей вперед, обещают платить, кормить. Нечего делать, идет Иван Афанасьев, и — глядишь — через полгода плетется домой без копейки, и без здоровья, и без одежи...“

Крестьяне в поисках выхода из мучительных условий жизни нередко думали найти спасение в переселении в Сибирь, в Среднюю Азию, на Кавказ. Десятки тысяч людей бросали насиженные места и уходили далеко в неведомые края в надежде на лучшую жизнь. Но этой лучшей жизни они не находили нигде. Нередко переселенец, не имея ничего, кроме мешка с последним хламом, сидел неделями на железнодорожной станции, ожидая „чугунку", чтобы поехать куда глаза глядят. Нередко многие умирали по дороге от голода и болезней. Те же, которые попадали на новые места, оказывались не в лучшем положении.

Устроить хозяйство на новом месте не так просто. Нужен скот, инвентарь, деньги. Всего этого у переселяющихся не было. А правительство не оказывало переселяющейся крестьянской бедноте никакой помощи. Мало того, правительство всячески препятствовало переселениям крестьян, так как это вело к уменьшению рабочих рук для помещиков. Только в те годы, когда ширилось крестьянское движение, правительство начинало даже поощрять переселение на окраины, чтобы разрядить революционное движение в центре государства. Оно тогда оказывало даже „помощь" переселенцам. А „помощь" эта зачастую выражалась в том, что власти сажали на баржу втрое больше людей, чем на ней могло поместиться, и отправляли их вдаль. От тесноты, голода, болезней многие не доезжали до намеченного пункта и погибали в дороге. А тех, которые доезжали, высаживали с баржи: живи, как хочешь.

Немудрено, что при этих условиях многие из переселенцев потом возвращались обратно, возвращались совершенно разоренные, не имея ничего, не зная что делать и как быть.

Правительство оказывало помощь только более или менее „крепким“ крестьянам, когда те соглашались переселиться на окраины, где угнетаемые царизмом народы подымались против правительства. Тогда правительство само организовывало переселение и давало переселенцам на новых местах лучшие земли, отнимая их у коренного населения. Оно устраивало русских „крепких мужичков“ среди туркмен, узбеков, казаков, армян, тюрок, чтобы с помощью переселенцев-русских крепче держать в руках покоренные народности.

Искали крестьяне спасения и в отхожих промыслах. Целыми толпами они шли в города и в фабричные районы, рассчитывая найти там работу. „Помните формулу, — говорил тов. Сталин: „Бегство мужика из деревни в город“? Что заставляло крестьянина бегать из деревни в город? Страх голода, безработица, то обстоятельство, что деревня была для него мачехой, и он готов был бежать из нее хоть к чорту на рога, лишь бы получить какую-либо работу“. Пришедшие в город соглашались на всякие условия, готовы были работать буквально за гроши. Заводчики, фабриканты и подрядчики пользовались этим и брали отходников-крестьян почти как даровую рабочую силу. Но крестьяне, пришедшие в города на отхожие промыслы, не всегда находили себе работу. На площадях и базарах больших и малых городов, в больших промышленных селах и около заводских районов нередко можно было наблюдать десятки и сотни полуголодных крестьян, ожидавших найма на какую бы то ни было работу.

В царской России трудящийся крестьянин почти никогда не сводил концы с концами. Целые миллионы разоряющихся крестьян вели полуголодное существование. Часто бывали годы, когда почти все крестьянство целых

краев и областей голодало самым настоящим образом. Крестьяне поедали последнее. Поедали семена на будущий год. Скармливали скоту солому с крыши. Продавали самое последнее, что у них еще оставалось. Но и это не спасало. Бывали годы, когда сотни тысяч умирали с голоду, как, например, в голодный 1891-й год.

Под двойным гнетом, гнетом крепостнических остатков и развивающегося капитализма, под объединенным нажимом старых полукрепостников и усиливавшихся капиталистов и кулаков „крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю“ (Ленин).

Тяжелой жизни крестьянства посвятил много строк один из старых русских поэтов — Некрасов. И он был совершенно прав, когда писал:

... „Родная земля!“

„Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной

Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля."

8. Попы — помощники царя, помещиков и капиталистов

Верным помощником царя, помещиков и капиталистов в угнетении крестьянства являлось духовенство, тесно связанное с царской властью.

Монастыри и церкви сами были крупными землевладельцами. В их руках было сосредоточено около шести миллионов десятин земли. Попы проповедывали крестьянам воздержание и нестяжание, а сами захватили себе громадное количество земель. Помимо земель, духовенство скопило в церквах и монастырях несметное количество золота, серебра, драгоценных камней и денег. Чековые книжки были известны архиереям и игуменам не меньше, чем купцам и фабрикантам.

Связанное тесно с царской властью и будучи орудием этой власти, духовенство проповедывало в церквах о божественном происхождении царской власти, о том, что власть царю дана от бога, что царь — наместник божий на земле. Оно проповедывало о необходимости подчиняться царю и всем властям, поставленным царем. Духовенство учило: „кесарево — кесарю, божие — богу". И на этом основании оно учило повиноваться царским полицейским и чиновникам, платить аккуратно подати царю и одновременно содержать духовенство, платить попам и „жертвовать" в церкви и монастыри. Духовенство обирало крестьян не хуже, чем царь, помещики и капиталисты. Только часто оно это делало под другим флагом, под флагом церковных треб, без исполнения которых душа крестьянина по учению попов не может спастись.

Поучая о „спасении души“, духовенство давило и терзало и душу и тело крестьянина. Тысячами нитей связанное с помещиками и капиталистами, духовенство помогало им эксплоатировать и угнетать крестьян и рабочих. Попы, называвшие себя „просветителями народа“, всю свою энергию направляли на затемнение народного сознания. Крестьянство страдало от невежества и темноты. А духовенство через свои проповеди с церковного амвона и через свое господствующее положение в сельских школах углубляло народную темноту. Царь, помещики, капиталисты и попы сознательно держали народ в темноте, боялись распространения в деревне грамотности, знания, просвещения и образования. Они знали, что грамота поможет народу скорей понять причины его тяжелого положения. В селах и деревнях школ было очень мало. А те, которые были, находились в руках архиереев и попов, царских чиновников и дворян, командовавших в земствах.

Грамотных среди крестьян было ничтожное количество. Очень немногим из крестьян удавалось учиться в сельской школе и закончить ее. А в средние и высшие школы крестьянам мудрено было попасть. Правительство всячески затрудняло доступ в средние и высшие школы детям крестьян и рабочих. Обучение в этих школах стоило больших денег, а денег у крестьянина бедняка и середняка не было.

9. Крестьянство в крепостной зависимости у царских чиновников

Крестьянину, угнетаемому и эксплоатируемому царем, помещиками, капиталистами, кулаками, попами и чиновниками, не у кого было искать управы и защиты. По закону

1861 г. крестьянин вышел из крепостной неволи урезанным во всех своих правах.

Помещики не подвергались телесным наказаниям ни до 1861 г., ни после 1861 г.

Александр II пошел навстречу требованию буржуазии и отменил телесные наказания для других сословий. Но для крестьян телесное наказание было сохранено. До „освобождения“ крестьян пороли по приказанию помещика-крепостника. Теперь их пороли по постановлению волостного суда. Только в этом и была „разница“. В каждой волости был волостной суд, состоявший большей частью из богатых крестьян, из кулаков, — суд, целиком находившийся в руках царских властей и местных помещиков. По постановлению этих судов в волостных правлениях пороли розгами и молодых крестьян, и пожилых и старых. Пороли и при Александре II, и при Александре III и при Николае II.

В 1904 г. под влиянием подъема революционного движения порка по суду была отменена. Но крестьян и без суда продолжали пороть до самого 1917 г.

Ленин через 40 лет после реформы писал: „Не позор ли это, что 40 с лишним лет спустя после отмены крепостного права, все еще держится розга, все еще есть податное сословие?“

Все царствование Александра II было продолжением прежнего гнета над крестьянством, но только в несколько иной форме. Гнет самодержавия и помещиков вызывал со стороны крестьянства резкое недовольство и стремление добиться настоящей свободы. Выразителями стремлений крестьян явились революционеры 70-х годов, вступившие в борьбу с Александром II и помещиками. Эти революционеры были разночинцами, то-есть выходцами из крестьян-

ства, мещанства и мелкого чиновничества. Революционеры 70-х годов называли себя революционерами-народниками. Они стремились к тому, чтобы свергнуть самодержавие и передать всю землю крестьянству. Они так же, как Чернышевский и Герцен, были уверены, что если смести царя и дворян и передать землю крестьянам, то в России через крестьянскую общину можно будет притти к социализму. В этом они, конечно, были неправы. Но они героически и самоотверженно боролись с самодержавием. И в этом их величайшая заслуга.

Народники-революционеры образовали сначала партию „Земли и Воли“, а затем партию „Народной Воли“. Во главе народовольцев стоял сын бывшего крепостного крестьянина Андрей Иванович Желябов, человек замечательный как силой своего ума и воли, так и своей преданностью интересам крестьянства и делу революции. Народовольцы организовали ряд покушений на царя и высших чиновников и хотели путем террора ослабить и свалить самодержавие. Несколько лет народовольцы держали в страхе царя и его правительство. Наконец, 1 марта 1881 г. Александр II был убит. Но при этом большинство видных народовольцев было арестовано. Часть из них, в том числе и Желябов, были казнены. Остальные были заперты в крепость. Партия „Народной Воли“ была разгромлена, силы ее были совершенно истощены. К тому же, и это самое главное, народовольцы были слабо связаны с крестьянами, хотя героически и в высшей степени самоотверженно отстаивали интересы крестьянства. Разгром революционного народничества укрепил самодержавие и был одной из причин дальнейшего усиления гнета самодержавия в царствование сына казненного Александра II — Александра III (1881—1894 гг.).

Царизм в 80-х годах мог усиливать свой гнет еще и потому, что рабочее движение этого времени, хотя и сделало значительные успехи, но не было еще таким могучим, чтобы держать в трепете самодержавие.

Громадное значение в деле усиления гнета царизма имел сельскохозяйственный кризис, наступивший в России с начала 80-х годов. В эти годы весь мир был охвачен сельскохозяйственным кризисом. Он был вызван перепроизводством хлеба. Кроме России, Германии и других стран, которые и раньше продавали много хлеба, на международный хлебный рынок выступили Соединенные Штаты Америки и Канада. Цена на хлеб пала. Кризис больно ударил по сельскому хозяйству России и по интересам русских помещиков. Огромные остатки крепостничества, отработочная система, бедственное положение крестьянства, отсталость всего сельского хозяйства привели к тому, что сельскохозяйственный кризис в России оказался чрезвычайно глубоким и затяжным. Помещики стали стремиться к тому, чтобы отыграться на усилении нажима на крестьянство и на укреплении отработочной системы хозяйства. А для этого помещики стали добиваться того, чтобы еще крепче зажать в тиски крестьянина, еще больше подчинить его помещикам и чиновникам.

Александр III полностью поддержал помещиков в их стремлениях. Правительство помещиков и Александра III издало целый рад законов, направленных против крестьянства и усиливших власть помещиков и чиновников над крестьянами.

Из этих законов на первое место следует поставить закон о земских начальниках. Каждый уезд делился на участки. В каждый участок правительство назначало земского начальника из потомственных дворян.

Земский начальник получал огромные права. Он следил за деятельностью сельских и волостных сходов. Он утверждал все постановления крестьянских сходов. Он утверждал в должности волостного старшину, сельского старосту и волостных судей. Он следил за деятельностью волостного суда. Он сам был главным судьей в своем участке. Он мог даже без суда арестовать и оштрафовать любого крестьянина своего участка. Он следил за раскладкой и сбором налогов с крестьянских земель. Он наблюдал за сбором призываемых в армию. Он заведывал продовольственным делом. Одним словом, вся жизнь крестьянина, каждый шаг его были подчинены земскому начальнику. Это было по сути дела возвращение к крепостному праву, но только в другой форме. Крестьянин терял даже ту куцую „свободу", которую он получил по закону 1861 г. Земские начальники властвовали над крестьянством до самого 1917 г.

В царствование того же Александра III крестьяне потеряли и те небольшие права, которые они имели в земских учреждениях по закону 1864 г. По этому закону крестьяне сами выбирали от себя гласных в земские собрания, а при Александре III был издан указ, по которому крестьяне выбирают только кандидатов в гласные. Из этих кандидатов губернатор назначает тех, кого он захочет. Самые права земских учреждений были сокращены и они становились в еще бóльшую зависимость от губернаторов и министра.

При Александре III был проведен еще целый ряд законов, ограничивавших права крестьян. При крепостном праве крестьянская семья могла делиться только с согласия помещика. По закону 1861 г. семейные разделы крестьян могли производиться с согласия сельского схода. На

самом же деле разделы производились самовольно, сход мало вмешивался в это дело. Александр III издал закон, по которому семейные разделы отдельных крестьянских семей могли происходить только в том случае, если сход разрешит это большинством $^{2}/_{3}$ голосов и если это будет утверждено земским начальником. По закону 1861 г. крестьянин мог досрочно заплатить выкуп за землю, потребовать себе от общества участок в собственность и выйти из общины. Александром III эта статья закона была уничтожена и крестьянин не имел права досрочного выкупа земли и выхода из общины без согласия общества. Был издан даже закон о том, что батракам, нанявшимся к помещику, запрещается уходить из помещичьего имения без согласия помещика.

А чтобы еще больше поддержать помещиков, интересы которых страдали от затяжного кризиса и значительная часть которых несмотря ни на что разорялась, Александр III учредил два банка. Один банк назывался дворянским банком. Он принимал в заклад дворянские земли и выдавал им под залог земли крупные суммы денег. Другой банк назывался крестьянским. Он приобретал по высокой цене дворянские земли и затем мелкими участками продавал крестьянам, опутывая их своими сетями. И этот банк по справедливости следовало бы назвать дворянским, потому что он содействовал помещикам сбывать свои земли на выгодных условиях. Крестьянский банк приносил также пользу и кулакам, покупавшим через банк помещичьи земли. Огромным массам трудового крестьянства крестьянский банк не давал никакой возможности улучшить свое тяжелое положение.

Крестьянин как был, так и остался бесправным во всех отношениях. Целая армия чиновников командовала над

ним: урядник, становой, земский начальник, исправник, губернатор. Их власти и их самоуправству не было границ. Жалобы крестьян даже на урядника не могли дать никакого результата. „Какой был толк жаловаться на урядника земскому или на земского губернатору? Конечно, земский только покроет урядника, а губернатор покроет земского, да еще жалобщику же достанется. Засадят его в тюрьму или сошлют в Сибирь“ (Ленин).

Русские крестьяне и рабочие находились в настоящей крепостной зависимости от чиновников. Чиновники в большинстве были из дворян. Александр II на одном приеме волостных старшин в своей речи показал, кто является действительным хозяином русской земли, чью волю должны выполнять крестьяне. Он сказал старшинам: „Слушайтесь ваших предводителей дворянства“. Его внук, последний царь Николай II, через много лет повторил те же самые слова. Царь был дворянским царем, он со своей семьей был первым помещиком, самым крупным помещиком в России. У одной царской фамилии было больше земли, чем у полумиллиона крестьянских семей. Царское самодержавие было орудием власти дворянства. К царю имели доступ только чиновники, дворяне и самые богатые капиталисты. Царь крепко отстаивал все интересы дворян, крепко стоял за сохранение земли за ними. Царское самодержавие было оплотом всяческого угнетения народа.

10. Пирамида

Еще до революции 1905 г. за границей была отпечатана картина, рисовавшая положение рабочих и крестьян в царской России. Называлась она „пирамидой“. На самом верху пирамиды двуглавый орел, царь с царицей и над-

пись — „мы царствуем над вами“. Ниже министры и чиновники с надписью — „мы правим вами“. Ниже архиереи с попами и надпись — „мы морочим вас“. Ниже царские генералы и офицеры с надписью — „мы стреляем в вас“. Ниже фабриканты, заводчики, купцы, всякого рода богатеи и надпись — „мы едим за вас“. На самом низу, подавленные и согбенные всеми угнетателями, с одной стороны рабочие с надписью — „мы работаем за вас“, с другой стороны крестьяне с надписью — „мы кормим вас“. Картина эта, тайно распространявшаяся в России, имела революционизирующее значение, наглядно показывая массам всех угнетателей и паразитов, которые давили, душили и эксплоатировали трудящихся.

11. Ленин о революции в России

Надо было свалить и уничтожить эту пирамиду, освободить рабочих и крестьян от всех и всяческих угнетателей. Путь к этому освобождению указал рабочим и крестьянам в своем учении Ленин. Ленин, следуя за Марксом, учил, что главной силой для уничтожения всякой эксплоатации и гнета является рабочий класс и его авангард — революционная рабочая партия. Ленин учил, что рабочие вместе со своей партией „хотят добиться нового, лучшего устройства общества: в этом новом, лучшем обществе не должно быть ни богатых, ни бедных, все должны принимать участие в работе. Не кучка богатеев, а все трудящиеся должны пользоваться плодами общей работы. Машины и другие усовершенствования должны облегчить работу всех, а не обогащать немногих насчет миллионов и десятков миллионов народа. Это новое лучшее общество называется социалистическим обществом. Учение о нем называется социализм“.

Ленин говорил, что изменить все порядки в помещичье-буржуазном государстве дело не легкое. Для того, чтобы итти к социализму, прежде всего необходимо путем вооруженного восстания совместными усилиями рабочего класса и всего крестьянства под руководством рабочих, под руководством революционной рабочей партии большевиков свалить самодержавие и помещиков. Тогда уже откроется возможность бороться за свержение капитала и за построение социализма.

Следовательно, ближайшей задачей русских рабочих и крестьян являлось свержение самодержавия и конфискация всех дворянских земель. Это и означало демократическую революцию.

Совершив демократическую революцию, пролетариат и крестьянство под руководством рабочей партии возьмут власть в свои руки, не отдадут ее буржуазии. Добившись такой власти, пролетариат, опираясь на беднейшее крестьянство, поведет борьбу дальше против буржуазии, пойдет к социалистической революции, к диктатуре пролетариата. Революция демократическая будет перерастать в социалистическую революцию. В социалистической революции крестьянская беднота пойдет вместе с пролетариатом и его партией. Что касается середняков, то они во время социалистического переворота будут колебаться между пролетариатом и буржуазией. Но и средние крестьяне в конце концов поймут всю опасность восстановления власти помещиков, капиталистов, кулаков, станут на сторону пролетариата и вместе с беднотой, вместе с рабочим классом, под руководством рабочего класса и его партии примут участие в построении социалистического общества. В жестокой борьбе со всей буржуазией, со всеми эксплоататорами пролетариат путем вооруженной борьбы

установит свою диктатуру, укрепит ее и будет бороться в союзе с трудящимися крестьянами за окончательное торжество социализма.

Основным, главным в учении Ленина о построении социализма является учение о диктатуре пролетариата. Ленин учил, что коренным, решающим вопросом является вопрос о власти, вопрос о том, кому должна принадлежать власть. Задача пролетариата заключается в том, чтобы свергнуть господство помещиков и буржуазии, разбить их государственную машину, уничтожить их правительственные учреждения, уничтожить их войско и полицию, взять всю власть в свои руки, установить диктатуру пролетариата. Но взятие власти это только начало дела. Помещики, банкиры, заводчики, фабриканты, кулаки будут оказывать бешеное сопротивление диктатуре пролетариата. Диктатура пролетариата не есть окончание классовой борьбы, а есть ее продолжение, есть обострение классовой борьбы. Поэтому после взятия власти задача заключается в том, чтобы удержать диктатуру пролетариата, укрепить ее, усилить ее, сделать ее непобедимой.

По вопросу о диктатуре пролетариата тов. Сталин говорит следующее: „Эта власть, власть одного класса, может быть утверждена и проведена до конца лишь путем особой формы союза между классом пролетариев и трудящимися массами мелкобуржуазных классов, прежде всего трудящимися массами крестьянства... Состоит она, эта особая форма союза в том, что руководящей силой этого союза является пролетариат. Состоит она, эта особая форма союза в том, что руководителем государства, руководителем в системе диктатуры пролетариата является одна партия, партия пролетариата, партия коммунистов, которая не делит и не может делить руководства с другими партиями“.

Диктатура пролетариата есть единственный путь к полному разгрому помещиков и буржуазии, к полному уничтожению классов, к действительному построению социалистического общества. Так учил Ленин, так учили большевики еще до революции 1905 г.

В те же времена выступали и другие партии, которые тоже называли себя социалистическими революционными партиями. Была партия социал-демократов-меньшевиков. Меньшевики говорили, что они тоже за социализм, тоже за революцию против самодержавия. Но они не верили в силы пролетариата и крестьянства в деле свержения самодержавия. Главной силой против самодержавия они выдвигали буржуазию, капиталистов, тех самых капиталистов, которые сами были тесно связаны с помещиками и самодержавием. Крестьянство они считали неспособным к действительному участию в демократической революции, они не считали, что пролетариат должен и может быть руководителем крестьянства в революционной борьбе и в демократической революции. О социалистической же революции они и не думали. Они говорили, что социализм придет сам по себе через много много лет, мирным путем, путем выборов и голосований в парламенте. Они отрицали необходимость социалистической, пролетарской революции. Они отрицали необходимость диктатуры пролетариата для строительства социализма. А без диктатуры пролетариата никакого социализма не построить. Меньшевики все время открыто боролись против диктатуры пролетариата. Ясно, что меньшевики не были ни социалистами, ни революционерами. На деле они были прислужниками буржуазии, ее опорой в рабочем классе. Троцкий вместе с меньшевиками также постоянно твердил, что крестьянство не способно принять участие в демократической революции,

что пролетариат не в состоянии руководить крестьянством в революции и не может вовлечь бедняка и середняка в строительство социализма. Троцкий вел дело к срыву союза пролетариата и крестьянства, к срыву дела революции и социалистического строительства.

Была в то время еще партия социалистов-революционеров, или иначе сокращенно эсеров. Они называли себя еще и народниками, считали свою партию народной, крестьянской партией. Они толковали о том, что свержение самодержавия и переход земли к народу сразу даст победу социализму. Они говорили, что раз земля перейдет к народу, то через общину, артели, кооперативы само собой устроится социализм. Они не видели того, что сельская община, „мир" уже раскололась, что единого крестьянства уже нет, что на одном полюсе деревни стоит кулак, на другом бедняк, что их интересы противоположны. Они не хотели понимать того, что кооперация при господстве капитала будет на руку только зажиточным крестьянам, кулакам, а бедняку и середняку она даст новую кабалу. Они внушали крестьянам вреднейшую мысль о возможности построения социализма при сохранении власти капитала и денег. Никакого социализма конечно нельзя построить, если остается власть капитала, остается частная собственность на заводы, фабрики, на орудия и на средства производства. Эсеры внушали крестьянам, что землей сможет пользоваться всякий. Между тем при власти денег и капитала землею может в действительности пользоваться только тот, у кого имеются орудия, скот, деньги; пользоваться землей могут только капиталисты, кулаки и зажиточные крестьяне; миллионы же разоренных крестьян остаются ни с чем, они еще больше разоряются при господстве капитала.

Социалисты-революционеры отвергали руководство рабочего класса в демократической революции. Они отвергали необходимость социалистической, пролетарской революции. Они отвергали необходимость диктатуры пролетариата для борьбы с эксплоататорами и для строительства социализма. Они все время активно боролись против установления диктатуры рабочего класса. Ясно, что социалисты-революционеры не были ни социалистами, ни революционерами. Ясно, что в случае если социалистам-революционерам удалось бы возглавить революционное движение и провести свою программу, то от этого бы трудящиеся крестьяне ничего не выиграли. Разорение их пошло бы еще дальше. От этого выиграли бы только богатые крестьяне, только кулаки.

Во время самой революции 1905 г. образовалась еще одна партия — партия конституционных демократов, или иначе сокращенно — партия кадетов. Это была открыто буржуазно-помещичья партия, хотя она и называла себя еще „партией народной свободы“. Эта партия, страшась революции рабочих и крестьян, выдвинула свой проект разрешения земельного вопроса. Кадеты хотели предотвратить революцию тем, чтобы передать часть дворянских земель крестьянам за деньги, за выкуп. Иначе говоря, они хотели провести вторую „помещичью реформу“, вторично ограбить крестьян так, как помещики это уже сделали в 1861 г. Ленин неустанно разоблачал кадетов и наглядно показывал массам истинные стремления и цели этой буржуазно-помещичьей партии.

Ленин и большевики еще до революции 1905 г. вели непримиримую борьбу и с меньшевиками и с социалистами-революционерами, проясняя сознание рабочего класса, проясняя сознание передовых слоев трудящегося

крестьянства. Ленин и большевики вели единственно правильную революционную политику, указывали единственно правильный путь к свободе и социализму. Учение Ленина полностью оправдалось. Пролетариат с своей большевистской партией встал во главе героической борьбы против самодержавия, помещиков и буржуазии, стал авангардом и руководителем революционного движения. За ним поднялось и пошло крестьянство.

12. Борьба крестьян за землю и волю

Крестьянство, начиная с самого 1861 г., не хотело мириться с тем „освобождением“, которое оно получило от царя и помещиков. В течение всего времени после 1861 г. крестьяне постоянно подымались против своих угнетателей. В одни годы движение усиливалось, в другие — утихало, но никогда не прекращалось. Особенно бурные выступления крестьян против помещиков происходили в начале XX века, перед революцией 1905 г. Поднимались и русские крестьяне. Поднимались и крестьяне царских колоний — Украины, Латвии, Грузии, Башкирии и других колоний царизма.

В 1900 г. было	 48	выступлений крестьян
„ 1901 „ „	 50	„ „
„ 1902 „ „	 340	„ „
„ 1903 „ „	 141	„ „
„ 1904 „ „	 91	„ „

Крестьяне громили помещичьи имения, поджигали помещичьи усадьбы и постройки, захватывали помещичьи земли и помещичий хлеб, избивали помещиков, их управляющих и приказчиков. Крестьяне выступали против становых, исправников, земских начальников, против полиции и казаков, которые защищали интересы помещиков и пытались

задушить подымавшееся крестьянское движение. Особенно сильное движение крестьян произошло в 1902 г. на Украине, в Полтавской и Харьковской губерниях.

В этом выступлении приняли участие не десятки и сотни крестьян, а широкие массы в количестве до 150 тыс. человек. Движением было охвачено больше полутораста сел. Было разгромлено около 100 помещичьих имений.

Крестьяне вывозили хлеб из помещичьих амбаров и распределяли его между собой. Крестьяне требовали раздела помещичьих земель. „Крестьяне, — писал тогда Ленин, — не вынесли безмерного угнетения и стали искать лучшей доли. Крестьяне решили, и решили совершенно правильно, — что лучше умирать в борьбе с угнетателями, чем умирать без борьбы голодною смертью. Но крестьяне не добились лучшей доли... Царское правительство послало против них войско, как против неприятелей, и крестьяне были разбиты, в крестьян стреляли, многих убили, крестьян пересекли зверски, засекали до смерти, истязали так, как никогда турки не истязают своих врагов — христиан... Крестьяне были разбиты, но они поднимутся еще и еще; они не падут духом от первого поражения... Крестьянское восстание было подавлено, потому что это было восстание темной, несознательной массы, восстание без определенных, ясных политических требований, т. е. без требования изменить государственные порядки. Крестьянское восстание было подавлено, потому что оно было неподготовлено. Крестьянское восстание было подавлено, потому что у деревенских пролетариев не было еще союза с городскими пролетариями“.

В движении этих годов особенно активное участие принимала беднота. Движение в основном было направлено против помещиков, но уже были случаи выступлений

крестьян и против кулаков. Рядом с войной всего крестьянства против всего дворянства намечалась и другая война — война деревенской бедноты с деревенскими богатеями. Это показывало, что крестьянская беднота, разоряющиеся слои крестьян пойдут с пролетариатом не только против царя и помещиков, но и против деревенской и городской буржуазии.

Крестьяне начали воспринимать от рабочих и формы борьбы, именно — стачки. Так крестьяне сговаривались между собою о том, чтобы не платить помещику высокой арендной платы за землю. Или сговаривались, чтобы, в случае неуступчивости помещика, совсем не брать в аренду землю у того или другого помещика. Движение этих годов перед первой революцией отличалось и тем, что в нем активное участие принимали батраки, то-есть сельскохозяйственные рабочие, — родные братья городских рабочих. Батраки быстро воспринимали пролетарский способ борьбы — стачку, направляя ее против помещиков. Выступлений батраков было немного. Но и те, что были, имели громадное значение. Подъем революционной борьбы в деревне показывал, что против угнетателей подымаются самые задавленные слои, что у городского пролетариата в деревне имеются надежные помощники, которые пойдут с ним и против помещиков, и против буржуазии.

Так крестьяне под руководством передовых рабочих подготовлялись к решительной схватке со старым строем, готовились к революции. Подъем крестьянского движения в 1900—1904 гг. был возможен только потому, что ему предшествовал и с ним сомкнулся подъем рабочего движения. Вот что говорил Ленин по этому поводу: „Десятилетие перед революцией, с 1895 по 1904 год, показывает нам уже открытые выступления и неуклонный рост проле-

тарской массы, рост стачечной борьбы, рост социал-демократической рабочей агитации, организации, партии. За социалистическим авангардом пролетариата начинало выступать на массовую борьбу, особенно с 1902 года, и революционно-демократическое крестьянство". Правильно понять крестьянское движение от 1861 г. до 1905 г. и до 1917 г. можно только в том случае, если мы примем во внимание, что говорил Ленин о роли и значении рабочего класса в истории нашей страны: „1861 год породил 1905-ый... Падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу. После падения крепостного права в России все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и заводы, строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая. На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившёму попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы. В крупных городах, на фабриках и заводах все увеличивалось число рабочих. Постепенно стали складываться соединения рабочих для совместной борьбы с капиталистами и с правительством. Ведя эту борьбу, русский рабочий класс помогал миллионам крестьянства подняться, выпрямиться, сбросить с себя привычки крепостных рабов.

„В 1861 году крестьяне способны были только на «бунты». В течение десятилетий после 1861 года русские революционеры, геройски стремясь поднять народ на борьбу, оставались одинокими и гибли под ударами самодержавия.

К 1905 году окреп и вырос в долголетней стачечной борьбе, в долголетней работе пропаганды, агитации, организации, которая велась социал-демократической партией, русский рабочий класс. И он повел весь народ, повел миллионы крестьян на революцию".

13. Пролетариат и крестьянство в революции 1905 г.

В 1905 г. произошла наша первая революция. Поднялся пролетариат, руководимый своей партией большевиков во главе с Лениным, и поднял против угнетателей миллионы крестьян.

Главной движущей силой революции, и гегемоном, то-есть руководителем революции, являлся рабочий класс. Союзником пролетариата выступило крестьянство. Это была революция демократическая. Непосредственной ее задачей было свержение самодержавия и разрушение помещичьего землевладения.

Рабочий класс организовывал всеобщие стачки и вооруженное восстание. Крестьяне громили помещичьи усадьбы. Было разгромлено 2 тысячи имений, а всех крупных помещичьих имений насчитывалось 30 тысяч. „К сожалению, — говорил Ленин, — крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального, крепостнического, крупного землевладения". Главной борьбой в деревне в 1905 г. была борьба всего крестьянства против помещиков и царя. Но одновременно беднота выступала и против кулаков.

Революция 1905 г. была подавлена. Главные причины этого заключались в недостаточной политической зрелости

и сознательности рабочего класса и в недостаточном охвате крестьянства пролетарским руководством. Самодержавие и дворянство заключили тесный союз с российской буржуазией против рабочих и крестьян и получили денежную поддержку от европейской буржуазии. Тысячи и тысячи рабочих и крестьян были расстреляны и повешены. Десятки тысяч рабочих и крестьян были сосланы на каторгу и посажены в тюрьмы. Но революция 1905 года не прошла даром. Ленин называл ее „генеральной репетицией революции 1917 года“.

Ленин говорил: „Царское самодержавие было надломлено революцией 1905 года. Эта революция впервые создала в России из толпы мужиков, придавленных проклятой памяти крепостным рабством, народ, начинающий понимать свои права, чувствовать свою силу. Революция 1905 года впервые показала царскому правительству, русским помещикам, русской буржуазии, что миллионы и десятки миллионов становятся гражданами, становятся борцами, не позволяют помыкать собою как быдлом, как чернью“.

Самодержавие, казавшееся перед тем неприступной твердыней, — в 1905 г. пошатнулось, затрещало по всем швам. Революция поколебала силу самодержавия. В разгар революции, во время всеобщей октябрьской стачки 1905 г., царю пришлось выпустить манифест 17 октября о созыве Государственной Думы. В 1906 г. царь созвал первую Думу, но очень скоро разогнал ее. В 1907 г. царь вынужден был созвать вторую Думу. В первых двух Думах было порядочное количество крестьянских депутатов, так называемых трудовиков. Они выдвигали требование о передаче земли крестьянам и об уничтожении бесправия крестьян.

Самодержавие однако прямо заявило, что крестьяне никогда не увидят помещичьей земли. Что же касается прав рабочих и крестьян, то самодержавие совершенно открыто лишило их даже тех ничтожных политических прав, которые были завоеваны в 1905 г. По царскому указу 3 июня 1907 г., подготовленному дворянами и министром Столыпиным и изданному в день разгона второй Государственной Думы, рабочие и крестьяне были сильно ограничены в праве посылать своих депутатов в Думу. Фактически самодержавие почти лишило рабочих и крестьян возможности иметь в Думе своих депутатов. Государственная Дума после 1907 г. стала чисто дворянско-буржуазным учреждением. Царь и чиновники, опираясь на такую Думу, попрежнему полностью сохраняли свою власть в интересах господствующих классов, — помещиков и крупных капиталистов.

Одна картинка, отпечатанная в те годы, очень хорошо показывает отношение крестьян к Государственной Думе. В виде грамофона нарисован Таврический дворец в Петербурге (теперь дворец Урицкого), в котором заседала Государственная Дума, рядом стоит крестьянин и спрашивает: „Для кого эта машинка играет?“ Рабочие и наиболее сознательные из крестьян отлично понимали, что эта „машинка“ играет для помещиков и буржуазии.

Но царь и его чиновники без всякой охоты терпели даже такую Думу. Они всячески стремились к ограничению ее деятельности и ее прав. Царь допустил крупную буржуазию к некоторому участию в рассмотрении законов, имея в виду опереться на нее и усилить себя и помещиков в борьбе с рабочими и крестьянами. Ввиду этого самодержавие оказалось вынужденным примириться с суще-

ствованием выборной Государственной Думы и с частичным влиянием буржуазии на государственные дела.

Поэтому время после революции 1905—1907 гг. является новым шагом от крепостнической феодальной монархии к буржуазной монархии. Поэтому Ленин и говорил: „В 1908—1910 годах явственно обрисовывалась новая полоса, знаменующая еще один шаг в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии“. Реформы Александра II 60—70-х годов были первым шагом от феодальной монархии к буржуазной. Указы о Думе Николая II и другие его законы были вторым шагом от феодальной монархии к буржуазной монархии. Но в основном царское самодержавие вплоть до своей гибели, вплоть до революции 1917 г. оставалось помещичьей, крепостнической, феодальной монархией. Помещики, царь, министры крепко держали в своих руках власть. Министры назначались и смещались царем согласно желаниям высшего дворянства. Министры за свою деятельность были ответственны только перед царем. С Думой они мало считались.

14. Столыпинщина и подготовка новой революции

Подавив революцию, самодержавие стало проводить свою земельную реформу. Эту реформу провел министр Николая II — Столыпин-вешатель. По его имени реформа была названа „столыпинской“. Сейчас же после разгона первой Думы царь и Столыпин издали указ 9 ноября 1906 г. Вторая Дума, в которой было много крестьянских и рабочих депутатов, не захотела рассматривать и утверждать этот указ. В третьей дворянско-буржуазной

Думе указ был рассмотрен и дополнен. Затем он был подписан царем и превратился в закон 14 июня 1910 г.

Сущность столыпинской реформы заключалась в том, что самодержавие решило разгромить, уничтожить общину. До сих пор царь и помещики цепко держались за общину, чтобы через нее, через круговую поруку членов общины крепче держать в кабале крестьян. Перепуганные революцией, перепуганные требованием крестьян помещичьей земли, царские министры и помещики решили пожертвовать общиной, лишь бы сохранить свои земли и попутно перетянуть на свою сторону капиталистическую, кулацкую верхушку деревни. Самодержавие решило лучшие земли в общинах передать кулакам и зажиточным крестьянам. Оно решило оставить в руках у бедняков и середняков самые худшие земли и вынудить разоряющихся крестьян итти в батраки к помещикам и кулакам, наниматься за гроши на работу к фабрикантам и заводчикам. Самодержавие рассчитывало, что таким образом революционное крестьянство будет разгромлено. Оно рассчитывало, что кулак, захвативший лучшие общинные земли, вместе с помещиками угнетающий крестьянство, будет лучшей опорой царя и дворян в случае нового революционного выступления пролетариата и крестьянства.

Столыпину не удалось полностью и по всей России провести свою реформу. Но и то, что ему удалось сделать, принесло неисчислимые бедствия крестьянству. Сотни тысяч и миллионы крестьян окончательно разорились. Кулачество усилилось и укрепилось. Оно стало с еще большей силой угнетать, эксплоатировать и разорять крестьян. Помещик, усиливая кулака, продолжал оставаться в деревне главной силой и продолжал попрежнему держать крестьянина в жестокой кабале.

Столыпинская реформа открыла новые возможности для развития капитализма в России. „Политика Столыпина делает еще шаг вперед по «прусскому пути», — говорил Ленин. А развитие по „прусскому" пути означает развитие капитализма в деревне через помещичье хозяйство, через помещика и отчасти через кулака. Однако не следует думать, что „прусский" путь после столыпинской реформы победил, что развитие капитализма в сельском хозяйстве через помещика одержало полную победу. „Прусский" путь был связан с диктатурой царя и помещиков, с сохранением и с господством крупного помещичьего землевладения, с гнетом помещика, с обогащением только помещиков и кулаков. Против них все время выступало крестьянство и до революции 1905 г. и во время этой революции, и после нее, выступало, добиваясь всей земли, добиваясь полного уничтожения помещичьего землевладения и помещичьего класса. Следовательно, борьба за „прусский" и „американский" пути развития сельского хозяйства продолжалась, начиная от самой „крестьянской реформы", и шла все время и до революции 1905 г., и во время революции, и после столыпинской реформы.

Если Ленин противопоставлял „американский путь" „прусскому пути", то это объясняется тем, что „американский путь" был связан с революцией против царя и помещиков, с уничтожением помещичьего землевладения и с национализацией земли. Победа „американского пути" в ходе демократической революции и национализация земли должны были дать широкий простор росту производительных сил, развязать еще больше классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией и открыть дорогу для социалистической революции. Сломив царя и помещиков,

пролетариат вместе с беднейшим крестьянством должен немедленно пойти дальше против городской и деревенской буржуазии, пойти к социалистической революции, к диктатуре пролетариата, к строительству социализма и использовать национализацию земли для организации крупного коллективного, социалистического хозяйства.

„Крестьянская реформа“ 1861 г. была первым шагом в развитии капитализма в сельском хозяйстве в России. Столыпинская земельная реформа была вторым шагом по пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Но это, как мы видели, был такой шаг, при котором сохранялась власть помещика и дворянское землевладение. Эксплоатация крестьянина помещиком и через отработки и всякими другими способами все еще оставалась в силе и после столыпинской реформы. Гнет полукрепостника-помещика продолжал давить на крестьянина. В сельском хозяйстве России, в русской деревне до самой революции 1917 г. все еще продолжали царить всяческого рода крепостнические остатки, техническая отсталость, бескультурье и дикость.

Однако, несомненно, что капитализм и в России делал все новые и новые „успехи“. В деревне часть помещиков стала чаще переходить к вольнонаемной системе хозяйствования. Росли и укреплялись кулацкие хозяйства. В городе быстро росли фабрики и заводы. Банки стали приобретать больше силы и власти. Разложение общины, право свободного выхода из нее, организация отрубов и хуторов давали большой простор капитализму.

Вместе с дальнейшим развитием капитализма еще быстрее шло вперед расслоение крестьянства. Кулацкая верхушка богатела и выбрасывала на рынок громадные

партии хлеба и прочих товаров. Середняцко-бедняцкая масса быстро разорялась и нищала. Капиталистическая эксплоатация росла. И все яснее и яснее становилось, что в обстановке развивающегося капитализма трудовому крестьянству некуда податься.

Вскоре пришла империалистическая война. На ней бешено богатели капиталисты и помещики, продавая правительству по высоким ценам снаряжение и продовольствие, бесконечно усиливая эксплоатацию рабочих и крестьян, беспредельно наживаясь на бедствиях и разорении масс, потоками проливая кровь рабочих и крестьян и получая за все это полноценное золото.

Богатели на войне и кулаки, усиливая эксплоатацию бедноты и середняков. „Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны, они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и на другие продукты. Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся, богатея тем больше, чем больше голодал рабочий в городах и на фабриках. Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабалят бедных крестьян“ (Ленин).

В обстановке полукрепостнических остатков, развивающегося капитализма и грабительской империалистической войны положение широких масс трудового крестьянства сделалось невыносимым. Выхода для крестьян на путях капитализма не было. Выход был только в революции. За годы после революции 1905 г. рабочий класс и его большевистская партия под руководством Ленина непрерывно готовились к новой революции и готовили к ней крестьянские массы. Ленин непрестанно учил: „За первым шагом будет второй. За началом борьбы бу-

дет продолжение. За революцией 1905 года идет новая, вторая революция“. И она пришла, В феврале 1917 г. рабочие во главе со своей большевистской партией повели крестьян, одетых в солдатские шинели, на бой с самодержавием и с дворянством и выиграли этот бой. В октябре 1917 г. рабочие, руководимые Лениным и Сталиным, в союзе с беднейшими крестьянами сделали второй решающий шаг, низвергли буржуазию, установили диктатуру пролетариата, установили советскую власть и приступили к строительству социализма.

VI. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН В СОВРЕМЕННЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Во всех странах мира, кроме Советского союза, господствуют пока капиталисты и помещики. Во всех капиталистических странах, — и в Европе, и в Азии, и в Америке, и в Австралии, и в Африке, — крестьянам живется очень и очень тяжело.

Особенно невыносимым является положение крестьян в колониальных странах, как, например, в Индии, и в странах, находящихся в полузависимых отношениях от европейских и американских империалистов, как, например, в Китае. В этих странах крестьян эксплоатируют и свои помещики, и капиталисты и империалисты Англии, Америки, Франции, Италии и Японии. В этих странах крестьяне находятся в самом настоящем рабстве и кабале. В этих странах крестьяне доведены до полного разорения, до полного обнищания. Сотни миллионов крестьян этих стран голодают и вымирают.

Жестоко угнетают крестьян и в Японии. Японские помещики и капиталисты своей беспощадной эксплоатацией довели крестьян Японии и своих колоний, как, например, Кореи, до самого бедственного положения. Японские крестьяне совершенно разорены и им буквально нечего есть. Продажа японскими крестьянами своих дочерей

в публичные дома, самоубийства целых семей от голода, отказы платить арендную плату помещикам, отказы платить подати, неповиновение властям, выступления крестьян отдельных районов сделались за последние годы обычным явлением в Японии.

В богатых капиталистических странах Европы и Америки крестьянам также живется очень и очень плохо. Для примера возьмем две страны — Германию и Соединенные штаты Америки.

1. „Освобождение" крестьян в Германии и разорение немецкого крестьянства

В Германии, раньше чем в России, крепостное хозяйство стало переживать кризис. В начале XIX в., больше 100 лет назад, немецкие помещики стали проводить такое же примерно освобождение крестьян, как и русские помещики в 1861 г.

„Освобождение" крестьян и в Германии сопровождалось ограблением крестьян. Значительная часть крестьян была совершенно обезземелена помещиками. Часть крестьян осталась при небольших наделах. За свое „освобождение" от крепостного права и за оставшиеся у них клочки немецкие крестьяне заплатили юнкерам, то-есть германским помещикам, громадный выкуп.

„Освободив" крестьян, немецкие помещики начали перестраивать свое хозяйство на капиталистический лад. Развитие сельского хозяйства в Германии сопровождалось разорением и обнищанием миллионов крестьян, безудержной и безмерной их эксплоатацией. Рядом с помещиком недурно устроилась лишь очень небольшая часть крестьянской верхушки — богатые крестьяне, кулаки, также жестоко эксплоатировавшие крестьян.

Во второй половине XIX века в Германии стал быстрыми шагами развиваться капитализм. Образовалась крупная буржуазия из банкиров, заводчиков, фабрикантов, крупных ростовщиков, богатых купцов. Буржуазия и помещики заключили между собой тесный союз. Командующие классы чрезмерно эксплоатировали крестьян и рабочих. Эксплоатация помещиком крестьянина усиливалась. А к этому присоединилась эксплоатация крестьянина капиталистами. Крупные капиталисты опутывают крестьян тысячами сетей. Капиталисты устанавливают высокие цены на сельскохозяйственные орудия и удобрения. Они понижают цены на сельскохозяйственные продукты, чтобы иметь для своих предприятий дешевое сырье. Они берут под залог крестьянские земли и затем за неплатеж долга лишают крестьян земли и обрекают их на голод. Они смыкаются с кулаками и поддерживают кулаков в деле угнетения и разорения крестьянства. Они смыкаются с помещиками и общими усилиями приводят крестьянство на край нищеты и гибели.

Империалистическая война еще больше разорила германское крестьянство. „Империалистическая война потрясла всю систему мирового капитализма и положила начало периоду его общего кризиса“, из которого только один выход — пролетарская революция во всем мире.

Начиная с 1929 г. весь современный капиталистический мир переживает жестокий и глубокий экономический кризис. Кризис захватил все стороны жизни капиталистических стран. Кризис глубоко поразил германское сельское хозяйство, которое после войны все время находилось в состоянии затяжного упадка. Больше всего от кризиса сельского хозяйства пострадали и страдают в Германии крестьяне.

В нынешней Германии $^3/_5$ всей земельной площади, то-есть большая часть земли, принадлежит помещикам и кулакам. Есть такие помещики, которые владеют по 100 тысяч га земли. В то же время 4 млн. крестьян имеют земли не больше как по 5 га на двор. Пятьсот тысяч крестьянских дворов имеют такие маленькие участки, что без аренды помещичьей земли не могут просуществовать ни одного дня. Около миллиона крестьянских дворов совершенно не имеют земли и вынуждены на кабальных условиях арендовывать помещичьи или кулацкие земли. При таком распределении земли кризис больнее всего ударил именно по мелким хозяйствам.

Мелкие крестьяне вынуждены значительную часть своих сельскохозяйственных продуктов продавать на рынке. Между тем за время с 1928 по 1933 г. цены на сельскохозяйственные товары упали следующим образом: пшеница на $^2/_3$, рожь — также на $^2/_3$, овес — на половину и т. д. Вывоз сельскохозяйственных продуктов из Германии в другие страны упал с суммы в 10 млрд. марок до 7 млрд. марок. Внутри страны потребление сократилось, так как зарплата рабочих сильно снижена, а количество безработных значительно увеличилось. Падение цен на сельскохозяйственные товары и сокращение их потребления тяжело отражается главным образом именно на мелких крестьянах.

Цены на промышленные товары пали не в такой степени, как цены на сельскохозяйственные товары. Кучка крупнейших капиталистов, господствующая в промышленности, держит цены на промышленные товары на высоком уровне. Крестьяне, продавая сельскохозяйственные товары по очень низкой цене, вынуждены покупать промышленные товары по высокой цене.

Одновременно помещики повышают арендные цены на землю. Цена аренды на землю за последние годы возросла в Германии в полтора и два раза, а во многих районах в три раза.

В свою очередь и государственная власть Германии — власть фашистов — усиливает нажим на крестьянство. Она перелагает всю тяжесть налогов в деревне на беднейшее крестьянство. Мелкие разоряющиеся крестьяне платят налога с одного га 55 марок, а кулаки и богатые землевладельцы с одного га платят всего 16 марок, то-есть в три с половиной раза меньше.

Крестьяне всячески пытаются выйти из своего тяжелого положения, занимая деньги у капиталистов и закладывая им свои земли. Но это только ухудшает положение крестьян. Одни проценты по долгам поглощают у них громадные суммы. Мелкие крестьяне гораздо больше отягощены платежами по долгам, чем кулаки и помещики. Мелкие крестьяне одних процентов по займам с одного га земли платят 123 марки, а кулаки и помещики платят с га 10 марок.

Земли разоренных и обремененных долгами крестьян уходят в руки помещиков, капиталистов и кулаков. За последние годы в ряде районов Германии четверть всех крестьянских земель уже перешла к кулакам, ростовщикам, помещикам и богатым капиталистам. В других районах в их руки перешла даже целая треть крестьянских участков.

Разоренные крестьяне уходят в города, но в городах царит безработица. Разоренные крестьяне пополняют собою ряды батраков, ряды сельскохозяйственных рабочих. А ведь многие из батраков сами сидят годами без

работы. Особенностью современного кризиса является наличие огромной армии безработных сельскохозяйственных рабочих.

Кризис задел также помещиков и капиталистов. Но государственная власть Германии, это приказчик господствующих классов — банкиров, промышленников и помещиков. Правительство, состоящее из душителей рабочего класса — фашистов, во главе с Гитлером, всячески поддерживает помещиков и кулаков. Громадные налоги, взыскиваемые с крестьян и рабочих, идут в казну, а затем перекачиваются в карманы банкиров и помещиков. Помещикам выдаются громадные субсидии. Фашисты до прихода к власти обещали крестьянам улучшить их положение. Но, конечно, нелепо было думать, что слуги банкиров и помещиков, палачи рабочих и крестьян могут что-нибудь сделать для трудового крестьянства. Фашисты во главе с Гитлером провели закон о предоставлении новых крупных субсидий помещикам и кулакам. Фашисты сняли с помещиков значительную часть старых долгов. По другим долгам помещиков государству фашисты рассрочили платежи и снизили проценты. Они ни на одну марку не снизили долгов крестьянства. Они препятствуют крестьянам расширять посевную площадь.

Фашисты ввели закон о „добровольной трудовой повинности“, на основании которого сотни тысяч батраков и разоренных крестьян насильственно отдаются в кабалу помещикам. Фашисты прикрепляют батраков к имениям помещиков и заменяют денежную оплату труда оплатой продуктами, натурой. Фашисты возвращают Германию к временам крепостного права. Фашисты установили в деревне жесточайший террор, направляя его против беднейших крестьян и батраков, отдавая их на поток и раз-

грабление помещикам и кулакам. Фашистская диктатура усилила разорение, нищету, бесправие германского крестьянства.

Само правительство Германии не может скрыть тяжелого положения крестьян. В „Сборнике Германского министерства земледелия“, изданном самим германским правительством, мы читаем следующие описания жизни крестьян в современной Германии.

„Крестьяне, живущие в наших гористых областях, превращаются постепенно в нищих.

„Область Рена. Во многих деревнях можно видеть лишь мелкие карликовые хозяйства. Деревни сравнительно велики. В них живет в среднем от 400 до 1000 человек. Поля находятся обыкновенно на расстоянии нескольких километров от деревни, и к ним ведут плохие, крутые дороги.

„Даже во времена хорошей конъюнктуры[1] большинство мелких крестьянских хозяйств в области Рена можно было смело назвать голодными хозяйствами. В большинстве случаев у крестьянина нехватает хлеба для прокормления собственной семьи. Даже в лучшие годы большая часть крестьян должна прикупать от четверти до половины хлеба.

„Задолженность обследованных 42 крестьянских хозяйств размером в 200 га достигает 255 245 марок.[2] Таким образом, задолженность на один гектар равняется в среднем 1 326 маркам. В 13 из обследованных 14 деревень задолженность составляет больше 100 процентов ценности самого хозяйства. В 4 деревнях этот

---

1 Конъюнктура — хозяйственная обстановка, хозяйственные условия.

2 Марка равняется примерно 50 коп.

процент превышает 200, в 3—300, в 2 — 400, а в одном — почти 600 процентов.

„В 5 деревнях Ренской области проценты, которые крестьянин должен платить по долгам, превышают весь его валовой доход.[1] В одной деревне проценты составляют 105 проц. дохода, в другой — 113, в третьей — 116, в четвертой — 167 и в пятой — свыше 168. Несмотря на то, что крестьянин отказывает себе во всем, его задолженность быстро растет в результате сильнейшего несоответствия его доходов и расходов.

„В общем, валового дохода, получаемого крестьянами в 14 деревнях области Рена, нехватает для уплаты процентов, всевозможных налогов и страховки. Крестьянину приходится, таким образом, влезать в новые долги, чтобы расплатиться с кредиторами.

„Если вычесть деньги на уплату различных налогов, страховки и пр., то на жизнь крестьянской семьи в 5 человек остается всего лишь 165 марок в год, то-есть в среднем 9 пфеннигов[2] на человека в день. Этих денег, конечно, нехватает даже для самого примитивного[3] образа жизни“.

В других областях Германии крестьянам живется не лучше.

„Крестьянская нужда в западно-германских горных областях (Эйфель, Гунсрюк, Таунус, Вестервальд, Зауэрланд). Везде царит техническая отсталость. Крестьяне отказывают себе в самом необходимом, их жизненный уровень сильно понизился. Они продают свои небольшие запасы основных продуктов питания.

---

[1] Валовой доход — весь доход, а не чистый доход, не остаток.

[2] Пфенниг — меньше полкопейки.

[3] Примитивный — простой, примитивная жизнь — самая непритязательная жизнь.

„В результате постоянного раздробления земельной собственности сотни тысяч людей, не имеющих других средств к существованию, выбиваются из сил над жалкими клочками земли, стараясь вырвать у суровой природы сухой кусок хлеба... Большая часть крестьян оставляет своих детей в хозяйстве в качестве рабочей силы, посылает их в каменоломни или на местные фабрики. Лишь немногие посылают своих детей в школу и заботятся об их образовании“.

Так живется крестьянам в современной капиталистической фашистской Германии.

Правительство фашистов еще больше усугубляет положение как крестьян, так и рабочих громадными податями. Капиталисты и фашисты Германии, готовясь совместно с Японией к нападению на Советский Союз, бешено вооружаются. Увеличивается армия, льются пушки гигантских размеров, строятся аэропланы, воздвигаются аэродромы на земле и под землей, закладываются новые военные суда, заготовляются удушливые газы. На все это требуются огромные средства. Эти средства собираются с трудовых масс, с крестьян и рабочих.

Фашистская власть углубила кризис. Она до крайности ухудшила положение рабочих и крестьян. Она обострила классовые противоречия. Крестьяне, несмотря на самый свирепый террор фашистов, все больше и больше усиливают свое сопротивление угнетателям. Рабочий класс самоотверженно борется с капиталистами и их ставленниками — фашистами. Авангард германского рабочего класса — коммунистическая партия, загнанная в подполье, героически стоит на своем посту. Единственный выход, един-

ственное спасение для германского крестьянства заключается в том, чтобы примкнуть к рабочему классу, к его борьбе против буржуазии и фашистов. Компартия Германии под руководством Коминтерна поведет рабочих и крестьян на свержение власти капиталистов, на пролетарскую революцию. И только тогда, помогая рабочему классу строить социализм, германское трудовое крестьянство выйдет из разорения, нужды, нищеты, кабалы и порабощения.

2. Капитализм в Америке и разорение американских крестьян

Обратимся теперь к положению крестьян в той стране, история которой значительно отличалась от истории старой России. Эта страна — Соединенные штаты Северной Америки — страна самого развитого капитализма, самая богатая из капиталистических стран.

В течение XIX века Америка быстрыми шагами шла по пути капитализма. Америка уже давно обзавелась крупными заводами и фабриками, рудниками и копями, железными дорогами и портами. В Америке уже давно полновластными хозяевами сделались крупные капиталисты и банкиры. В Америке значительная часть земли была собственностью государства или, иначе говоря, была национализирована. Крестьяне, называющиеся в Америке фермерами, издавна за известную не очень высокую плату занимали участки этой земли и заводили на них свое хозяйство. Капитализм развивался и в сельском хозяйстве. Некоторые крестьянские хозяйства стали превращаться в богатые фермы. В Америке стали возникать большие сельскохозяйственные предприятия с машинами, с массой рабочих, с громадной продукцией. Средним и мелким фермерам-крестьянам трудно было тягаться на рынке

с крупными предпринимателями. Торговля сельскохозяйственными продуктами также попала в руки крупных торговцев и банкиров. Они завладели рынком. Они устанавливают цены на сельскохозяйственные товары. Они покупают продукты у мелких и средних фермеров по низкой цене и сбывают по высоким ценам за границей и на внутреннем рынке. При займах на нужды своего хозяйства мелкие и средние фермеры попадают в сети к капиталистам, в кабалу к банкирам. С фермеров взимаются высокие проценты, их имения берутся в залог. Все это приводило и приводит к разорению мелких фермеров.

Еще до империалистической войны, до мирового кризиса большинству фермеров приходилось туго. Нынешний мировой кризис со всей силой ударил по широким массам американских фермеров. В Америке оказались громадные запасы пшеницы, хлопка и других сельскохозяйственных продуктов. Цены на них очень сильно упали. Крупные предприятия почти не страдали от кризиса. Благодаря высокой механизации себестоимость производства у них была низкая. Поэтому они могли продавать свои продукты с прибылью, могли держаться. Для мелких и средних фермерских хозяйств себестоимость производства была более высокой. Им приходится продавать свои продукты по цене более низкой, чем стоило само производство продукта. Фермеру нужны орудия и промышленные товары. Цены на них упали не в такой степени, как на сельскохозяйственные продукты. Тресты, то-есть союзы заводчиков и фабрикантов, будучи господами рынка, держат цены на промышленные товары на высоком уровне. Вся торговля в Америке также находится в руках крупных трестов и синдикатов, то-есть союзов крупнейших предпри-

нимателей, торговцев и банкиров. Эти тресты — молочные, мясные, овощные, фруктовые и т. д. — устанавливают очень низкие цены на покупаемые у фермеров продукты, а сами потом продают их потребителю по высокой цене. Таким образом, крупные торговцы и их союзы всю тяжесть кризиса перекладывают на фермеров и на городских потребителей, главным образом на рабочих.

Ко всему этому прибавляется еще и следующее. Америка, так же как и все остальные империалистические государства, вооружается без конца. На броненосцы, пушки, аэропланы тратятся громадные средства. Правительство, чтобы добыть деньги на это, увеличивает подати. Подати увеличиваются и для того, чтобы выдавать миллионные субсидии банкирам, заводчикам и фабрикантам и таким образом поддержать их в борьбе с кризисом.

Крестьяне-фермеры теперь платят государству в два с половиной раза больше налогов, чем они платили раньше. Находясь в тяжелом положении, они обращаются к ростовщикам и банкирам, чтобы занять деньги и как-нибудь продержаться. Задолженность фермеров растет и достигла к настоящему времени 15 млрд. долларов.[1] 500 000 фермеров уже лишились своих ферм. Их фермы, то-есть их земли и хозяйства, за долги пошли ростовщикам и банкирам или проданы за недоимки государству.

Правительство и капиталисты Америки всю тяжесть кризиса возлагают на фермеров и рабочих, разоряя их, а выход из кризиса ищут в сокращении посевов и в уничтожении продуктов.

По постановлению правительства Америки решено было сократить посевы пшеницы на 9 млн. акров.[2] 400 тыс.

---

[1] **Доллар** — приблизительно два рубля.

[2] **Акр** равняется $^4/_{10}$ га, т. е. почти половине га.

фермеров уже вынуждены были подписать обязательство о том, что они сократят посевы пшеницы. Правительство сокращает и посевы хлопка. Оно старается уменьшить урожайность хлопковых полей. Поэтому с фермеров в 1933 г. было взято обязательство, что они не станут употреблять удобрений больше, чем употребляли в 1932 г. Правительство идет еще дальше. Оно приказывает уничтожать уже имеющиеся посевы, заявляя, что это поведет к повышению цен. Под давлением правительства 1 800 000 фермеров-хлопководов вынуждены были пойти на уничтожение значительной части своих посевов. В 1933 г. было вытоптано и перепахано 10 млн. 304 тыс. акров хлопковых посевов. Таким образом, погибла четвертая часть всех посевов хлопка, погибло 4 млн. кип хлопка. Даже бессловесные животные отказываются помогать американским капиталистам и их правительству в этом деле. Это видно из следующего американского сообщения, напечатанного в 1933 г. „Мула годами учили не ходить по грядкам с хлопком, не топтать их ногами. И сейчас его наказывают, если он отказывается топтать стебли, которые его всегда учили беречь. Все мы в Америке находимся в положении этих обалдевших мулов. Неурожай всегда считался величайшим бедствием в истории человечества. Сейчас мы узнаем, что неурожай — благо и что самая большая неприятность, какая только может постичь сельское хозяйство, это — хороший урожай“.

Правительство закупило 6 млн. свиней и поросят, послало их на убой, а мясо бросило не на рынок, а просто потопило в реке. В то время, когда советская власть у нас заботится о том, чтобы каждый колхозник имел свою корову, в Америке буржуазия бросает лозунг: «Пристрелите каждую третью молочную корову».

Свою программу американское правительство назвало программой „восстановления". Ясно, что это не программа восстановления, а самая настоящая программа уничтожения народного хозяйства. Эта программа проводится в интересах воротил — банкиров, крупных спекулянтов, богатых торговцев и крупнейших сельскохозяйственных предпринимателей. Только они выигрывают на этом. Так обстоит дело в самой богатой, в самой передовой капиталистической стране мира. Так живется крестьянам самой богатой из всех капиталистических стран мира.

Крестьяне-фермеры начинают сопротивляться эксплоататорам и правительству Америки, которое является правительством капиталистов и банкиров. Они начинают сговариваться о продаже продуктов не ниже известной цены. Они демонстративно на рынках выливают молоко, когда скупщики вынуждают их продавать молоко ниже себестоимости. Они сопротивляются продаже своих ферм. Фермеры просыпаются. Они понемногу начинают сознавать, где их враг и где их друг. Движение рабочего класса и в Америке, и во всем мире увлечет за собой и миллионные массы разоряющихся американских фермеров.

Строительство социализма в Союзе Советских Социалистических Республик, коллективизация нашей деревни, подъем благосостояния крестьянских масс Союза, показывают американским фермерам единственную дорогу к выходу из разорения, нищеты и угнетения. Эта единственная дорога — пролетарская революция и строительство социалистического общества.

VII. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДЯЩЕГОСЯ КРЕСТЬЯНСТВА РОССИИ ОТ РАБСТВА И КАБАЛЫ

Рабочий класс России во главе с партией большевиков и ее вождями — Лениным и Сталиным уничтожил власть царя, уничтожил власть помещиков и капиталистов и в октябре 1917 г. взял власть в свои руки. В России установилась диктатура пролетариата, установилась власть советов. Царская „тюрьма народов“ была разрушена. Образовался Союз Советских Социалистических Республик, который является общей социалистической родиной для всех народов, угнетавшихся раньше царизмом.

Октябрьская пролетарская социалистическая революция освободила трудящихся крестьян от помещичьего гнета. Земля перешла в собственность пролетарского государства, сделалась достоянием трудящихся. Частная собственность на землю была отменена навсегда. Землею стали пользоваться только трудящиеся. Бедняцко-середняцкое крестьянство по одной только РСФСР получило 52 млн. га помещичьей, удельной, монастырской и церковной земли и около 50 млн. га кулацкой земли. По Украине бедняки и середняки получили 15 млн. га земли. Количество земли в пользовании у трудящихся крестьян почти удвоилось. Кроме того, крестьяне были полностью освобождены от всяких кабальных долгов, которыми обложили

их помещики и кулаки, и получили в свои руки значительную часть помещичьего инвентаря.

„В крестьянской стране первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще. Крестьянин голодал в России при помещиках и капиталистах. Крестьянин никогда еще, в течение долгих веков нашей истории, не имел возможности работать на себя: он голодал, отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам, в города и за границу. Впервые при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и питался лучше горожанина. Впервые крестьянин увидел свободу на деле, свободу есть свой хлеб, свободу от голода" (Ленин).

Пролетарская социалистическая революция открыла крестьянам такой путь развития, который действительно и навсегда освобождал бедняков и середняков от помещичьей и кулацкой кабалы, от разорения и нищеты, обеспечивал им зажиточную трудовую жизнь.

В чем же заключается этот выгодный для самих трудящихся крестьян путь развития их хозяйства?

„Такой труд, — указывал Ленин, — когда крестьянин работал на своем участке земли, на своем дворе, со своим скотом, птицей, бороной, сохой и прочим, — мы видели много лет, много столетий. Мы прекрасно знаем, что в России и других странах из этого получается только крестьянская темнота, нищета, господство богатых над беднотой, потому что вразброд одолеть те задачи, которые стоят перед сельскохозяйственными промыслами, нельзя. Можно получить только опять старую нищету, из которой один из ста или, может быть, пять из ста выбиваются в богатеньких, а остальные живут в нищете. Вот почему сейчас наша задача — переход

к общественной обработке земли, переход к крупному общему хозяйству“.

Вот какую цель поставил перед рабочими и крестьянами Советского Союза Ленин. Не назад к тому, что было при царе, помещиках и капиталистах, не назад — в лапы помещика и кулака, а вперед — к общественной обработке земли, к крупному общему, совместному хозяйству — к социализму. Только на этом пути трудящиеся крестьяне навсегда избавятся от эксплоатации, от нищеты, добьются облегчения своего труда и действительного улучшения своего положения.

Ленин учил, что труженика-крестьянина надо постепенно подготовить к тому, чтобы он сам отказался от своего единоличного мелкого хозяйства и стал бы вместе с другими тружениками-крестьянами под руководством рабочего класса и его партии строить коллективное хозяйство в деревне. Что же может ускорить переход основных масс крестьян от единоличной жизни к колхозной?

„Ускорить этот переход, — учил нас Ленин, — можно только такой помощью крестьянину, которая давала бы ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне“.

В 1919 г. Ленин говорил:

„Если бы мы могли дать завтра 100 000 первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т. е. за коммунизм)“.

Надо помочь крестьянину „пересесть с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой... на лошадь крупной машинной индустрии“ (Ленин).

А для этого надо индустриализировать нашу страну, надо поднять промышленность и двинуть ее вперед быстрыми шагами. И это надо сделать не только для помощи крестьянству, не только для превращения мелкого единоличного крестьянского хозяйства в коллективное социалистическое хозяйство. Это надо сделать потому, что только на основе развитой крупной промышленности можно построить полное социалистическое общество. Это надо сделать для того, чтобы нам самим производить все машины, все станки, все орудия производства и превратить СССР в страну, независимую от капиталистических государств. Это надо сделать для того, чтобы поднять обороноспособность нашей страны, чтобы никто не мог напасть на нашу социалистическую родину, чтобы неповадно было никому „совать свое свиное рыло в наш советский огород“.

На основе учения Ленина партия и рабочий класс, под руководством великого вождя трудящихся нашей страны и всего мира тов. Сталина, взялись за индустриализацию страны и развернули величайшую стройку заводов и фабрик, шахт и рудников, железных дорог и каналов.

Особенно развернулась эта стройка в первой большевистской пятилетке. Эта стройка быстрыми шагами идет и во второй пятилетке.

Уже с 1927 г. в деревне все больше стали появляться тракторы и молотилки. Прежде всего советская власть давала эти машины совхозам и старым, закаленным в бою с кулаками, колхозам. Среди крестьян сильно развились разные простейшие кооперативные товарищества — машинные, мелиоративные, молочные, льноводческие.

Бедняки и середняки все больше на опыте убеждались, что им выгоднее вести хозяйство не в одиночку, а кол-

лективно. В 1927 г. совхоз им. Шевченко на Украине организовал первую МТС.

Проводя индустриализацию, строя совхозы и организуя колхозы, партия, под руководством своего испытанного вождя тов. Сталина, подготовила великий перелом, великий исторический поворот трудящихся масс крестьянства на колхозный путь. В 1929 г., по выражению тов. Сталина, наступил „год великого перелома“.

Начиная с этого года трудящиеся крестьяне под руководством рабочих массами пошли в колхозы. К этому времени социалистическая промышленность уже дала деревне 30 тысяч тракторов. Успехи коллективного труда и трактор сделали свое дело. Трактор разбудил трудовую деревню от многолетней спячки и темноты, и она твердо стала на новый путь, на путь социализма. Кулачеству пришел конец. Мощный поток коллективизации подрывал самые основы существования кулачества и возможность эксплоатации кулаками трудящихся крестьян. Кулачество, чувствуя, что ему приходит конец, оказывало бешеное сопротивление проведению коллективизации в деревне. Советская власть и партия на основе сплошной коллективизации повели политику ликвидации кулачества как класса, политику ликвидации последнего эксплоататорского класса.

1931 и 1932 гг. были „годами наибольшего разгара реорганизации сельского хозяйства“, были годами коренной переделки нашего сельского хозяйства. „В эти годы количество колхозов и число их членов росли бурными темпами“ (Сталин).

Индустриализация страны и коллективизация деревни проходили в неустанной и острой борьбе с контрреволюционным троцкизмом и с правым оппортунизмом. Троц-

кисты считали крестьян врагами рабочего класса, тянули рабочий класс к разрыву с крестьянством, пытались оттолкнуть партию от великого завета Ленина о союзе рабочего класса с трудящимся крестьянством. Правые уклонисты пытались толкнуть партию на отказ от борьбы с кулаком. И те и другие всеми силами старались приостановить индустриализацию страны и коллективизацию деревни. Рабочий класс и его партия под могучим руководством тов. Сталина дали сокрушительный отпор и тем и другим и добились победы.

Вот какие итоги мы имеем в настоящее время. 65 процентов — две трети бедняцко-середняцких хозяйств стали колхозными. Колхозный строй завоеван прочно и навсегда. Партия создала из бывших мелких единоличных хозяйств 224 500 больших колхозов. На ряду с колхозами партия и советская власть укрепили старые совхозы и создали новые крупные совхозы.

Совхозы и колхозы вместе владеют сейчас 84.5 процента всех зерновых площадей по СССР. 65 процентов объединенных в колхозы крестьянских хозяйств владеют 73.9 процентами всех зерновых посевных площадей, в то время как индивидуальные крестьянские хозяйства, составляющие всего 35 процентов крестьянского населения, владеют только 15.5 процентов всех зерновых посевных площадей. Колхозы сдали в 1933 г. государству более миллиарда пудов зерна, а единоличные крестьяне, выполнившие план на все 100 процентов, сдали всего 130 млн. пуд.

„Колхозы и совхозы вместе стали такой силой, которая решает судьбу всего сельского хозяйства и всех его отраслей... Колхозы и единоличные крестьяне полностью переменились ролями, причем колхозы стали за это время господствующей силой сельского хозяйства, а единолич-

ные крестьяне — второстепенной силой, вынужденной подчиняться и приспосабливаться к колхозному строю.

Надо признать, что трудовое крестьянство, наше советское крестьянство окончательно и бесповоротно стало под красное знамя социализма“ (Сталин).

Наша партия и правительство покрыли страну сетью МТС, которые являются великими рычагами социалистического переустройства сельского хозяйства. МТС принесли с собою в деревню сотни тысяч тракторов и машин, посланных крестьянству рабочим классом и его партией. Партия и советская власть обеспечили колхозам и совхозам огромную машинную техническую помощь. Колхозные поля вместе с полями совхозов обслуживают 204 тыс. с лишним тракторов в 3 млн. 100 тыс. лошадиных сил. В МТС кроме тракторов имеются такие крупные машины, как 11 500 комбайнов, 50 тыс. сложных и полусложных молотилок, 13 500 грузовых автомобилей.

Первый год второй пятилетки принес такие победы нашему социалистическому земледелию, которые удивляют сейчас весь мир. На полях СССР впервые в истории России и Советского Союза собрано в 1933 г. 5.5 млрд. пуд. зерна. Средняя урожайность зерновых культур составила по Украине 12 центнеров с га, а по пшенице — 13.

Кулачеству нанесен сокрушительный удар. В основном класс этих мироедов ликвидирован, но еще не добит окончательно, и кулаки изо всех последних сил пытаются повернуть деревню назад.

Наши колхозы в огромном большинстве еще молодые. Они еще не окрепли как следует. Колхозники не стали сразу сознательными, не стали сразу социалистами. У них еще много остатков старых привычек. Некоторые из них

думают, как бы поживиться в колхозе, пожить за счет других. Колхозники никогда раньше не знали сложных машин и тракторов, а тут им на ходу приходится учиться работать на машинах. Учеба эта нелегкая, на первых порах машина часто ломается, не дает неопытному работнику того, чего он добивается. У отдельных колхозников при неудачах нередко опускаются руки. Всеми этими слабостями колхозов и колхозников мечтает воспользоваться недобитый и перекрасившийся под „труженика“ кулак. Он старается пролезть в колхоз и там ведет потихоньку свою вредительскую работу. Ворует колхозное добро и подбивает на это дело несознательных колхозников. Поощряет лентяев и обсчитывает ударников. Заводит уравниловку и обезличку. Портит машины, морит голодом лошадей, ведет дело к тому, чтобы уборка урожая сопровождалась большими потерями.

Поэтому тов. Сталин призвал всех рабочих и всех честных колхозников не давать пощады врагам, выгнать их из колхозов, укрепить колхозы, сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными. А сделать колхозы большевистскими это значит поставить во главе колхозов преданных партии людей — коммунистов или беспартийных, ударников коллективизации. Это значит очистить колхозы от кулаков и вредителей; уничтожить обезличку и уравниловку в колхозах; бороться с лодырничеством, трудиться честно, зорко оберегать колхозное добро, особенно машины и урожай, научиться бережному отношению с трактором; сдавать в первую очередь государству полагающуюся по закону часть урожая и, наконец, распределять доходы строго по трудодням. И если колхозники будут так укреплять колхозы, то они быстро добьются невиданных урожаев на колхозных полях и станут зажиточными. Теперь это большинство колхозников отлично поняли. И что это верно —

показывает их ударная работа на полях, высокий урожай, первоочередная досрочная сдача государству хлеба и других продуктов в 1933 г.

По почину тов. Сталина наша партия создала в МТС и совхозах политотделы для того, чтобы „обеспечить партийный глаз и контроль во всех областях работы и жизни как самих МТС и совхозов, так и обслуживаемых МТС колхозов“. Организация политотделов является доказательством того огромного внимания, какое партия уделяет колхозному строительству. Политотдельщики — это посланцы пролетарского города в деревню, это — целая армия закаленных и проверенных людей, под руководством которых деревня верными и быстрыми шагами идет вперед к социализму. Политотделы внимательно и чутко относятся ко всем мелочам жизни и работы в колхозах и за короткий срок своего существования провели огромную работу. Если за последний год наши колхозы стали активнее выявлять кулаков и вредителей, активнее бороться с лодырями, поощрять ударников, если наши колхозы стали лучше применять машины, добиваться высоких урожаев и сделали крупный шаг вперед к зажиточной жизни, то большую роль здесь сыграли политотделы МТС.

В 1933 г. в десятках тысяч колхозов бывшие бедняки и середняки-единоличники работали как настоящие ударники и получили высокие трудовые доходы за свои трудодни.

Со всех концов Советского Союза колхозники пишут и говорят о тех великих победах, которых они добились в колхозах, борясь за их укрепление, за высокие урожаи, за зажиточную жизнь.

Но на достигнутом останавливаться нельзя. Тов. Сталин в декабре 1933 г. на приеме делегации колхозников Днепропетровской обл. еще раз напоминает:

„У колхозов есть теперь все что нужно для зажиточной жизни, у колхозов есть прекрасная земля... У колхозов есть далее трактора, сельскохозяйственные машины... Наконец, у колхозов есть свое рабоче-крестьянское правительство, которое помогает крестьянам всеми мерами, всеми средствами... Стало быть у колхозов есть все для того, чтобы жить зажиточно". И затем добавил: „Если все колхозники — все, а не только большинство — будут работать честно — колхозы завалятся продуктами, они завалятся всяким добром, и наша страна станет самой богатой страной в мире".

Колхозы — это путь не только к зажиточной жизни. Колхозы — это путь и к жизни равноправной. Известно, как была забита и бесправна крестьянка в старой деревне. Тов. Сталин на основе учения Маркса и Ленина решительно и четко поставил вопрос о том, что только социализм дает действительное и полное равенство женщине с мужчиной.

„Колхозницы, — говорил тов. Сталин на съезде колхозников-ударников, — должны помнить, что только в колхозе имеют они возможность стать на равную ногу с мужчиной. Без колхозов — неравенство, в колхозах — равенство прав. Пусть помнят об этом товарищи колхозницы и пусть они берегут колхозный строй, как зеницу ока".

Тов. Сталин ясно видел, какую великую силу представляют миллионы колхозниц в деле строительства колхозов, и своими простыми и мудрыми словами он призвал их к сознательной и активной деятельности, призвал к строительству социализма. И уже тысячи и тысячи колхозниц принимают деятельное участие в строительстве колхозов. И не мало уже женщин бригадиров, женщин председателей колхозов. А на завтра их будет еще больше.

Колхозная жизнь — это не только зажиточная жизнь для всех колхозников и колхозниц, это — не только равенство женщины с мужчиной. Колхозная жизнь — это культурная жизнь.

Колхозники все больше и больше начинают понимать, что зажиточная жизнь — это вместе с тем культурная жизнь, это — школа, ясли, клуб, радио, курсы, театр, кино, почта, газета, книга, хорошая дорога...

„Нынче многие из наших колхозников, — пишут колхозники Псковщины (Ленинградская обл.), — станут зажиточными людьми... Теперь облик деревни изменился, теперь вот приехали в отпуск наши дети — студенты вузов и техникумов, теперь даже замужние колхозницы и те рвутся к учению, не уступая молодым. Поступают на курсы животноводов, молочниц, льнотеребильщиц, машиноведов. Не только зажиточным, но и образованным делается колхозник“. Так под руководством великой Ленинской партии и ее вождя тов. Сталина исчезла старая „рассейская“ темная и нищая забитая деревня.

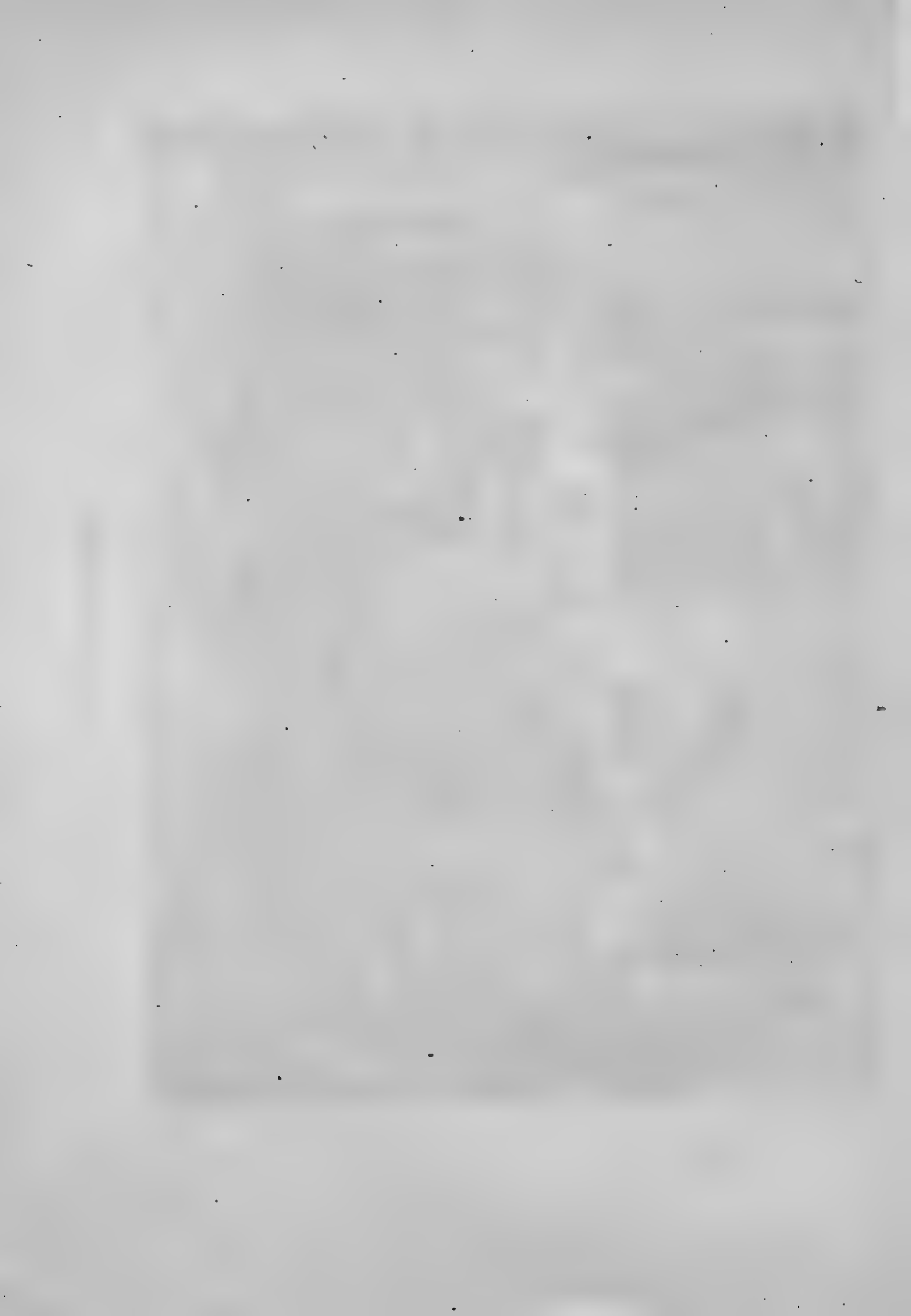
„Старая деревня с ее церковью на самом видном месте, с ее лучшими домами урядника, попа, кулака на первом плане, с ее полуразваленными избами крестьян на заднем плане — начинает исчезать. На ее место выступает новая деревня с ее общественно-хозяйственными постройками, с ее клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с ее тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями. Исчезли старые знатные фигуры кулака-эксплоататора, ростовщика-кровососа, купца-спекулянта, батюшки-урядника. Теперь знатными людьми являются деятели колхозов и совхозов, школ и клубов, старшие трактористы да комбайнеры, бригадиры по полеводству и животноводству, лучшие ударники и ударницы колхозных полей.

Исчезает противоположность между городом и деревней. Город перестает быть в глазах крестьян центром их эксплоатации. Все крепче становятся нити хозяйственной и культурной смычки между городом и деревней. От города и его промышленности деревня получает теперь помощь — тракторами, сельхозмашинами, автомобилями, людьми, средствами. Да и сама деревня имеет теперь свою промышленность в виде машинно-тракторных станций, ремонтных мастерских, всякого рода промышленных предприятий колхозов, небольших электростанций и т. п. Культурная пропасть между городом и деревней заполняется" (Сталин).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

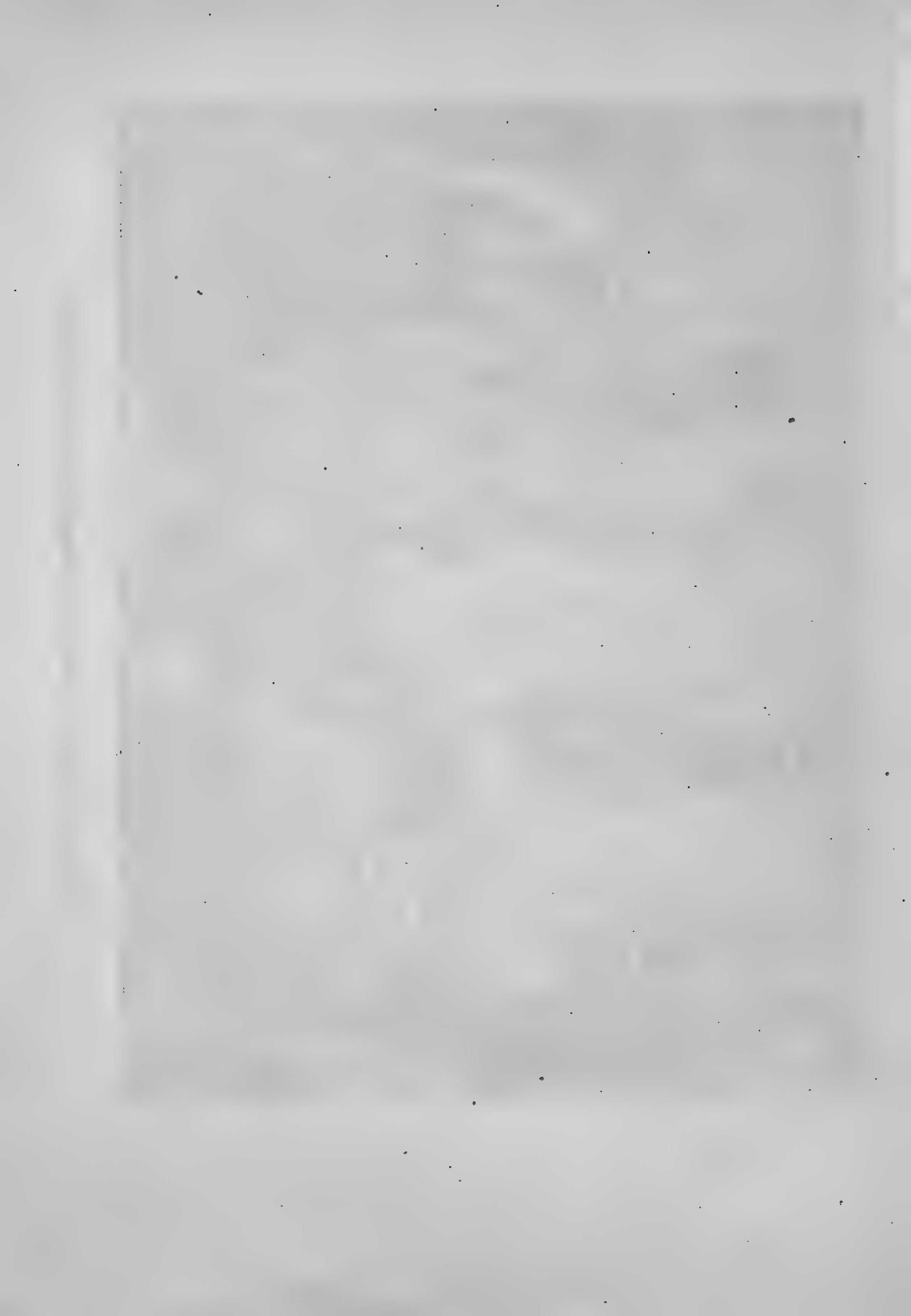
ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Торг крепостной

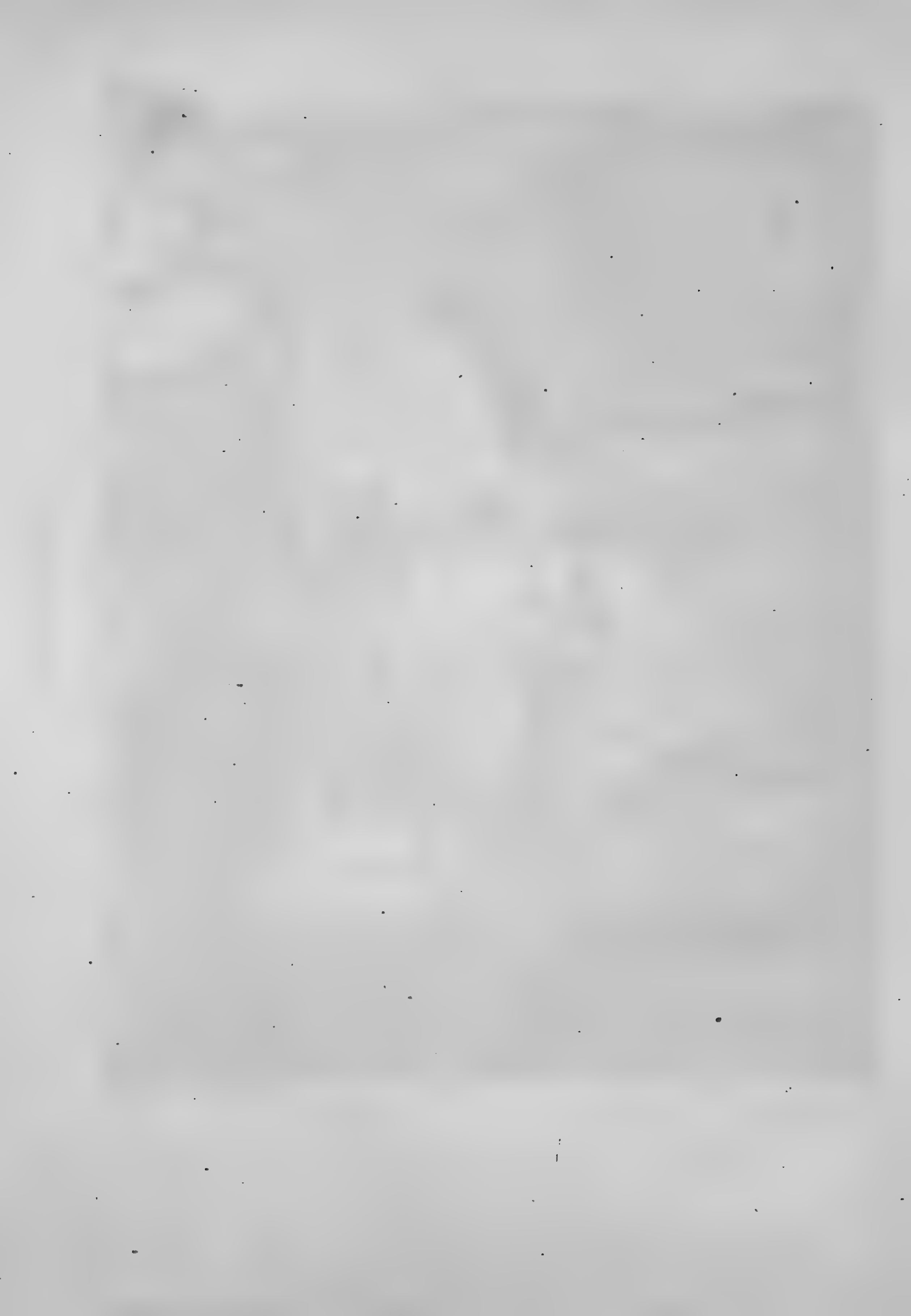

Продажа крепостных на Нижегородской ярмарке

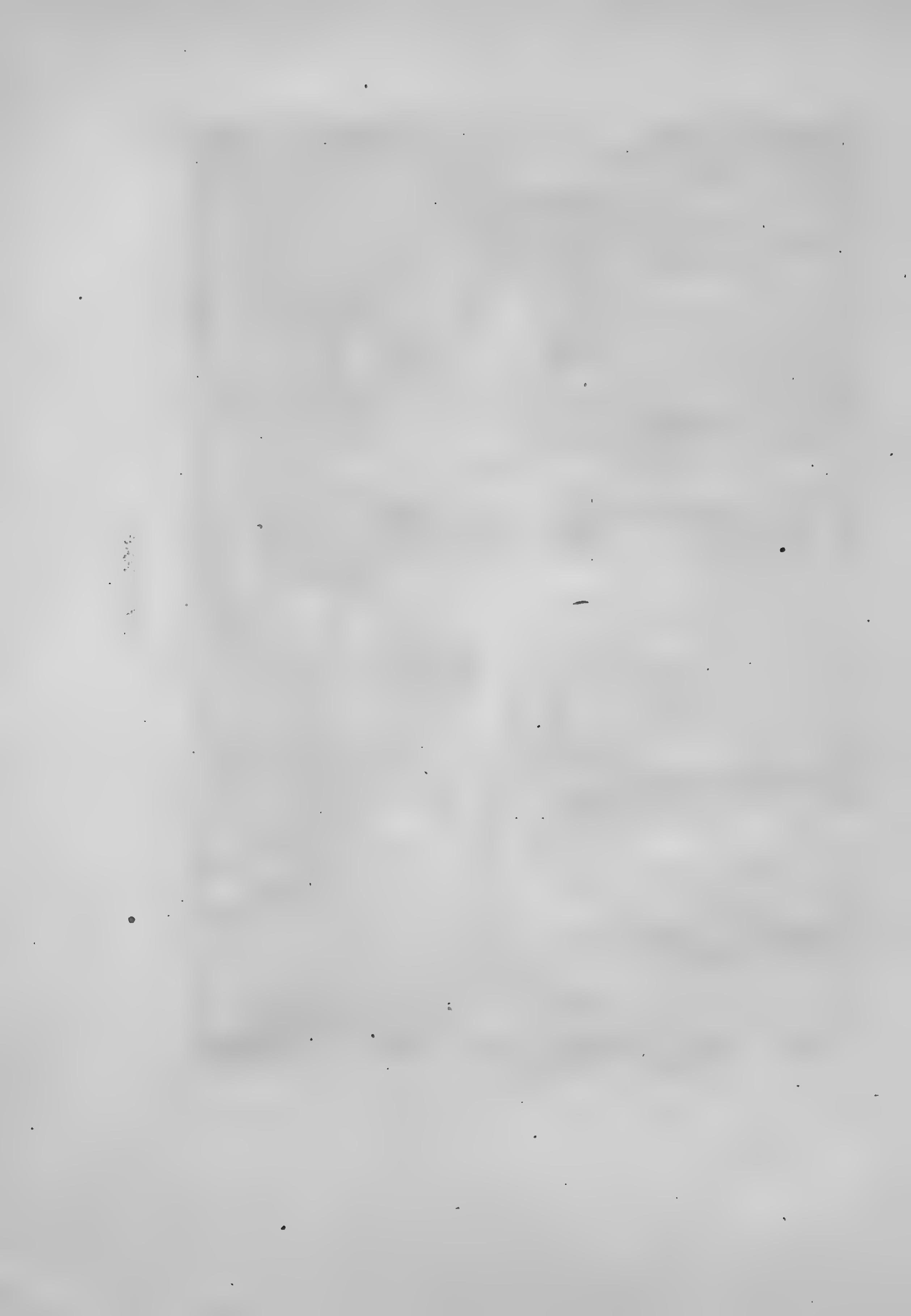

Отдых барыни

Салтычиха

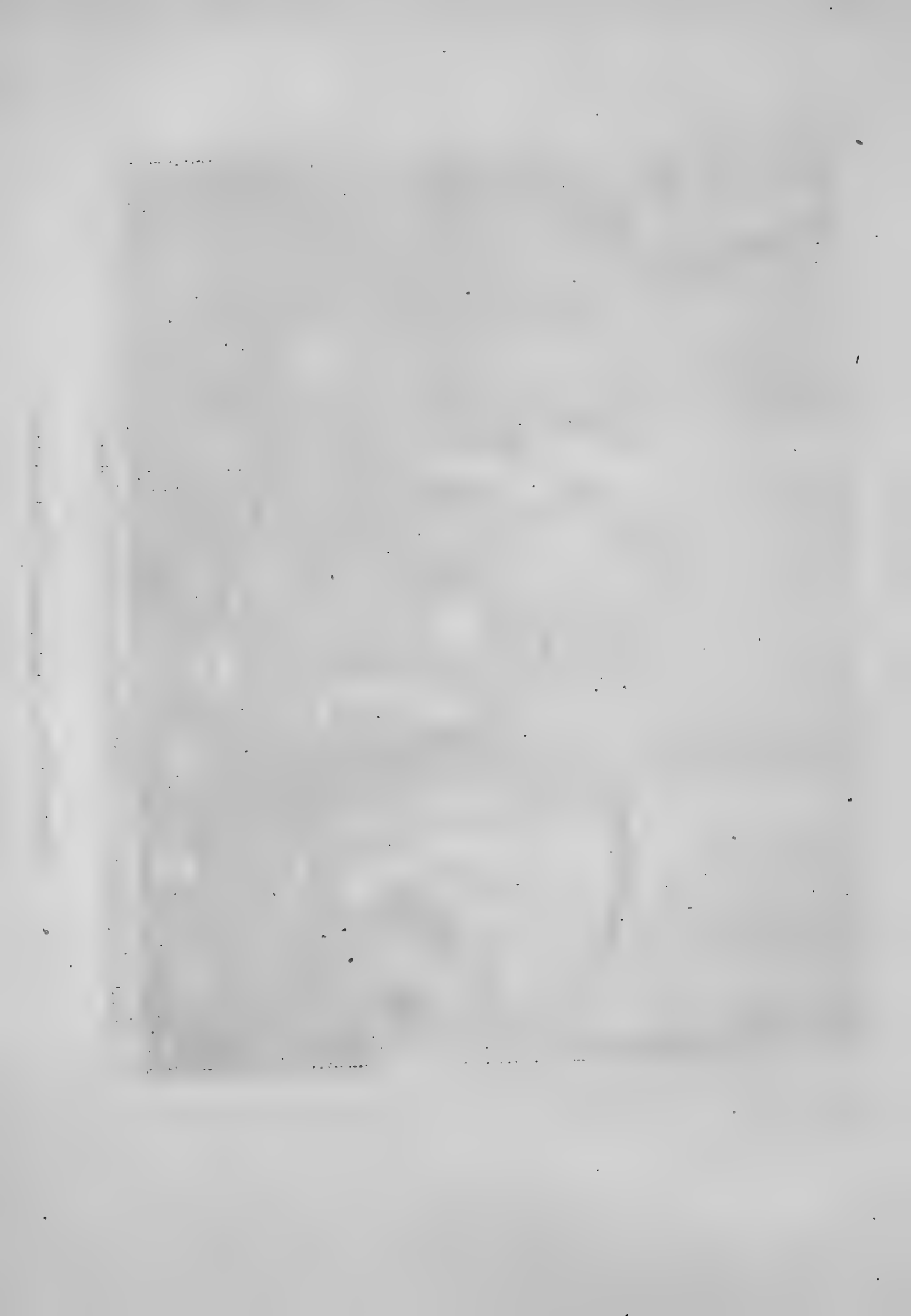

Разгром помещичьей усадьбы

Крестьянские волнения с 1826 по 1861 г.

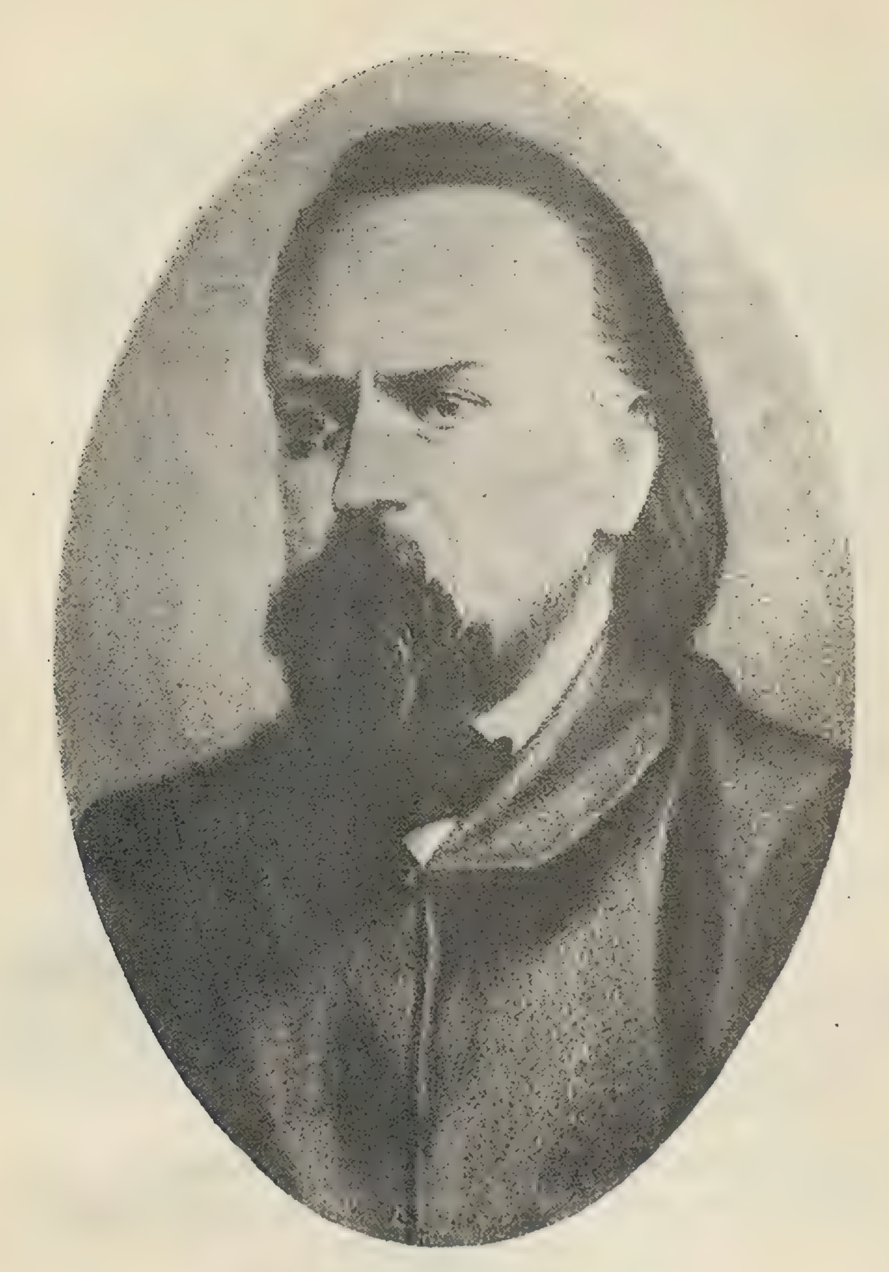

Расстрел в селе Бездне

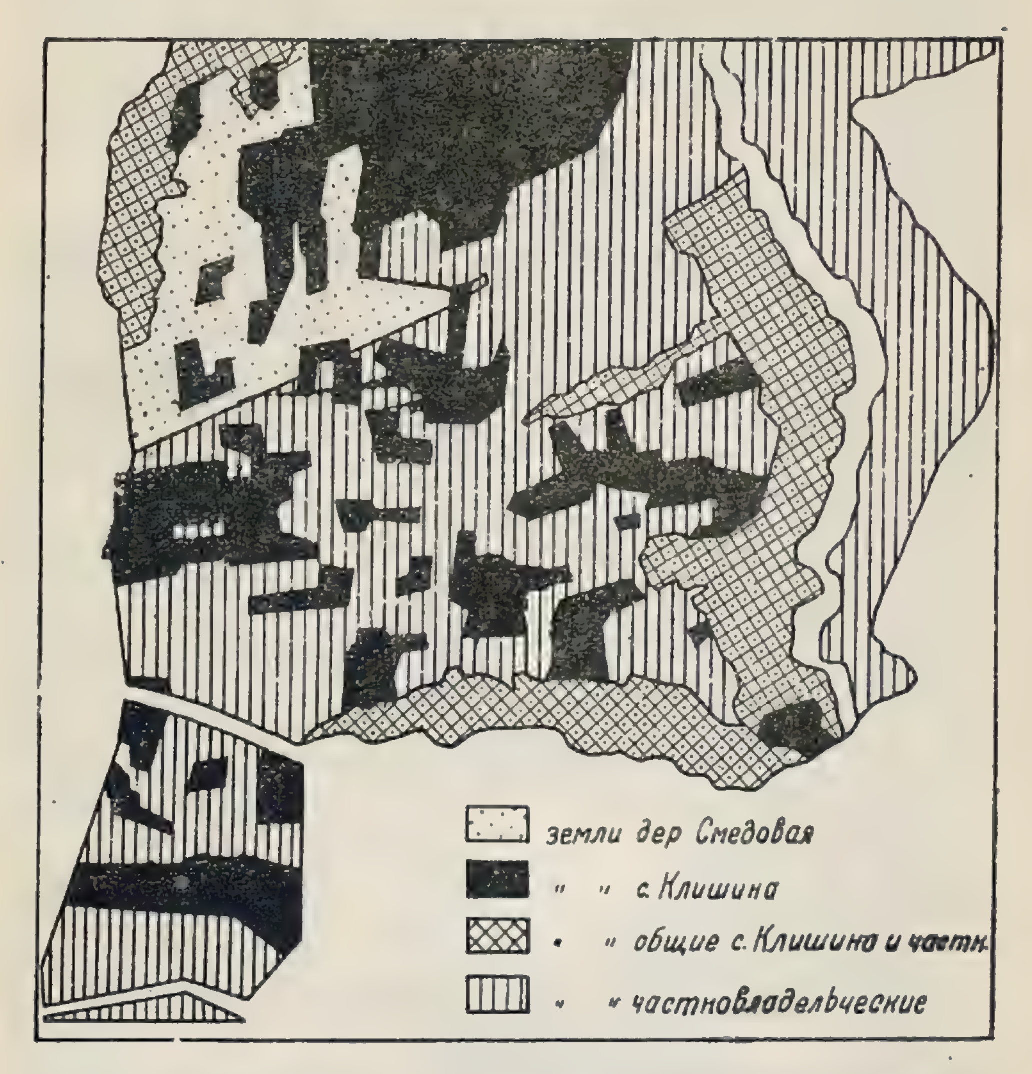
Николай Гаврилович Чернышевский

Александр Иванович Герцен

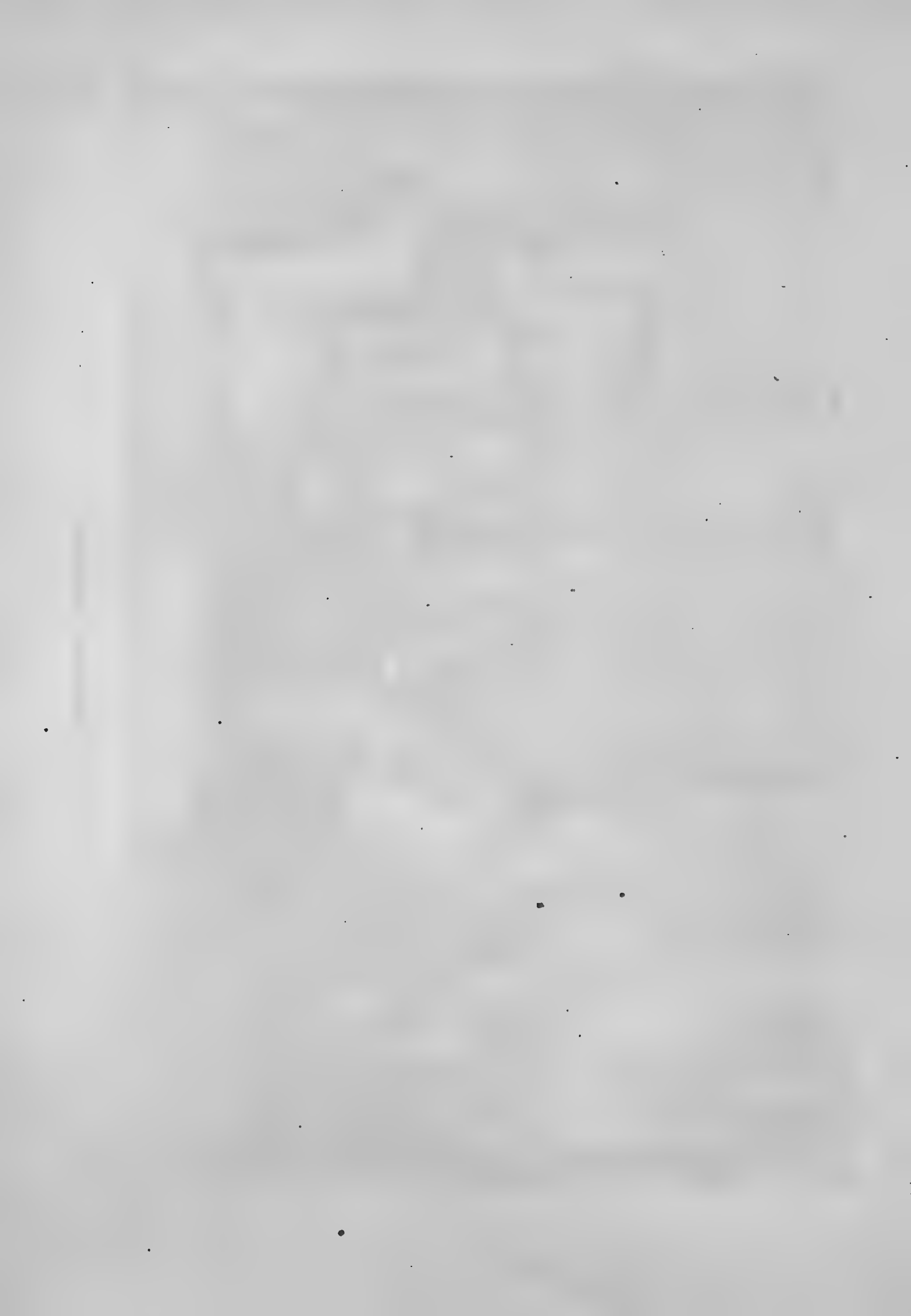

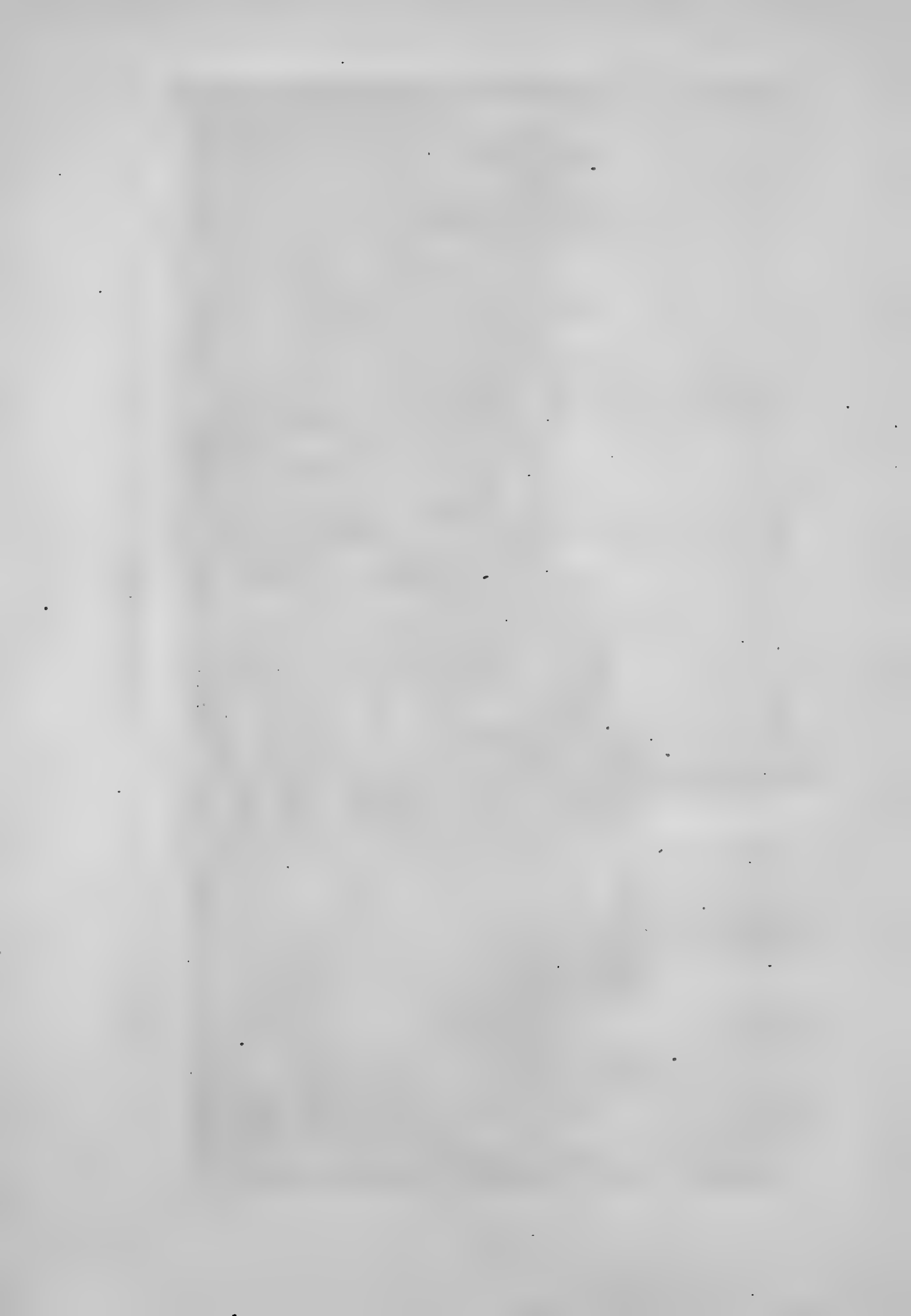
План помещичьих и крестьянских надельных земель деревни Смедовая (Тульской губ.) и села Клишина (Рязанской губ.)

Земское собрание

Спор на меже

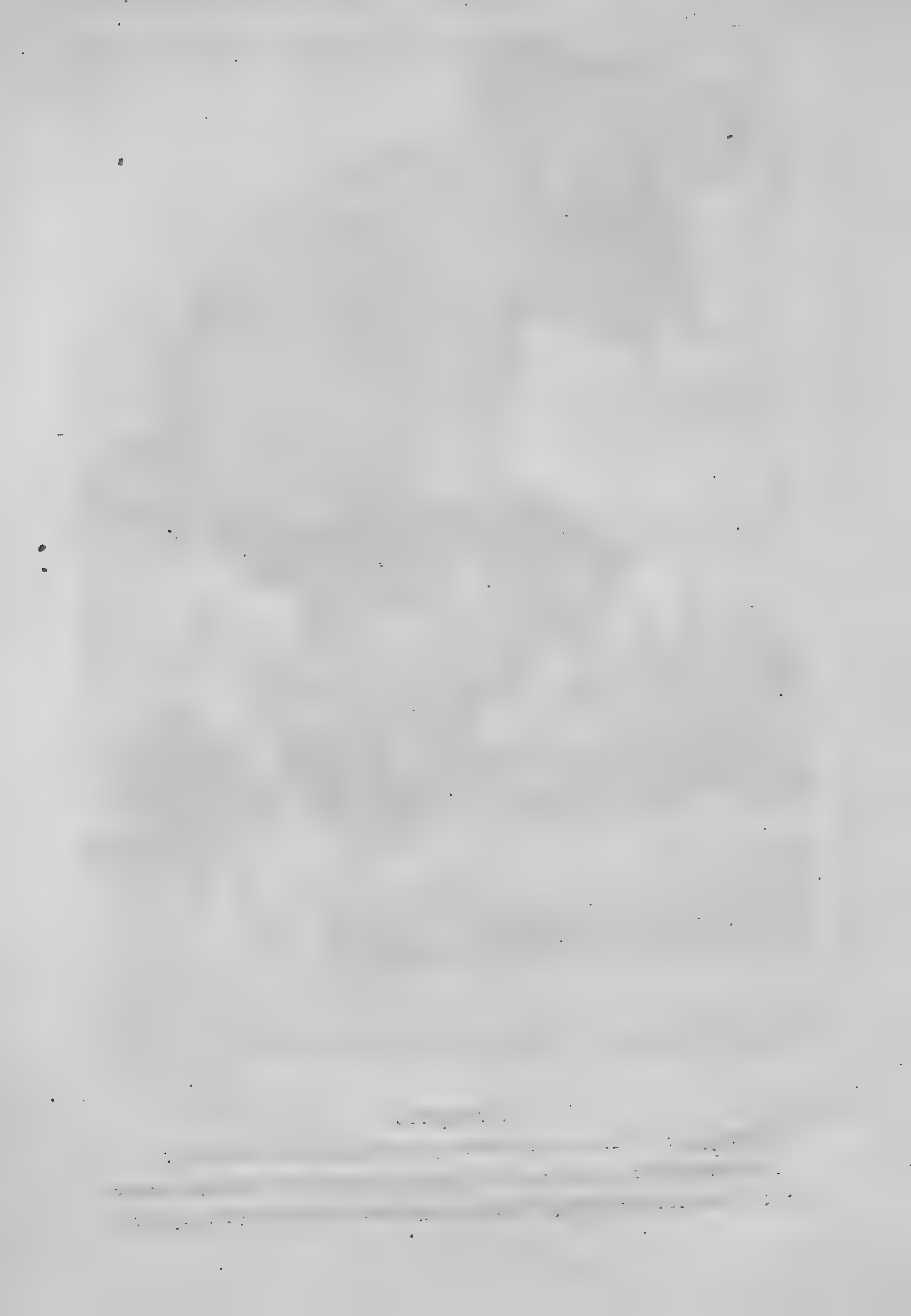
Потрава

Аграрное

Помещик: — Что ты, мужичок, на одной ноге стоишь?

Крестьянин: — Да другую, вишь, поставить некуда: везде вашей милости землица. Боюсь, еще за потраву судить будете.

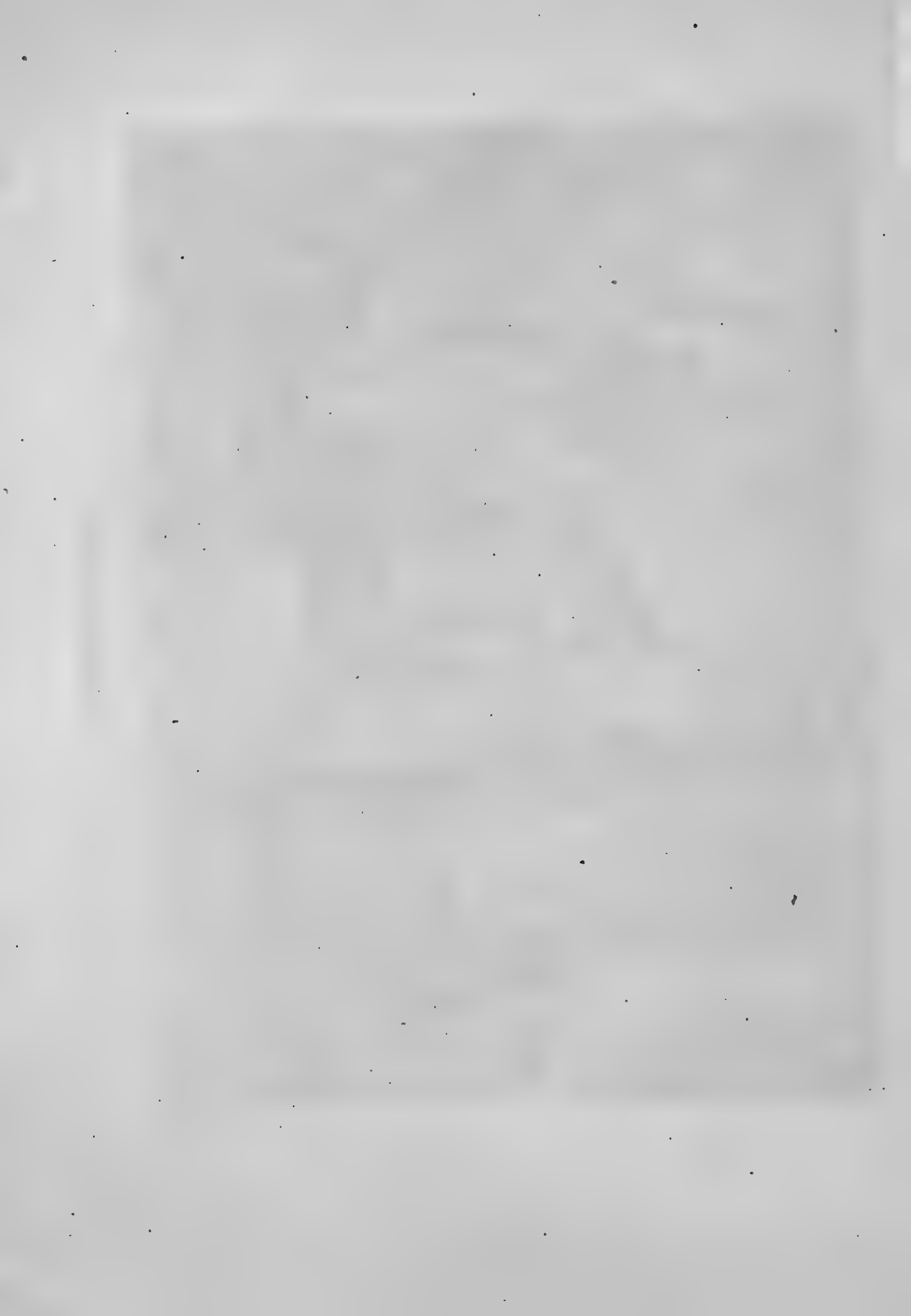

Мироед

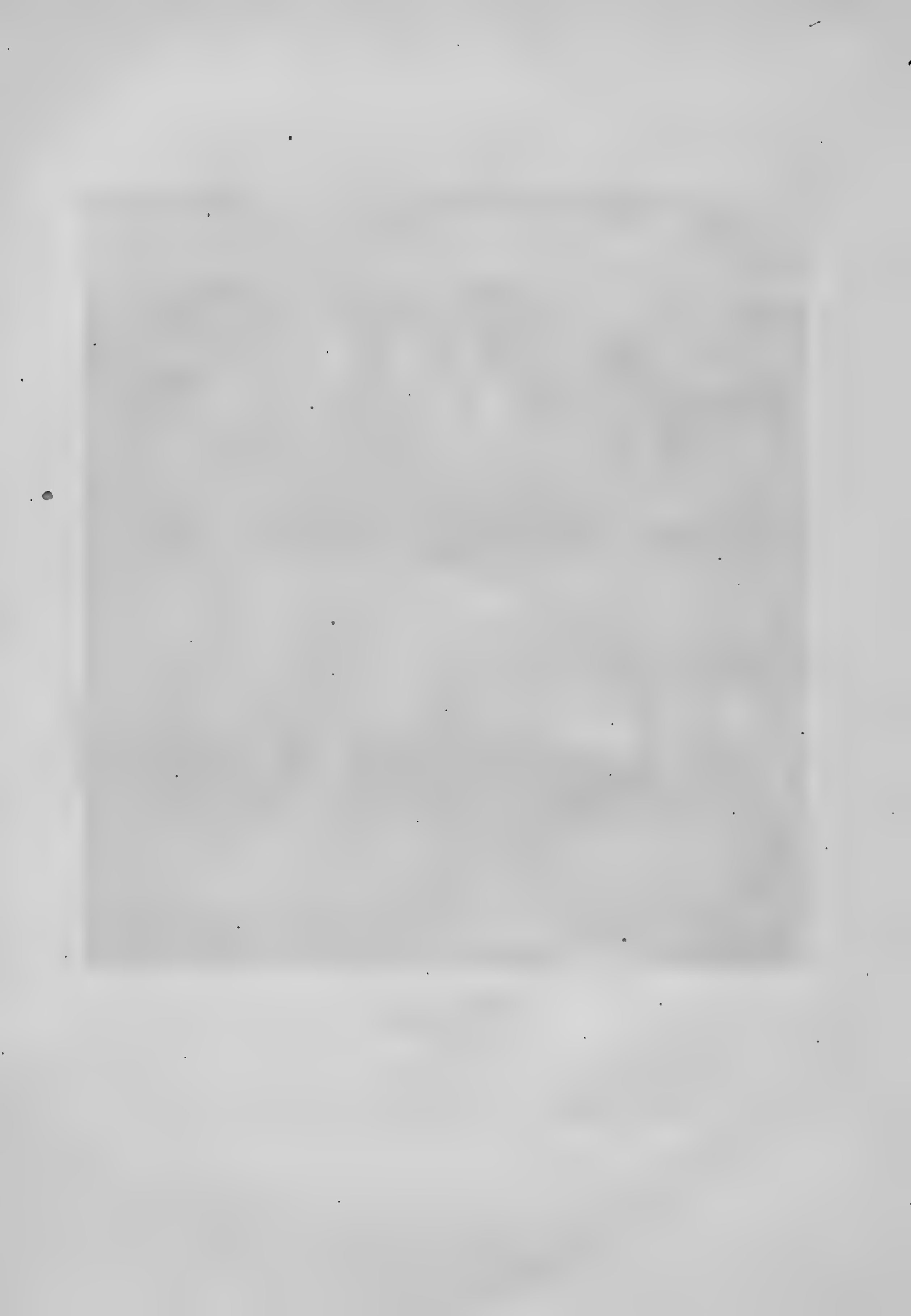

У мирового судьи

На миру

Взыскание недоимок

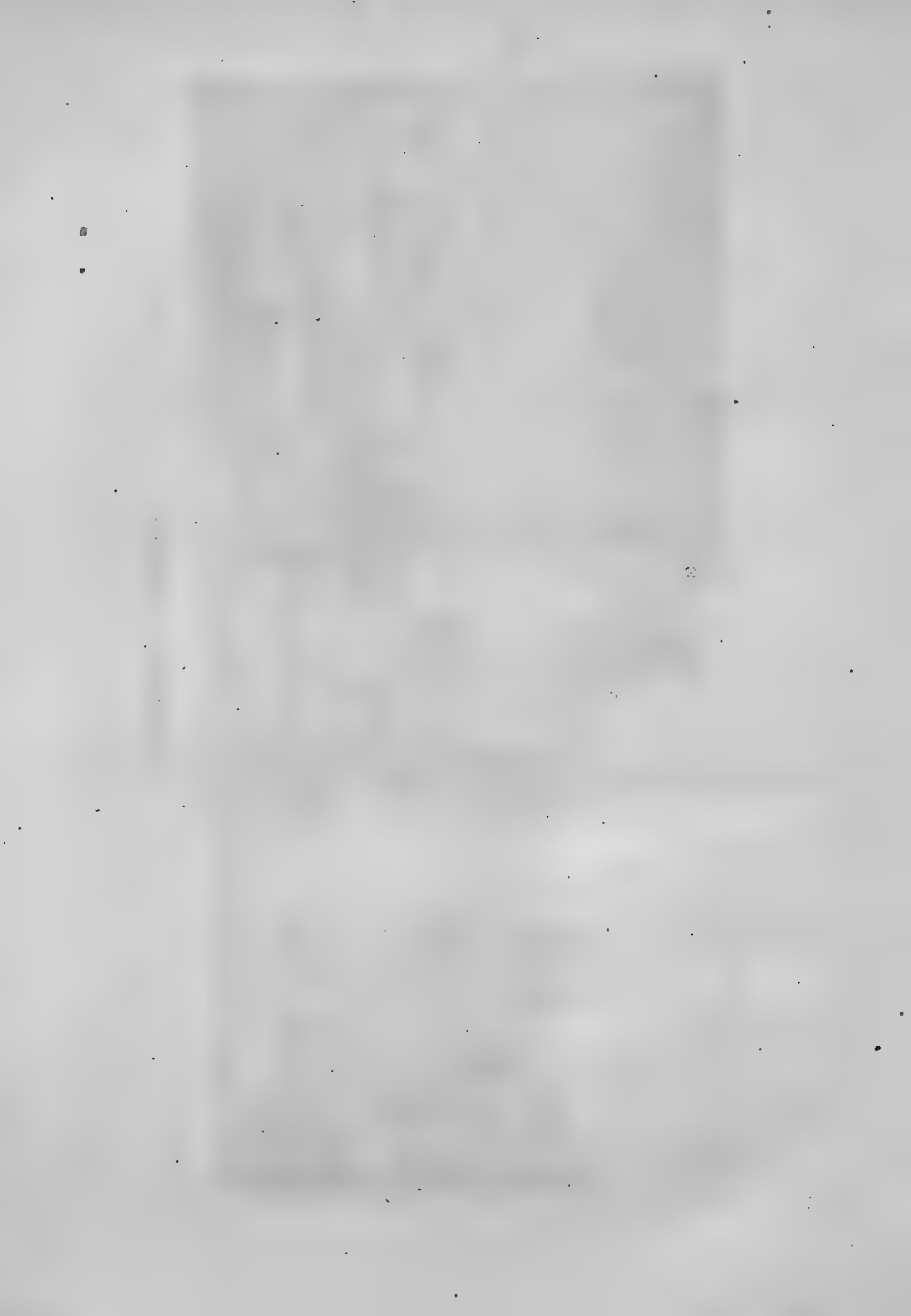

Переселенцы

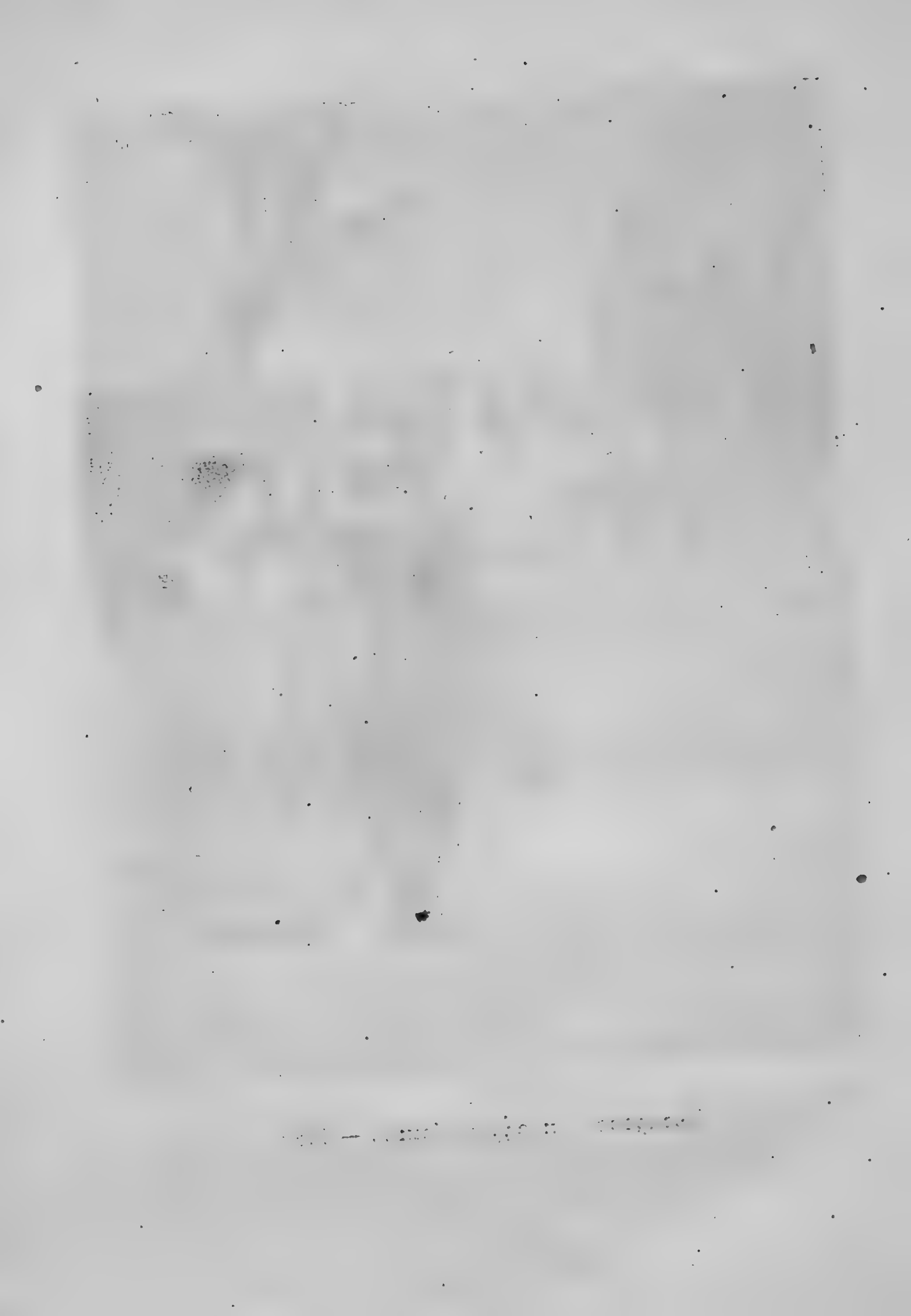
В ожидании работы

Скармливают крышу в голодный 1891 год

Кесарево — кесарю, божье — богу

Порка крестьян

Мы царствуемъ надъ вами.
Мы морочимъ васъ
Мы стрѣляемъ въ васъ
Мы ѣдимъ за васъ
Мы работаемъ за васъ
Мы кормимъ васъ.
Но настанетъ пора — возмутится народъ.
Разогнетъ онъ согбенную спину
И дружнымъ, могучимъ напоромъ плеча
Опрокинетъ онъ эту махину.

Пирамида

Разгром экономии в 1902 г.

Для кого эта машинка играет?

СОДЕРЖАНИЕ

*

Ответственный редактор А. И. Малышев
Технический редактор А. Д. Покровский
Ученый корректор А. В. Суслов

*

Сдана в набор 25 июля 1934 г.
Подписана к печати 9 ноября 1934 г.

*

Формат бум. 72×110 см. $^{1}/_{32}$. — $8^{3}/_{4}$ печ. л. — 54272 печ. зн. в л. — Ленгорлит № 28874. — АНИ № 439. — Заказ № 166 — Тираж 20 175

*

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

*

СПИСОК ТРУДОВ
ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА АКАДЕМИИ НАУК СССР

Том I. Материалы по истории Карельской АССР (вып. 1). **Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.** IV + 268 стр. Ц. 6 руб. *(Распродано)*

Том II. Крепостная мануфактура в России (ч. I). **Тульские и Каширские железные заводы.** XXXIV + 503 стр. Ц. 7 руб. *(Распродано)*

Том III. Крепостная мануфактура в России (ч. II). **Олонецкие медные и железные заводы.** XXVI + 247 + 62 стр. Ц. 6 руб. *(Распродано)*

Том IV. Материалы по истории народов СССР (вып. II). Материалы по истории Татарской АССР. **Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г.** XXV + 208 стр. Ц. 10 руб.

Том V. Крепостная мануфактура в России (ч. III). **Дворцовая полотнянная мануфактура XVII в.** XXXIV + 382 стр. Ц. 13 руб. *(Распродано)*

Том VI. Материалы по истории народов СССР (вып. III). Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. **Торговля с Московским государством и международное положение средней Азии в XVI — XVII вв.** (ч. I). XVII + 504 стр. Ц. 15 руб.

Том VII. Материалы для библиографии по истории народов СССР. XVI—XVII вв. 354 стр. Ц. 5 руб.

Том VIII. Материалы по истории феодально-крепостного хозяйства. **Хозяйство крупного феодала крепостника XVII в.** (вып. I). LXXXIII + 349 стр. Ц. 21 руб. в перепл. *(Распродано)*

Том IX. Проблемы источниковедения, сборник первый. 211 стр. Ц. 4 руб.*

Том X. Материалы по истории крестьянских движений (вып. I). **Разгром Разинщины.** Ц. 11 руб. в перепл. *(Распродано)*

Том XI. Крепостная мануфактура в России (ч. IV). **Социальный состав рабочих первой половины XVIII в.** 198 стр. Ц. 8 руб. 50 коп.

Том XIII. Крепостная мануфактура в России (ч. V). **Московский Суконный Двор.** Ц. 11 руб.

Вышли из печати „Исторические сборники", томы I, II, III.

---

* Издан Соцэкгизом; остальные книги выпущены Издательством Академии Наук СССР.

КРЖИЖАНОВСКИЙ, Г. М. **Проблема социалистической реконструкции и освоения Волго-Каспийского бассейна.** 1934. 17 стр. Ц. 25 к.

КРЖИЖАНОВСКИЙ, Г. М. **Энергетические ресурсы Ленинградской области и план их использования.** 1931. 52 стр. Ц. 35 к.

КРЫЛОВ, А. Н. **Леонард Эйлер.** К 150-летию со дня смерти. 1933. С 1 фиг. 39 стр. Ц. 75 к.

ЛАЗАРЕВ, П. П. **Современные проблемы биологической физики и их практическое значение.** 1933. 17 стр. С 7 фиг. Ц. 50 к.

НАДСОН, Г. А. **Использование водорослей северных морей в технике и сельском хозяйстве.** 1932. 12 стр. Ц. 15 к.

ПАВЛОВ, М. А. **Перспективы развития чугуно-плавильного производства в Ленинградской области и его сырьевая база.** 1932. 15 стр. Ц. 20.

ТУЛАЙКОВ, Н. М. **Борьба с засухой в зерновом хозяйстве.** 1933. 27 стр. Ц. 75 к.

ТУЛАЙКОВ, Н. М. **Орошаемое зерновое хозяйство Заволжья.** 1934. 38 стр. Ц. 45 к.

ФЕРСМАН, А. Е. **Ископаемое сырье Ленинградской области и его перспективы.** 1932. 38 стр. Ц. 30 к.

ЧЕРНЫШЕВ, А. А. **Высоковольтные сети в районах Волги.** 1934. 19 стр. С 4 фиг. Ц. 30 к.

ЧЕРНЫШЕВ, А. А. **Единая высоковольтная сеть СССР.** 1931. 16 стр. Ц. 15 к.

III. Экспедиционная деятельность

Вестник Академии Наук СССР. 1932. Внеочередной номер, содержащий описание экспедиций Академии Наук в 1931 году. С мног. иллюстр. Ц. 1 р. 80 к.

Путеводитель по Хибинским тундрам. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1932. 200 стр. С 23 фиг. и 1 картой. Ц. 2 р. 50 к.

Экспедиции Всесоюзной Академии Наук 1932 года. Научно-популярные очерки. 1933. 362 стр. С 177 фиг. и 2 картами. Ц. 8 р.

Экспедиции Академии Наук СССР 1933 года. Научно-популярные очерки. 1934. 320 стр. С многочисл. иллюстр. Ц. 8 р.

Хибинская горная станция. Сборник под ред. акад. А. Е. Ферсмана. 1934. 100 стр. Ц. 1 р. 50 к.

IV. История науки и техники

Архив Академии Наук СССР. Обозрение архивных материалов. Под общей редакцией Г. А. Князева. 1933. 260 стр. С 18 табл. Ц. в коленк. перепл. 9 р. 50 к.

Архив истории науки и техники. Под редакцией акад. Н. И. Бухарина. Вып. III. 1934. 349 стр. С 68 фиг. Ц. в коленк. перепл. 11 р. 50 к.

История динамомашины в источниках. Составили Д. В. Ефремов и М. И. Радовский. Под редакцией и с предисловием акад. В. Ф. Миткевича. 1934. 35 печ. лист. С мног. иллюстр. (в печати).

МЕНШУТКИН, Б. Н. **Важнейшие этапы в развитии химии за последние полтораста лет.** (Научно-популярная литература). Издание 3-е. 1934. 120 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Новое известие о России времени Ивана Грозного. „Сказание“ Альберта Шлихтинга. Перевод, примечания и редакция А. И. Малеина. 1934. 64 стр. Ц. 1 р. 25 к.

РАДЦИГ, А. А. **Развитие паровой турбины.** 1934. 63 стр. С 33 фиг. Ц. 1 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВ, М. М. **Бэр на Новой Земле.** 1934. 52 стр. С 7 фиг. Ц. 80 к.

V. Популярное естествознание.

КОМАРОВ, В. Л. **Происхождение растений** (серия научно-популярная). 1933. 192 стр. С 29 фиг. Ц. 3 р. 50 к.

МЕДВЕДЕВ, Ю. В. **Новые направления в учении о ферментах.** (Научно-популярная литература). 1932. 124 стр. Ц. 2 р.

СОЛОВЬЕВ, М. М. **Проблема сапропеля в СССР.** (Научно-популярная литература). 1932. 102 стр. С 46 фиг. Ц. 2 р.

СУМГИН, М. И. **Вечная мерзлота.** (Научно-популярная литература). 2-е дополненное издание. 1934. 84 стр. С 34 фиг. Ц. 2 р.

VI. Литература и язык

Беседы с начинающими писателями. Итоги двухлетней работы (Институт русской литературы). 1934. 50 стр. Ц. 60 к.

ВЕКСЛЕР, И. И. **Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов.** 1934. 70 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Литературная библиография. Том I. Литературоведение в 1931 г. Аннотированная библиография. Под редакцией С. Д. Балухатого. 1934. 132 стр. Ц. 3 р.

М. Горький. Материалы и исследования. I. Под редакцией В. А. Десницкого. (Литературный архив). 1934. 552 стр. С 17 фиг. и 5 портр. Ц. в коленк. перепл. 14 р.

МЕЩАНИНОВ, И. И. **Проблема классификации языков в свете нового учения о языке.** 1934. 47 стр. Ц. 1 р.

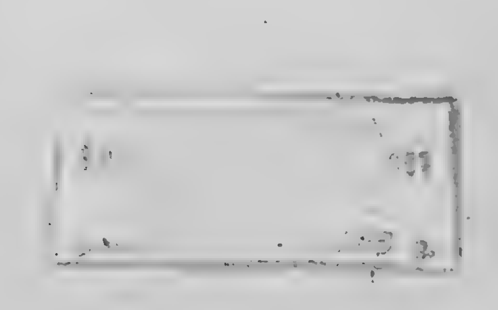
Социалистический реализм. Библиографический указатель. Под редакцией Н. К. Пиксанова. 1934. 76 стр. Ц. 2 р.

Труды Отдела древне-русской литературы. I. (Институт русской литературы). 1933. 360 стр. Ц. 8 р. 50 к.

УШАРОВ, К. А. **Узбекский язык на современном этапе и тенденции его дальнейшего развития.** 1932. 26 стр. Ц. 75 к.

Фердовси. 934—1934. Институт востоковедения Академии Наук СССР и Госуд. Эрмитаж. 1934. 220 стр. В художеств. оформл. переплете. Ц. 8 р.

Яфетический сборник. VII. Под редакцией акад. Н. Я. Марра. 1932. 227 стр. Ц. 2 р. 50 к. (Среди статей: Е. Н. Петрова. Яфетидология лицом к школе; С. И. Турчанинов. Основные принципы развития слова, и пр.).

Все издания Академии Наук СССР высылает наложенным платежом **Книжный магазин Издательства Академии Наук СССР: Ленинград, II, Просп. 25 октября, 29.**

Цена 2 р. 50 к.

Переплет 50 к.

1126/5